

ББК 66.6; 66.3
П 18

Серия
«Политология»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Отв. ред. и сост. *Н.В.Анохина, Е.Ю.Мелешкина*

П 18

Партии и выборы: Хрестоматия / РАН.ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; Отв. ред. и сост. Н.В.Анохина, Е.Ю.Мелешкина. — Ч.1. — М.: ИНИОН, 2004. — 150 с. (Сер.: «Политическая наука»). ISBN 5–248–00186–2

В хрестоматии представлены переводы, рефераты и оригинальные работы исследователей, посвященные отдельным аспектам функционирования политических партий, партийных систем и выборов. Освещаются вопросы методологии сравнительного анализа, представлены различные концепции и подходы, примеры наиболее значительных исследований.

Предназначено для студентов, изучающих политическую науку и смежные дисциплины, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется развитием важнейших институтов современной демократии: партий и выборов.

ББК 66.6; 66.3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	4
I. Политические партии и партийные системы: Теоретические и методологические аспекты сравнения.	7
<i>Р.Кац, П.Мэир.</i> Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: Возникновение картельных партий. (Реферат).....	7
<i>Дж.Сартори.</i> Партии и партийные системы: Рамки анализа.	14
<i>Арендт Лейпхарт.</i> Партийные системы. Двухпартийные и многопартийные системы	27
II. Социально-политические размежевания, партийные системы и электоральное поведение.	49
<i>С.М.Липсет, С.Роккан.</i> Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей.	49
<i>Рассел Далтон.</i> Структура политических связей	81
<i>Могенс Н.Педерсен.</i> Электоральная неустойчивость в Западной Европе, 1948–1977.	93
<i>Е.Ю.Мелешкина.</i> Исследования электорального поведения: Теоретические модели и проблемы их применения.	104
III. Демократические выборы и избирательные системы	
<i>П.Мерло.</i> Избирательные кампании и проблемы их подготовки: «Равное игровое поле» и демократические выборы.	123
<i>Р.Таагнера, М.С.Шугарт.</i> Описание избирательных систем.	135
<i>А.И.Миллер.</i> Работа над ошибками: Карен Давиша о роли выборов в демократизации посткоммунистических обществ.	150

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сознательный исследователь политики, по мнению Дж.Сартори, отличается от несознательного и сверхсознательного тем, что он применяет известные мировой науке исследовательские инструменты (от себя добавим — знаком с ними и способен их использовать), однако делает это разумно, понимая их ограниченность. Для сознательного подхода важно понимание достоинств и недостатков тех или иных теоретических конструкций, методологических направлений, инструментов анализа. Очевидно, что для воспитания сознательных исследователей особое место в процессе приобретения профессиональных знаний и умений должно занимать знакомство с исследовательской литературой, в которой представлены наиболее известные концепции и подходы, показаны возможности их использования.

Данная задача особенно актуальна для России. Молодость отечественной политологии и в то же время необходимость преодолевать ее периферийный характер, встраиваться в русло современных мировых научных тенденций обуславливают особое значение критического ознакомления с мировым научным наследием. Только решив эту задачу, отечественные политологи смогут адекватно проанализировать различные аспекты российского политического процесса и внести свой вклад в развитие мировой политической науки.

Целью данной хрестоматии как раз и является ознакомить будущих специалистов-политологов с основными концепциями, методологическими направлениями и инструментами сравнительного анализа аспектов политической жизни, связанных с функционированием двух важнейших институтов современной демократии: партий и выборов. В книге

представлены переводы, сокращенные варианты оригинальных текстов и рефераты монографий и статей, в которых рассматриваются проблемы изучения партийных и избирательных систем, роли выборов и электорального поведения и т.д. Часть этих работ может быть отнесена к классическим, своего рода веховым трудам, получившим признание мировой научной общественности. Другая включает в себя обзор и анализ состояния исследований того или иного аспекта. Третья представляет собой попытку сознательного критического осмысления известных концепций и исследовательских инструментов, их использования для решения специфических познавательных задач, их дополнения и развития.

Часть переводов была подготовлена специально для хрестоматии. Многие из них выполнены силами студентов факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ. Большинство остальных текстов включает в основном перепечатки из различных изданий, в том числе из сборника научных трудов ИНИОН РАН «Политическая наука».

Материалы, собранные в первой части хрестоматии, сгруппированы в отдельные тематические разделы. В первом представлены работы, анализирующие современные тенденции в развитии политических партий и вопросы типологии партийных систем. Исследования, сокращенные варианты которых помещены во втором разделе, посвящены выявлению факторов, структурирующих партийные системы и электоральную конкуренцию, динамику партийных систем и электорального поведения. Третий состоит из работ, в которых рассматриваются основные характеристики выборов, в том числе избирательные системы, и их роль в политическом процессе. Во второй части хрестоматии будут представлены материалы, посвященные аспектам выборов, не нашедшим отражения в первой части, а также анализу партийной и электоральной политики в различных государствах, в том числе в странах посткоммунистического пространства.

При отборе текстов и структурировании книги редакторы и составители руководствовались в первую очередь необходимостью обеспечить материалами студентов, изучающих курсы «Партии и партийные системы: Сравнительный анализ», «Избирательные системы и избирательный процесс: Сравнительный анализ». Вместе с тем, мы надеемся, что ее появление расширит возможности не только небольшого круга студентов, но и будущих специалистов, не изучающих эти курсы, аспирантов и преподавателей ознакомиться с научными достижениями в области сравни-

тельного анализа различных аспектов партийной и электоральной политики.

Мы благодарим редакцию журнала «Полис» за предоставленную возможность перепечатать сокращенные версии отдельных материалов, вошедших в хрестоматию, и коллег из Отдела политической науки ИНИОН РАН за высказанные ценные замечания в ходе работы над текстом книги.

Е.Ю.Мелешкина

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СРАВНЕНИЯ

Р.КАЦ, П.МЭИР

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ МОДЕЛИ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЙНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРТЕЛЬНЫХ ПАРТИЙ* (Реферат)

В своей статье Кац и Мэйр предлагают теорию «картельных партий». Она строится на сравнении этих партий с предыдущими партийными типами на основе различных критериев, касающихся исторического контекста их деятельности, места в системе «гражданское общество—государство», внутренней организации партий (членство и лидерство), особенностей проводимой политики, отношения к выборам и средствам массовой информации. Как подчеркивают авторы концепции, «картельные партии» появляются прежде всего там, где наблюдается усиленная поддержка деятельности партий со стороны государства, есть возмож-

* *Ричард Кац* — профессор политических наук в университете им. Джонса Хопкинса, *Питер Мэйр* — профессор, преподаватель сравнительной политологии в Лейденском университете, директор Нидерландской школы политических наук и международных отношений. Мы публикуем реферат статьи этих исследователей (Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy. The emergence of the cartel party// Party politics.— 1995. — Vol. 1. N1).

ность для партийного патронажа, активно проявляются межпартийная кооперация и сотрудничество.

В основе появления «картельных партий» лежит изменение отношений политической партии с гражданским обществом и государством. Исторически первым типом являются *элитные партии* (также кадровые, или «кокусные» партии). Такие партии были в основном собранием людей, тесно связанных с государством и гражданским обществом.

Элитные партии характеризуются неустойчивым членским составом; действуют скорее как клубы, а не как партийные ячейки; состоят из образованных слоев общества, занимающих господствующее положение в экономике и политике; ограничения избирательного права сказываются на довольно прохладном отношении к избирательным кампаниям; как правило, в руках представителей элитных партий находятся и средства массовой информации.

Развитие индустриального общества с его социально-классовой дифференциацией и углублением конфликта между социальными группами приводит к формированию такого типа партий, как *массовые*... Их место в системе отношений «гражданское общество—государство» несколько меняется. Массовые партии отвечают на усиливающийся разрыв между составом гражданского общества и государства, становясь по сути связующим звеном между ними и механизмом рекрутирования политического персонала государственных структур.

Введение всеобщего избирательного права заставляет партии более внимательно относиться к избирательным кампаниям: формируется устойчивый членский состав; партии борются за его расширение, ориентируются на вполне определенные социальные группы избирателей, идеологически оформляют свою политику, создают свои собственные средства массовой информации. Массовые партии — это мобилизационные организации; они придают большее значение развитию организации партии, чем собственно государству. Делегатская система выборов предполагает ответственность избранных в государственные органы депутатов перед избирателями, выбирающими между партиями. Однако, массовая партия, борясь за голоса избирателей, вынуждена выходить за границы представительства узкогрупповых социальных интересов, обращаясь к широким социальным слоям. Акцент на массовых организациях как структурах, поддерживающих парламентские партии, а не на партиях как агентах этих организаций, подрывает связи партии с массами. Кроме того, ряд обстоятельств, связанных с политикой государства все-

общего благосостояния, ростом социальной мобильности и развитием средств массовой информации, заставляют партийных лидеров менять не только стратегию и тактику политической борьбы, но и характер партийной работы. Олигархизация массовых партий, с одной стороны, конституционализация их деятельности — с другой, все более и более способствуют привязке их к государству. В послевоенный период все явственнее стали проявляться черты нового типа партии — «всеохватывающих партий» («catch-all parties»).

Понятие «*всеохватывающих партий*», использованное впервые Кирхаймером в 1966 г., отражало новые явления в отношениях между партиями, государством и гражданским обществом. Во-первых, эрозия жестких социальных границ между группами ослабляла политическую идентификацию населения и размывала прежние связи между их интересами и партиями. Во-вторых, экономический рост и политика всеобщего благосостояния заставили партии разрабатывать партийные программы, которые отражали интересы не отдельных групп, а всего населения, или почти всего. В-третьих, развитие средств массовой информации позволило партийным лидерам обращаться ко всем избирателям сразу, а не к какой-то особой их части, и сделало последних скорее «покупателями» партий, а не их активными участниками. «Всеохватные партии» превратились в брокеров, торгующих государственными постами (схема 3).

С одной стороны, партии все более и более проникаются государственным интересом и все менее и менее становятся агентами гражданского общества. Конечно, они продолжают агрегировать и представлять требования населения, но главной их задачей становится защита государственной политики перед ним. Соответствующей таким партиям концепцией демократии становится плюралистическая, которая представляет демократию как сделку и компромисс независимых интересов.

Партии, создавая коалиции, защищают одни интересы от эксплуатации со стороны других; они становятся открытыми к взаимодействию с любыми интересами. Избирательные кампании превращаются в выбор команды лидеров, а не в борьбу идеологически и социально сгруппированных интересов.

Мэйр и Катц подчеркивают, что «всеохватные партии» приобретают новые важные качества, которые были не свойственны их предшественникам. Во-первых, положение партий как брокеров между гражданским обществом и государством предполагает, что партии начинают проявлять свои собственные интересы, отличные от интересов их «кли-

ентов». Более того, они способны брать вознаграждение за свои услуги. Во-вторых, выполнение партиями брокерских работ зависит от их обращений к электорату и способности манипулировать государством. Но если партия может манипулировать государством в интересах своих клиентов в гражданском обществе, она также способна манипулировать государством в своих собственных интересах.

Дальнейшее развитие партий идет по пути установления все более тесной связи между партиями и государством и усиления связи между партиями. Возникающий тип *«картельных партий»* становится механизмом распределения государственных постов между профессиональными группами политиков, основывающимся на непосредственной связи политика и избирателя без помощи партийной организации, на широкой коалиционной основе, на сокращении дистанции между лидерами и избирателями, на больших государственных субсидиях партийной деятельности и т.д. Изменится электоральная конкуренция: она становится регулируемой. Конечно, партии продолжают конкурировать между собой за государственные посты, но, как подчеркивают Катц и Мэйр, «они делают это, признавая, что они разделяют со своими конкурентами взаимный интерес в коллективном организационном выживании, и в некоторых случаях даже ограниченный стимул к соревнованию действительно заменяется позитивным стимулом не конкурировать» (с. 19–20). Кампании, проводимые «картельными партиями», становятся капиталоемкими, профессиональными и централизованными; партии всецело полагаются на ресурсы, поступающие от государства. Изменяется отношение между лидерами и партийными членами: деятельность «картельных партий» приводит к тому, что различия между членами и нечленами партий становятся несущественными. Атомистическая концепция партийного членства основывается на возможности прямого контакта избирателя с лидерами, минуя посредническую роль партийных организаций. Усиливается самостоятельность местных партийных лидеров, а также их влияние на политику центра.

Появление картельных партий вызывает необходимость пересмотра нормативной модели демократии. Сущностью демократии становится способность избирателей выбирать из фиксированного числа политических партий, которые превращаются в группы лидеров, конкурирующих за возможность занять правительственные посты и взять ответственность на предстоящих выборах за правительственную деятельность. «Демократия становится публичным заискиванием элит, а не

включением населения в производство политической стратегии» (с. 22). Если раньше можно было говорить о четком разделении правящих и оппозиционных партий, то при доминировании картельного типа ни одна из значимых партий не может рассматриваться находящейся «вне власти». Неразличимость партийных программ накладывает ответственность за государственную политику на все партии и в то же время понижает ответственность конкретной партии. Демократия скорее становится средством достижения социальной стабильности, а не социальных перемен.

Основные признаки четырех типов партий — элитных, массовых, «всеохватных», «картельных» — были сведены авторами концепции в таблицу (см. табл. 1). Она позволяет более четко представить различия между типами партий, а также увидеть тенденции в развитии западноевропейских партий.

Таблица 1

Типы партий и их характеристики (с. 18)

Характеристики	Элитная партия	Массовая партия	«Всеохватная» партия	«Картельная» партия
1	2	3	4	5
Исторический период	XIX век	1880—1960	1945—	1970—
Степень вовлечения масс	Ограниченное право голоса	Расширение избирательных прав и всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право	Всеобщее избирательное право

1	2	3	4	5
Уровень распределения политически значимых ресурсов	Значительно ограниченное	Относительно концентрированное	Менее концентрированное	Относительно рассредоточенное
Основные цели политики	Определение привилегий	Социальная реформация (или сопротивление ей)	Социальное улучшение	Политика как профессия
Основа партийной конкуренции	Предписанный статус	Репрезентативная способность	Эффективность политики	Управленческие способности, действенность
Структура электоральной кон-	Управляемая	Мобилизация	Конкурентная	Ограниченная

курении				
Природа партийной деятельности и партийных кампаний	Иррелевантная	Деятельностно-интенсивная	Деятельностно- и капитал-интенсивная (капиталоемкая)	Капиталоемкая
Основной источник партийных ресурсов	Личные контакты	Членские взносы и пожертвования	Пожертвования из большого числа источников	Государственные субсидии
Отношения между обычными членами и партийной элитой	Элиты являются «обычными» членами	«снизу вверх» (Михельс); элита ответственна перед членами	«сверху вниз»; члены организованы для одобрения элит	Стратархия; взаимная автономия
Характер членства	Небольшое и элитистское	Большое и однородное; активно вовлекаемое; членство на основе идентичности; акцент на правах и обязанностях	Членство, открытое для всех (гетерогенное и поощряемое); акцент на правах, а не обязанностях; членство маргинальное по отношению к индивидуальной идентичности	Ни права, ни обязанности не являются важными (различия между членами и нечленами неясные); акцент на членах как личностях, а не как единицах организации; члены оцениваются по вкладу в леги-

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
				тимационный миф
Партийные каналы коммуникации	Межперсональные структуры	Партия находит свои собственные каналы коммуникации	Партия соревнуется за доступ к непартийным каналам коммуникации	Партия получает привилегированный доступ к государственно-регулируемым каналам коммуникации
Положение партии между гражданским обществом и государством	Неясные границы между государством и политически релевантным гражданским	Партия принадлежит гражданскому обществу, первоначально как представители релевантных	Партии как конкурирующие брокеры между гражданским обществом и государством	Партия становится частью государства

	обществом	сегментов гражданско- го общества		
Репрезентатив- ный стиль	Опекун	Делегат	Предприниматель	Государствен- ный деятель

Л.В.Сморгунов

ДЖ. САРТОРИ*

ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: РАМКИ АНАЛИЗА

5.1. Проблема

Более чем в 100 государствах существует, по крайней мере, на бумаге, некоторое подобие партийной системы. Разнообразие данных систем поражает не меньше, чем их количество. Как же разобраться в подобном лабиринте? Длительное время партийные системы классифицировались в зависимости от их количества — однопартийные, двухпартийные, или включающие в себя больше, чем две партии. Теперь же исследователи практически единогласно сочли подобную классификацию не-

* Джованни Сартори — профессор Колумбийского университета США, автор всемирно известных трудов, посвященных вопросам методологии политического анализа, демократии и партийным системам. В своей книге «Партии и партийные системы» Сартори предлагает оригинальную типологию партийных систем, дополняя количественные критерии качественными. На этой основе он выделяет несколько типов однопартийных систем. Автор проводит различие между соревновательными и несоревновательными системами и различает многопартийные системы, характеризуя умеренный и поляризованный плюрализм. Предложенная Сартори типология является всемирно признанной и широко используется исследователями в сравнительном анализе. Мы публикуем сокращенный перевод одной из глав его монографии (Sartori G. Parties and party system: A framework for analysis. — Cambridge et al.: Cambridge university press, 1976. — P. 119—130), где рассматриваются критерии анализа и в общем виде предлагается типология. Перевод осуществлен в учебных целях, поэтому мы намеренно выпустили ряд несущественных с точки зрения этих целей отрывков и примечания к главе. — *Прим. ред.*

адекватной. Говорят, что «суждения, построенные на количестве основных партий... запутывают больше, чем объясняют»...

Одной из реакций на (недостатки) количественного подхода является исключение числовых оснований из-за «предположения, что традиционное деление на двухпартийные и многопартийные типы не привело к существенному пониманию вопроса»... Другой альтернативой является использование статистических данных, в особенности результатов выборов, для определения классов, т.е. различных групп (кластеров) партийных систем... И третьей альтернативой является вопрос, нужны ли нам классы в принципе, т.е. имеет ли смысл классифицировать партийные системы... В настоящее время существует изобилие классификаций и типологий политических систем, «путаница и избыток терминов»...

С одной стороны, мы едва ли не испытываем затруднений от избытка. С другой стороны, подобное увеличение количества терминов является свидетельством острой и возрастающей необходимости в классификации партийных систем... Меньшим злом (на этом пути), вероятно, является рассмотрение вопроса с самого начала. Была ли ошибка заложена на самом начальном этапе или же отклонения происходили по ходу развития? ... Хотим ли мы сказать, что количество партий не имеет никакого значения или не имеет принципиального значения? Или же мы считаем, что наши классификации не показательны по критерию количества партий?

На первый вопрос мне хотелось бы ответить, что количество партий имеет значение. Во-первых, оно указывает, пусть и приблизительно, на важную характеристику политической системы: степень фрагментации или отсутствия фрагментации, дисперсии или концентрации политической власти. Аналогично, обладая информацией о численности партий, мы можем составить представления о количестве существующих «потоков взаимодействия». Как отмечает Гуннар Сьоблом, наличие двух партий предполагает существование только одного канала взаимодействия, трех партий — трех каналов, четырех партий — шести, пяти партий — десяти, шести — 15 и семи партий — 21... И поскольку данные каналы располагаются на различных уровнях — электоральном, парламентском и правительственном, — можно заключить, что чем больше количество партий (которые обладают достаточным весом), тем выше сложность и, вероятно, запутанность системы. К примеру, для избирателей попарное сравнение программ восьми партий предполагает 28 сравнений, для десяти партий — 36, и для десяти партий — 45. Более того, тактика сорев-

нования и оппозиции демонстрирует зависимость от количества партий; в свою очередь это имеет весомые последствия для формирования правительственных коалиций и их деятельности.

В общем и целом, основной проблемой является значимость количества партий... Но позволяет ли нам численный критерий классификации приблизиться к действительно важным вопросам? Пока (мы можем дать) отрицательный ответ. Ясна также и причина: ни одна система учета не может работать без правил счета. Если мы прибегаем к подсчету, то должны уметь считать. Но мы даже не можем решить, когда один это действительно один, а два это действительно два, когда система является, или не является двухпартийной. Поэтому мы оказываемся на пороге бесконечности, т.е. отказываемся от подсчетов всей совокупности: поскольку нам не удастся определить, когда два равно двум, мы... определяем все остальное, как «больше, чем два». Поэтому неудивительно, что подход, основанный на количестве партий, приводит к разочарованию. Типология, построенная на трех классах, является недостаточной. Кроме того, она не позволяет классифицировать все конкретные случаи.

Получается..., что мы отказались от количественного критерия классификации еще до того, как научились его грамотно применять. Я же считаю, что есть много причин для дальнейшей работы с ним. С одной стороны, количество партий является довольно очевидным, что позволяет использовать «естественные» разделители [партийных систем] и отражает реальное состояние политий... Политики, и избиратели будут продолжать сражаться и спорить о количестве партий, необходимости уменьшить или увеличить его. С другой стороны, нельзя забывать, что все партии являются... основными единицами всех наших измерений. В конце концов, количество голосов и мест, которое каждая партия получает в результате выборов, является наилучшими и наиболее точными данными.

В свете сказанного выше я предлагаю начать с правил счета и рассмотреть с помощью этих правил пригодность классификации, построенной на количестве партий. Как мы увидим, количественный критерий может быть применен весьма эффективно... Не будучи единственным показателем, численность остается основной переменной. Но достигнут этап, когда простой подсчет недостаточен.

5.2. Правила счета

По сути, проблема состоит в следующем: какие партии учитывать? Мы не можем подсчитывать все партии по «номинальной цене». И мы не разрешим проблему, учитывая при подсчете силу партии. Логично, что вопрос количества связан с влиянием партии. Вопрос заключается в следующем: какая сила превращает партию в релевантную (relevant) или нерелевантную (irrelevant)¹? ...[Таким образом] мы очерчиваем порог, который позволяет нам не учитывать партию [при подсчете]. Но это не является решением, поскольку нет абсолютного эталона для определения размера порога. Если данная граница устанавливается (как это обычно и происходит) на уровне 5%, это приводит к серьезным упущениям... С другой стороны, чем ниже порог, тем выше шансы на включение в анализ нерелевантных партий. Релевантность партии является результатом не только распределения власти... Она возникает, когда партия занимает важную позицию в «лево-правом» континууме. Следовательно, партия, которая находится на 10%-ном уровне, может значить гораздо меньше, чем партия, которая перешагнула только 3%. Ограниченным, но ярким является пример Итальянской республиканской партии, которая в среднем набирала около 2% голосов в течении более чем 25 лет. Тем не менее, она, конечно, была релевантной, поскольку была необходима для формирования правительственного большинства.

Очевидно, решение проблемы заключается в установлении правил, по которым партия будет либо приниматься в расчет, либо нет. По сути, нам необходимо установить критерий иррелевантности в отношении меньших партий...

Сила партии в первую очередь основана на ее успехе на выборах. Здесь все не так просто; но поскольку мы придерживаемся критерия численности, данный показатель может быть принят за точку отсчета. Однако голоса избирателей обеспечивают партии места в парламенте. Это означает необходимость принимать во внимание силу парламентской партии. Для того, чтобы упростить подсчет, мы можем рассматривать влияние партии в виде наличия мест в парламенте... По той же причине, а также для того, чтобы обеспечить сравнимость, в двухпалатных системах чаще всего достаточно рассматривать распределение мест

¹ Релевантной Сартори называет партию, обладающую коалиционным или шансным потенциалом, т.е. играющую заметную роль в политической жизни. — *Прим. ред.*

в нижней палате. Поэтому можно начать с использования такого показателя: сила парламентской партии в виде процента принадлежащих ей мест в нижней палате.

Следующий шаг — рассмотрение партии как агента правления. Анализ этого фактора не имеет большого значения для двухпартийных систем. С возрастанием количества партий увеличивается необходимость выяснения их «правительственного», или коалиционного потенциала. Для многопартийных систем значимым является, какой интерес та или иная партия представляет для других партий как партнер по одной или нескольким возможным правительственным коалициям. Партия может быть небольшой, но при этом обладать сильным коалиционным потенциалом. И наоборот, большая партия может не обладать им. Вопрос в том, можно ли рассчитывать этот коалиционный потенциал только на основе силы самой партии. Очевидно, что нельзя, поскольку тогда нам пришлось бы рассматривать все гипотетические численные форматы того или иного большинства, в то время как мы заинтересованы в реально возможных коалициях, т.е. в тех, которые идеологически последовательны и ожидаемы. Поэтому правила учета той или иной партии при подсчете в многопартийной системе следующие.

Правило 1. Небольшую партию можно считать иррелевантной в том случае, когда на протяжении достаточно длительного времени она оставалась не востребованной, т.е. ни разу не привлекалась или не была нужна для формирования возможного коалиционного большинства. И наоборот, мелкую партию нельзя не учитывать, какой бы малой она ни была, если ее предназначение состоит в определении как минимум одной из возможных коалиций правительственного большинства.

У этого правила есть ограничения, поскольку оно относится только к партиям, ориентированным на участие в правительстве и, кроме того, идеологически приемлемым для остальных партнеров по коалиции. Это позволяет исключить некоторые довольно большие организации, находящиеся в постоянной оппозиции, такие как антисистемные партии. Поэтому наш критерий иррелевантности нуждается... в некоторых случаях в дополнении критерием релевантности. Вопрос может быть переформулирован следующим образом: каким должен быть размер партии, чтобы придать ей релевантность вне зависимости от коалиционного потенциала. К примеру, в Италии и Франции существуют коммунистические партии, которые набирают от одной четвертой до одной трети всех голосов на выборах. Однако в течение прошедших 25 лет их коалицион-

ный потенциал практически равнялся нулю. Тем не менее, не принимать их в расчет было бы абсурдно. Поэтому представляется целесообразным использовать еще один критерий подсчета, основанный на силе устрашения, или, точнее, шантажном потенциале... оппозиционных партий.

Правило 2. Партия считается релевантной, когда само ее существование или появление влияет на тактику партийного соревнования, и особенно когда оно изменяет направление конкуренции, определяя переход от центристского к центробежному соревнованию нацеленных на участие в управлении партий левого, правого толка или и тех и других.

Короче говоря, мы можем исключить из рассмотрения те партии, которые не обладают ни (I) коалиционным, ни (II) шантажным потенциалом. И наоборот, необходимо учитывать партии, обладающие «правительственной релевантностью» при формировании коалиций или «соревновательной релевантностью» находясь в оппозиции.

Оба критерия являются описательными, поскольку не могут быть использованы для прогнозирования. Первое правило подразумевает, что ... партии, обладающие коалиционным потенциалом, на практике представляют собой организации, которые в тот или иной отрезок времени входили в коалиционное правительство, и/или предоставляли правительствам необходимую поддержку для прихода к власти и ее удержания...

Что же касается второго правила, можно возразить, что направление конкуренции оценить довольно сложно. Теоретически это справедливо... Но на практике понятие «партиишантажиста» во многом связано с понятием антисистемной партии... поскольку «партияшантажист» обычно совпадает с антисистемной партией... Подобный анализ может быть с успехом применен и для изучения деятельности парламента. То есть шантажный потенциал партии, участвующей в выборах, эквивалентен потенциалу вето, или же «власти вето» партии в парламенте, по отношению к принятию законов. Поэтому при возникновении сомнений в значимости или незначительности «партиишантажиста» вопрос можно рассматривать в подобном ключе.

В целом я считаю, что сложность моих правил возникает либо из-за того, что ученые предпочитают заниматься сравнительным анализом без фундаментальных знаний о сравниваемых странах, либо из-за того, что моим правилам требуются данные, которые редко сводятся воедино...

Пока что мы знаем, когда три равняется трем, четыре — четырем, и т.д.; таким образом, мы можем определиться с казусами. Далее следует вопрос: может ли критерий численности позволить сформировать и новые типы? Пока что для нас было важно просто произвести подсчеты (в соответствии с правилами). Новый вопрос ставит перед нами проблему вдумчивого подсчета. Как кажется на первый взгляд, наличие небольшого числа партий подразумевает низкую фрагментацию, а наличие большого числа партий — высокую. Однако в процессе подсчета партий мы также можем принимать в расчет их влияние. Один из способов классификации заключается в выделении казуса, зримо отличающегося от других: когда на протяжении длительного времени только одна партия имеет абсолютное большинство [мест в парламенте]. То есть достаточно вдумчивого подсчета для выделения... класса систем с доминирующей (*predominant party system*) партией, в которых одна партия значит больше, чем все остальные вместе взятые. Преимущество выделения такой системы заключается не только в том, что деление на четыре класса лучше, чем на три (однопартийные, двухпартийные и многопартийные), но и в том, что теперь у нас есть ясное понятие фрагментации. Понятно, что система с доминирующей партией может возникнуть в результате избыточной фрагментации других партий — как в Индии. Тем не менее, если мы решим, что яркой чертой индийской партийной системы является единоличное правление Индийского национального конгресса, тогда мы можем дать «фрагментации» четкое определение: партийная система считается фрагментированной только тогда, когда в ней присутствует множество партий, ни одна из которых не может приблизиться к черте абсолютного большинства.

Есть еще один класс, выделение которого также возможно с помощью вдумчивого подсчета. Перейдя от рассмотрения конкурентных партийных систем к неконкурентным, мы сможем обнаружить такие политии (например, Польша, а еще лучше, Мексика), в которых присутствует больше одной партии. В них «вторичные» по значимости партии не могут быть исключены из рассмотрения просто как элементы фасада. С другой же стороны, вес этих вторичных периферийных партий меньше, поскольку им позволено существовать только в рамках жесткой субординации. Подобные системы я называю «гегемонистскими». Их также можно определить с помощью вдумчивого подсчета, который в данном случае предполагает учет в первую очередь партии-гегемона и во вторую очередь «подчиненных» партий.

На данном этапе возможности критерия численности оказываются практически исчерпанными. Далее я вкратце охарактеризую различие между ограниченным (умеренным) и крайним (поляризованным) плюрализмом. Такие классы не могут быть определены исключительно на базе критерия численности. Это как раз тот случай, когда показатель численности партий становится вторичным, а идеологические характеристики выходят на первый план.

5.3. Двухуровневое картирование

Классификация представляет собой распределение объектов по взаимоисключающим классам, которые создаются на основе принципа или критерия, выбранного для такой классификации. Типология является более сложным предметом: это распределение по совокупности признаков, т.е. распределение на базе более, чем одного критерия¹. Согласно такому определению, до сих пор мы обсуждали классификацию, а не типологию, т.е. мы выделили определенные «классы», а не «типы» партийных систем. По моему мнению, на основе числового критерия можно выделить следующие семь классов: 1) однопартийная система; 2) гегемонистская система; 3) система с доминирующей партией; 4) двухпартийная система; 5) система ограниченного плюрализма; 6) система крайнего плюрализма; 7) атомизированная система.

По сравнению с традиционной тройной классификацией очевидны два нововведения. Во-первых, я разделяю на три категории традиционный однопартийный кластер, который объединяет различные, несравнимые случаи. Тем самым создается возможность по-другому классифицировать политики, ранее ошибочно относимые к одному классу однопартийных как однопартийные, гегемонистские и системы с доминирующей партией. Во-вторых, я также поделил традиционный многопартийный кластер, будучи убежденным, что одинаковый подход ко всем системам, где присутствуют более двух партий, является следствием особенностей правил счета.

¹ Это определение дано П.А.Лазарсфельдом и Алленом Х.Бартоном: «...под “типом” понимается конкретный сложный признак»... Там где нет необходимости отделять классификацию от типологии, я буду пользоваться термином «таксономия». Строго говоря, понятие «таксономия» является средним между группами классификации и типологии (матричного типа)...

Что же касается последней категории, «атомизированная» модель нуждается в небольших пояснениях. Она введена в классификацию как остаточный класс, чтобы обозначить черту, за которой проблема точного подсчета уже не стоит столь остро, порог, за которым точное количество партий — будь их 10, 20 или 30 — уже не несет определяющего значения. Атомизированные партийные системы могут быть определены аналогично атомизированной конкуренции в экономике, т.е. как «ситуация, когда ни одна компания не оказывает какого-либо заметного влияния на другие компании»... Это также показывает, что критерий численности может быть применен только к тем партийным системам, которые вошли в стадию структурной консолидации...

Несмотря на улучшение аналитического инструмента, первая категория очевидно остается неадекватной. Один — это всего лишь один, численный критерий не позволяет признать различия между однопартийными политиями. И, что еще хуже, непонятно деление на классы ограниченного и крайнего плюрализма. Лежащее в его основе допущение, которое проистекает из здравого смысла, заключается в том, что взаимодействие трех—пяти партий, рассматриваемое как ограниченный плюрализм, существенно отличается от системы взаимоотношений шести—восьми партий, рассматриваемой как крайний плюрализм. Но ни наши правила, ни вдумчивый подсчет не могут провести реальную границу между двумя образцами. Основная причина заключается в том, что фрагментация... может быть результатом совокупности причин и должна рассматриваться только с учетом всех этих конкретных факторов. Проще говоря, фрагментация партийной системы может отражать либо сегментацию, либо поляризацию, т.е. идеологическое дистанцирование. Очевидно, что есть нечто такое, чего нельзя выявить с помощью количественного подсчета, и что, тем не менее, весьма значимо. Это также является аргументом в пользу необходимости перехода от классификации к типологии и соединения критерия численности с идеологическим ...

...Следующие соображения приводят к двухуровневому картированию, которое можно назвать измененной классификацией. Измененная классификация призвана разрешить проблему, с которой не удалось справиться классификации, построенной на основе численности: как поступить с «сегментацией»... Решение заключается в проверке сегментированных политий с помощью идеологического критерия. Если они фрагментированы, но не поляризованы, то они принадлежат к типу (идеологически) умеренного плюрализма. Если же они фрагментирова-

ны и поляризованы, то они явно относятся к (идеологически) *поляризованному* плюрализму. Данная измененная классификация, таким образом, отличается от основанной исключительно на критерии численности только в отношении классов ограниченного и крайнего плюрализма. Они заменяются типами, определенными мной как системы умеренного и поляризованного плюрализма. Предполагаемые соответствия проиллюстрированы в виде схемы 2.

Разрабатывая картирование, мы можем задаться вопросом о его целесообразности. Приводит ли измененная классификация к пониманию сути? Рассуждения, к примеру, могут касаться того, указывает ли числовой критерий, хотя бы и весьма ограниченно, на

Схема 2
Шаблоны, классы и типы многопартийности

Шаблон	Класс	Тип
Низкая фрагментация (до 5 партий)	Ограниченный плюрализм	Умеренный плюрализм
Сегментация		
Высокая фрагментация (более 5 партий)	Крайний плюрализм	Поляризованный плюрализм

распределение политической власти. Однако само по себе распределение оценить довольно сложно. Поэтому я бы скорее сказал, что картирование дает достаточное представление лишь о *дисперсии* власти, которая может быть как сегментированной, так и поляризованной.

...Казус однопартийной системы ясен: политическая власть монополизирована лишь одной партией в том смысле, что другие партии не имеют права на существование. Существуют системы, в которых одна партия значит больше остальных — но ее власть проявляется по-разному. С одной стороны, у нас есть партия-гегемон, которая допускает существование исключительно партий-сателлитов, или, по меньшей мере, «подчиненных» партий. Это означает, что никто не может оспорить

гегемонии партии. С другой стороны, у нас есть система с доминирующей партией. Она предполагает такое распределение власти, в котором одна партия управляет единолично ровно столько времени, сколько обеспечивает себе большинство на выборах. С двухпартийными системами все ясно, по крайней мере, с их конфигурацией власти: две партии соперничают за абсолютное большинство, которое может быть завоевано как одной, так и другой. Таким образом, мы приходим к общему понятию многопартийности в целом, которое можно определить следующим образом: 1) ни одна партия не в состоянии завоевать... абсолютное большинство, 2) относительную силу (или слабость) партий можно измерить на основании их коалиционного и/или 3) их шантажного потенциала.

Системы распределения власти можно охарактеризовать следующим образом: 1) *монополия*, 2) *иерархия* (или ослабленная монополия), 3) *одновершинная концентрация* (безальтернативное превалирование) 4) *равномерная* (или биполярная) *концентрация*, 5) *низкая фрагментация* и/или *деполяризованная сегментация*, 6) *высокая фрагментация с поляризацией*. Если такое распределение власти и соответствующие партийные системы расположить на схеме ,... то мы получаем классификацию, отраженную на рис. 1.

Дисперсия

	Малайзия
Поляризация и высокая фрагментация	Чили (до 1973) Италия Финляндия
Сегментация Низкая фрагментация	Нидерланды Бельгия Германия
Равномерная концентрация (альтернативная)	США Англия
	Новая Зеландия
Одновременная концентрация	Индия

(безальтернативная) Япония

Иерархия
(ослабленная
монополия) Мексика

Полноценная
монополия Албания
СССР

Концентрация	Одна	Партия-гегемон	Доминирующая партия	Две партии	Умеренный плюрализм	Политаризованный плюрализм	Атомизация
--------------	------	----------------	---------------------	------------	---------------------	----------------------------	------------

Рисунок 1
Страны, расположенные по распределению власти
в партийных системах

Как я уже сказал, число партий имеет значение. Остается лишь объяснить, по отношению к чему именно оно имеет значение. Когда партийные системы подвергают классификации с помощью критерия численности, то их классифицируют на основе *формата*, т.е. по количеству партий. Но данный формат представляет интерес только постольку, поскольку он воздействует на *механику*, т.е. на работу системы. Иначе говоря, формат интересен в той степени, в которой он определяет работу механики, точнее набор функциональных черт партийной системы, и как следствие, политической системы в целом...

Перевод *А.В.Букачевой*

ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ. ДВУХПАРТИЙНЫЕ И МНОГОПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Наличие однопартийного мажоритарного правительства или широкой многопартийной коалиции является самой первой из десяти переменных, отражающих различия между мажоритарной и консенсусной демократиями. Это самое первое различие можно рассматривать и как самое важное, характеризующее модели демократии, поскольку оно отражает разницу между концентрацией власти, с одной стороны, и коалиционностью — с другой...

Классификация правительств — однопартийные или многопартийные (коалиционные), на основе незначительного большинства или меньшинства, или правительства, включающие в себя партии, участие которых в коалициях не является необходимым (*unnecessary parties*), — зависит, главным образом, от того, что понимается под политическими партиями и как определяется их количество в партийных системах... Стоит, однако, заметить, что тип партийной системы также является компонентом фактора «*соотношение участия в исполнительной власти и принадлежности к партии*» (*«executives — parties» dimension*)...

* *Арендт Лейпхарт* — профессор политологии Калифорнийского университета в Сан-Диего, всемирно известный ученый-компаративист, автор и/или редактор более 20 книг, в том числе получивших признание мировой научной общественности, среди которых: «*Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in thirty-six countries*» (New Haven, London, 1984), «*Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990*» (Oxford, 1994) и ряд других.

В его монографии «Типы демократии. Формы правления и их функционирование на примере 36 стран» (*Lijphart A. Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in thirty-six countries. — New Haven, London: Yale university press, 1999*) предлагается типология демократических политических систем. Основными типами выступают консенсусная и Вестминстерская демократии. Остальные казусы располагаются между этими моделями. Одним из критериев классификации является тип партийной системы. Его раскрытию посвящена пятая глава, сокращенный перевод которой, выполненный в учебных целях, мы публикуем в хрестоматии. В данной главе осуществлен анализ некоторых типов партийных систем. Автор рассматривает проблему качественных и количественных критериев типологизации, приводит данные сравнительного анализа партийных систем различных стран, доказывая полезность использования строгих показателей.

Для мажоритарной модели демократии характерна двухпартийная система, а для консенсусной — многопартийная. В традиционной литературе подчеркивается превосходство двухпартийной системы и мажоритарной модели. Считается, что двухпартийная система обладает прямыми и косвенными преимуществами над многопартийной системой. Первое прямое преимущество состоит в том, что избирателю предлагается сделать определенный выбор между двумя альтернативными политическими курсами. Во-вторых, эта система оказывает умеряющее воздействие, поскольку две основные партии соревнуются за голоса колеблющихся избирателей в центре политического спектра и поэтому отстаивают умеренную, центристскую политику. Этот механизм является особенно действенным, когда большинство избирателей относят себя к политическому центру. Однако логика этого механизма продолжает работать, даже когда мнения более поляризованы: на полюсах политического спектра партии потеряют голоса некоторых из своих сторонников, решивших воздержаться вместо того, чтобы голосовать за слишком умеренную для них программу. При этом центристские голоса, полученные за счет другой партии, гораздо важнее, чем голоса воздержавшихся. Оба этих заявления выглядят достаточно правдоподобно, но в то же время они довольно противоречивы: если программы обеих партий близки политическому центру, они будут очень похожи, и вместо того, чтобы предлагать значимый «выбор» избирателю, они, скорее всего, будут повторять друг друга¹.

Кроме того, считается, что двухпартийная система имеет важное косвенное преимущество: она необходима для формирования стабильного и эффективного однопартийного правительства. Например, Лоренс Лоуэлл..., один из первых современных политологов, писал, что законодательная власть должна включать в себя «две партии, и только две...», для того чтобы парламентская форма правления всегда давала хорошие результаты». Он назвал это «аксиомой в политике». Коалиционные правительства недолговечные и слабые по сравнению с однопартийными: «Чем больше количество разноречивых групп, составляющих большинство, тем сложнее угодить им всем, и тем слабее и нестабильнее положение правительства»...

¹ Большинство теоретиков двухпартийной системы не упоминают одновременно о двух противоречиях. Американская школа обычно подчеркивает преимущество партийной умеренности, в то время как в британской традиции отражается необходимость четкого выбора.

...Я подтверждаю гипотезу Лоуэлла о связи между партийной системой и типом правительства и его «аксиому» о том, что однопартийные кабинеты прочнее и влиятельнее коалиционных. Приверженность сторонников мажоритаризма двухпартийной системы четко и логично связана с предпочтением сильного и влиятельного однопартийного правительства... Однако способствует ли мажоритаризм выработке более эффективной политики, нежели консенсуализм, — совсем другой вопрос. Лоуэлл предполагает, что сила заключается в принятии эффективных решений, ...я покажу, что это предположение глубоко неправильно...

Эффективное число партий

Чистая двухпартийная система, в которой, говоря словами Лоуэлла, «две и только две партии», встречается крайне редко... Партийные системы Великобритании, Новой Зеландии и Барбадоса я называл двухпартийными, несмотря на присутствие в системе законодательных органов этих стран одной или более «малых» партий. Так правильным ли является такое определение двухпартийной системы...? Этот вопрос указывает на одну из самых важных проблем, которые возникают при определении количества партий в партийной системе: считать или не считать «малые» партии, и если нет, то насколько партия должна быть крупной, чтобы ее учитывать при подсчете.

Широко известное решение этой проблемы было предложено Джованни Сартори... Он предложил... исключать те партии, которые не смогли получить места в парламенте, и определять относительный вес других партий также в зависимости от количества мест в парламенте. При этом нужно принимать во внимание размер партии, но нельзя обозначить произвольный рубеж, например, 5% или 10%, в зависимости от преодоления которого партии должны учитываться или исключаться из подсчетов. Эти предварительные положения превосходны. Гораздо более противоречивыми являются «правила подсчета» Сартори. Он утверждает, что частью партийной системы должны считаться только те партии, которые обладают «коалиционным», или «шантажным» потенциалом. Считается, что партия обладает коалиционным потенциалом, если она участвует в правительственных коалициях (или, конечно, в однопартийных правительствах) или если основные партии рассматривают ее как возможного партнера по коалиции. Партии, которые не рассматри-

ваются всеми или большинством партий как возможные партнеры по коалиции по идеологическим соображениям и, следовательно, не обладают коалиционным потенциалом, все-таки должны учитываться при подсчете в том случае, если они достаточно крупные. Примерами могут послужить такие сильные партии, как Французская и Итальянская коммунистические партии до 70-х годов. В этом заключается дополнительное правило подсчета Сартори, основанное на... шантажном потенциале оппозиционно настроенных партий...

Критерии Сартори незаменимы для выявления различий между партиями, которые играют значительную роль в политической системе, и теми, чья роль невелика... Однако эти критерии недостаточно хороши для подсчета партий в партийных системах. Во-первых, хотя критерии Сартори и основаны на двух переменных (размере партии и идеологической совместимости), размер является фактором решающим. Только достаточно крупные партии могут обладать шантажным потенциалом. В то же время размер партии является определяющим фактором наличия коалиционного потенциала: малые партии с небольшим числом голосов в парламенте могут быть довольно умеренными и, следовательно, идеологически приемлемыми для большинства других партий. Однако они редко обладают коалиционным потенциалом из-за недостатка «веса», чтобы вносить какой-либо существенный вклад в правительство. Следовательно, при подсчете учитываются в основном только более крупные партии вне зависимости от идеологической совместимости. Во-вторых, хотя размер партии имеет существенное значение в размышлениях Сартори, он не использует этот фактор для проведения дальнейших различий между похожими партиями. Например, одинаковым образом учитываются Христианско-демократическая партия, которая доминировала в политической жизни Италии до 90-х, и Республиканская партия, ее постоянный, но небольшой по размеру партнер, никогда не получавший больше 5% мест в нижней палате парламента.

Чтобы исправить этот недостаток, Жан Блондель... предложил классификацию партийных систем, основанную как на количестве партий, так и их размере. Он выделил четыре категории, которые представлены в таблице 5.1. В двухпартийной системе преобладают две крупные, хотя не исключается наличие нескольких небольших партий в парламенте. В качестве примеров Блондель приводит... Великобританию и Новую Зеландию. Если в дополнение к двум крупным партиям есть партия, которая значительно меньше, но, возможно, обладает коалиционным по-

тенциалом и играет существенную политическую роль, как, например, либералы в Германии и Люксембурге, Лейбористская партия Ирландии и Новые демократы в Канаде, — то такие партийные системы Блондель называет «двухс-половиной партийными». Системы, где присутствуют более чем две с половиной значимые партии, являются многопартийными. Они в свою очередь могут подразделяться на многопартийные с доминирующей партией и без нее. Примерами могут служить Италия до 90-х годов, где доминирующей партией являлась Христианско-демократическая, а также три скандинавских государства, где сильны социалистические партии. Партийными системами без доминирующей партии являются швейцарская, нидерландская и финская.

Понятия «доминирующая» партия и «двух-с-половиной партийная система» нуждаются в пояснениях: насколько сильна или слаба их позиция по отношению к другим важным партиям в системе, определено недостаточно точно. Нам необходим некий индекс, с помощью которого, учитывая размер партий, можно точно определить, сколько их в системе. Такой индекс эффективного числа партий был разработан Маркку Лаксо (Markku Laakso) и Райном

Таблица 5.1

**Классификация партийных систем
на основе количества партий и их размера**

Тип партийной системы	Гипотетическое распределение мест в парламенте	Эффективное число партий
Двухпартийная система	55—45	2,0
Двух-с-половиной партийная система	45—40—15	2,6
Многопартийная с доминирующей партией	45—20—15—10—10	3,5
Многопартийная без доминирующей партии	25—25—25—15—10	4,5

Таагаперой (Rein Taagepera) (1979) и сейчас широко используется компаративистами в политической науке. Это число (N) вычисляется следующим образом:

$$N=1/\sum s_i^2$$

где s — доля мест i-партии в парламенте...

Легко заметить, что в двухпартийной системе с двумя одинаково сильными партиями эффективное число партий — 2,0. Если одна из партий значительно сильнее другой, например, когда количество мест в парламенте соотносится как 70% : 30%, то это число будет равняться 1,7 — в соответствии с нашим интуитивным суждением о том, что партийная система движется от чисто двухпартийной по направлению к однопартийной. При наличии трех равных партий эффективное число будет соответствовать 3,0. Если одна из этих партий слабее, чем две другие, то эффективное число будет колебаться между 2,0 и 3,0 в зависимости от размера третьей партии. В нашем гипотетическом примере «двух-с-половиной» партийной системы, представленной в таблице 5,1, соотношение мест в парламенте выглядит как 45% : 40% : 15%, и эффективное число партий в действительности близко двум с половиной — 2,6.

Во всех случаях, когда силы партий равны, эффективное число будет примерно соответствовать их количеству. В случае неравенства эффективное число будет меньше, чем действительное количество партий. Это можно проследить и по таблице 5,1. В обоих гипотетических примерах многопартийных систем — по пять партий. При наличии доминирующей партии эффективное число партий всего лишь 3,5. Когда доминирующей партии нет, то места в парламенте распределяются более равномерно, и эффективное число возрастает до 4,5, приближаясь к действительному числу партий, подсчитанному вне зависимости от их размера.

Тесно связанные партии

Проблема подсчета партий разных размеров решается путем использования эффективного числа партий. Однако этот способ не предполагает определения того, что является политической партией. Согласно допущению, распространенному среди политологов, политическими партиями считаются организации, которые так себя называют. Это правило работает для большинства партий и стран, но применение его ста-

новится проблематичным в двух случаях: когда партии, как близнецы, настолько тесно связаны друг с другом, что они более похожи на одну партию, чем на две; когда, напротив, партии настолько фракционированы, что выглядят как две или несколько. Первую проблему решить проще, чем последнюю...

Подходящими примерами являются следующие пять тесно связанных партий: Христианско-демократический союз (ХДС) и Христианско-социальный союз (ХСС) в Германии, Либеральная и Национальная партии в Австралии, две Христианско-демократические партии Бельгии, которые образовались на основе разделения по языковому принципу в 1968 г., подобным же образом разделенные с 1971 г. две Либеральные партии и с 1978 г. две Социалистические партии. Обе германские и австралийские партии особенно часто рассматриваются как одна. Так, например, Блондель считает Либеральную и Национальную партии как одну, и называет австралийскую партийную систему двухпартийной, а не «двух-с-половиной» партийной...

При помощи четырех критериев можно решить, учитывать ли тесно сотрудничающие партии, которые имеют разные названия и отдельные партийные организации, как две партии или как одну. Во-первых, политические партии обычно соревнуются за голоса на выборах. Происходит ли это с обозначенными нами пятью проблемными партиями? ХДС и ХСС не соревнуются за голоса избирателей, поскольку действуют в разных регионах страны: ХСС в Баварии, а ХДС на остальной части Германии. Впрочем, так же как и три бельгийские партии, которые соревнуются либо во Фландрии, либо в Валлонии, а в Брюсселе между говорящими по-французски или по-голландски...

Второй критерий связан со степенью сотрудничества между партиями в парламенте, в частности с тем, формируют ли партии единую партийную парламентскую группу и фракционный комитет (caucus). Так происходит только с ХДС и ХСС. В-третьих, имеет значение, как ведут себя партии при формировании правительства: участвуют ли они вместе в правительстве или в оппозиции, или одна партия может войти в правительство, а другая остаться в оппозиции? В этом отношении все названные партии действуют как одна. Особенно примечательным является пример Австралии, где на выборах 1975, 1977 и 1996 гг. либералы получили абсолютное большинство мест и, таким образом, могли править сами, но, тем не менее, при формировании всех трех правительств включили представителей Национальной партии.

Четвертый критерий — время: тесно связанные партии имеют смысл учитывать как одну, только если они сотрудничают на протяжении долгого времени. Для описанных выше пяти партий характерны как продолжительность, так и тесное сотрудничество по сравнению с другими примерами, где электоральный союз всего лишь «брак по расчету». Избирательная система, в которой выборы осуществляются по одномандатным округам, дает малым и средним партиям сильный стимул для формирования подобных союзов, но такие союзы чаще временные, возникающие по случаю. Примерами могут послужить Франция, Индия и Маврикий...

К сожалению, эти четыре критерия не дают четкого ответа на вопрос, как нужно оценивать пять проблематичных пар Австралии, Бельгии и Германии. Все они находятся в некоем промежутке между одной и двумя партиями. Таким образом, вместо того, чтобы произвольно решать, одна это партия или две,... я предлагаю провести различие следующим образом: подсчитать два эффективных числа партий, первое — допуская, что это две партии, и второе — что одна, а потом вычислить среднее арифметическое этих чисел. Это означает, что тесно связанные партии-близнецы будут считаться как полторы партии. Как и любой компромисс, это может быть не самым удачным решением, но оно отражает реальность лучше, чем другие крайние варианты.

Фракционные партии

Я предлагаю подобное решение и для высоко фракционированных партий: Либеральной и Консервативной партий Колумбии, Индийского национального конгресса, Христианско-демократической партии Италии, Либерально-демократической партии Японии и Демократической партии США. В современных демократиях это не единственные партии, которым не хватает единства... Но приведенные выше случаи — наиболее крайние. Зачастую аналитики склоняются к выводу, что их партийные фракции скорее похожи на отдельные партии...

Сильные внутрипартийные фракции обычно действуют как политические партии при формировании кабинетов и коалиционных правительств. Как уже было сказано, коалиционные правительства менее долговечны по сравнению с однопартийными. А если фракции ведут себя как отдельные партии, то можно ожидать, что правительства, состоящие из фракционированных партий, будут менее прочными, чем правительства,

образованные более сплоченными партиями. Джеймс Друкман... в своем сравнительном исследовании восьми стран обнаружил, что все в действительности так и происходит.

Самой большой проблемой при учете фракционированных партий является следующее. Совершенно не очевидно, что в данном случае компромисс должен быть найден между двумя числами: возможно описать такую партию как целую, одну партию, но каково предельное число, если мы рассматриваем одну партию как несколько? В Италии и Японии, где внутрипартийные фракции являются явными и их легко обозначить, число фракций довольно велико: если эти фракции считать за партии..., христианские демократы и либеральные демократы считались бы как пять или шесть партий... Но это слишком много; при таком подходе в этих двух странах будут самые многопартийные системы в мире. Я предлагаю избежать этого следующим способом: нужно рассматривать каждую фракционированную партию как две партии одинакового размера. А далее исчислять среднее число фактических чисел, рассчитанных сначала как в случае с одной партией, а затем — с двумя равными.

Таким образом, фракционированные партии учитываются как полторы партии — совершенно так же, как я предлагал делать в случае с тесно связанными партиями. Конечно, мое предложение по поводу фракционированных партий приблизительно и нетрадиционно и, следовательно, является более спорным. Однако, поскольку центральным моментом этой работы является многопартийность как элемент концентрации или фрагментарности власти, необходимо принять во внимание внутривнутрипартийное деление...

Партийные системы в 36 демократических странах

В таблице 5.2 представлено эффективное число партий в 36 демократических странах. Данные таблицы, полученные в результате выборов за период с 1945 до середины 1996 г., основаны на партийном составе нижней (как правило, наиболее важной) палаты двухпалатного парламента или единственной палаты однопалатного парламента... и расположены по убыванию эффективного числа партий. Различия в значениях достаточно высоки: от 5,98 в Папуа-Новой Гвинее до 1,35 в Ботсване. Среднее эффективное число парламентских партий в 36 демократических странах равняется 3,16.

Как и следовало ожидать, ближе к концу таблицы располагаются Великобритания, Новая Зеландия и Барбадос... Тот факт, что среднее эффективное число партий в британской палате общин составляет 2,11, свидетельствует о наличии множества мелких партий в рамках двухпартийной системы. В Новой Зеландии и Барбадосе, где третьи партии представлены в меньшем количестве, а партия, одержавшая победу на выборах, обычно имеет довольно крупную парламентскую фракцию, среднее эффективное число составляет менее 2. Та же картина с тремя другими демократическими государствами Содружества: Ямайкой, Тринидадом и Багамскими островами, а также Мальтой и особенно Ботсваной, где правящая партия значительно превосходит остальных по своей численности. В начале таблицы, почти на самом верху, расположена Швейцария. Бельгия лишь на восьмом месте в целом за весь изучаемый период, однако с 1978 г. по результатам шести выборов, когда главные партии раскололись по языковому признаку, среднее эффективное число парламентских партий равнялось 5,82, что лишь немногим меньше аналогичного показателя в Папуа-Новой Гвинее.

В таблице 5,2 представлены также самые высокие и самые низкие показатели эффективных чисел парламентских партий в этих 36 демократических государствах, полученные по результатам всех проводимых в них выборов... Строго двухпартийная система Мальты, где существуют только две равные парламентские партии, имеет наименьшую разницу между самым низким и самым высоким эффективными числами: от 1,97 до 2,00... Наибольшую разницу эффективных чисел парламентских партий можно наблюдать... в Папуа-Новой Гвинее. Изначально казалось, что имела место тенденция консолидации партийной системы: эффективное число партий, по итогам первых выборов после получения независимости в 1977 г. составившее 4,46, сократилось до 2,69 после вторых выборов в 1982 г. Однако тенденция изменилась: в результате выборов 1987 и 1992 гг. эффективное число партий увеличилось до 5,95 и 10,83 соответственно. Последний показатель... отражает наличие большого количества мелких партий, а также независимых депутатов в законодательном собрании.

В некоторых странах наблюдалась долгосрочная тенденция усиления многопартийности, что особенно характерно для Бельгии, но это можно наблюдать и в Австрии, Колумбии, Дании, Индии, Италии, Норвегии и Швейцарии. В Германии, Израиле и Японии эффективное число парламентских партий сначала постепенно уменьшалось, но за прошедшие две—три декады снова увеличилось. Португалия — единственная страна, где су-

существует стабильная тенденция к сокращению числа парламентских партий. В большинстве же стран наблюдаются либо колебания показателя эффективного числа без определенной долгосрочной тенденции, либо незначительные изменения. В действительности наивысший и наименьший показатели эффективного числа парламентских партий получались в результате двух следующих друг за другом выборов как минимум в семи странах: Ботсване, Канаде, Коста-Рике, Франции, Новой Зеландии, Испании и США.

Таблица 5.2

Среднее, низшее и высшее эффективные числа парламентских партий по результатам выборов в 36 демократических странах
и число выборов, на основе которых были рассчитаны данные,
1945–1996 гг.

Страна	Среднее	Низшее	Высшее	Число выборов
1	2	3	4	5
Папуа-Новая Гвинея	5,98	2,69	10,83	4
Швейцария	5,24	4,71	6,70	13
Финляндия	5,03	4,54	5,58	15
Италия	4,91	3,76	6,97	14
Нидерланды	4,65	3,49	6,42	15
Израиль	4,55	3,12	5,96	14
Дания	4,51	3,50	6,86	21
Бельгия	4,32	2,45	6,51	17
Индия	4,11	2,51	6,53	6
Исландия	3,72	3,20	5,34	16
Япония	3,71	2,58	5,76	19
Франция	3,43	2,49	4,52	10
Венесуэла	3,38	2,42	4,88	8
Люксембург	3,36	2,68	4,05	11
Норвегия	3,35	2,67	4,23	13
Португалия	3,33	2,23	4,26	8
Швеция	3,33	2,87	4,19	16
Колумбия	3,32	2,98	4,84	14
Германия	2,93	2,48	4,33	13

Ирландия	2,84	2,38	3,63	15
Испания	2,76	2,34	3,02	7
Маврикий	2,71	2,07	3,48	6
Австрия	2,48	2,09	3,73	16
Коста-Рика	2,41	1,96	3,21	11
США	2,40	2,20	2,44	25
Канада	2,37	1,54	2,86	16
Австралия	2,22	2,08	2,30	21

Продолжение табл. 5.2

1	2	3	4	5
Греция	2,20	1,72	2,40	8
Великобритания	2,11	1,99	2,27	14
Мальта	1,99	1,97	2,00	6
Новая Зеландия	1,96	1,74	2,16	17
Тринидад	1,82	1,18	2,23	7
Барбадос	1,76	1,25	2,18	7
Багамские острова	1,68	1,45	1,97	5
Ямайка	1,62	1,30	1,95	7
Ботсвана	1,35	1,17	1,71	7

В некоторых странах наблюдалась долгосрочная тенденция усиления многопартийности, что особенно характерно для Бельгии, но это можно наблюдать и в Австрии, Колумбии, Дании, Индии, Италии, Норвегии и Швейцарии. В Германии, Израиле и Японии эффективное число парламентских партий сначала постепенно уменьшалось, но за прошедшие две—три декады снова увеличилось. Португалия — единственная страна, где существует стабильная тенденция к сокращению числа парламентских партий. В большинстве же стран наблюдаются либо колебания показателя эффективного числа без определенной долгосрочной тенденции, либо незначительные изменения. В действительности наивысший и наименьший показатели эффективного числа парламентских партий получались в результате двух следующих друг за другом выборов как минимум в семи странах: Ботсване, Канаде, Коста-Рике, Франции, Новой Зеландии, Испании и США.

Проблемные измерения партийного соревнования

Как можно охарактеризовать содержимое программы партии, а также проблемные измерения партийных систем? К официальным партийным программам и манифестам нужно относиться с долей скепсиса. Тем не менее, они являются ключом к пониманию того, каких позиций в публичной политике партии придерживаются, в особенности, если эти положения дополняются другими официальными заявлениями партии, обсуждениями на партийных собраниях, выступлениями партийных лидеров в парламенте и пр. Более того, мы можем наблюдать реальный политический курс, проводимый партией, когда она находится у власти или разделяет власть в коалиции с другими партиями. Содержимое программы необходимо отличать от характеристик, которые присущи избирателям данной партии. Например, тот факт, что на выборах партия получает поддержку значительного числа избирателей-католиков, автоматически не превращает эту партию в католическую и не характеризует религию как важное проблемное измерение. И все-таки зачастую существует взаимозависимость между программой партии и объективными и субъективными интересами, потребностями ее приверженцев.

Вторым ключевым моментом в определении проблемных измерений партийных систем является тот факт, что акцентируются не внутрипартийные, а межпартийные различия. Это означает, что важные проблемы в масштабах страны могут и не создавать проблемных измерений партийной системы: вместо того, чтобы разделять партии по определенным вопросам, они могут вызвать внутрипартийные размежевания. В третьих, анализ ограничится проблемами, разделяющими, по словам Сартори, «релевантные» партии, т.е. обладающие «шантажным», или «коалиционным» потенциалом. И наконец, акцент будет сделан на устойчивых проблемных измерениях, а не на тех, которые появляются на одних выборах, а затем быстро исчезают.

В 36 демократических партийных системах за период 1945–1996 гг. можно было наблюдать наличие следующих семи проблемных измерений: (1) социально-экономического, (2) религиозного, (3) культурно-этнического, (4) город–село, (5) поддержки режима, (6) внешней политики, (7) постматериалистического измерения. В таблице 5.3 показано, какие проблемные измерения существуют в каждой из 36 демократических систем. Были выявлены различия между наиболее заметными (В) проблемными измерениями и теми, которые проявлялись со средней или меняющейся (от низкой до высокой) интенсивностью за

рассматриваемый период времени (С). Оценки, положенные в основу таблицы, имеют долю субъективности, но в большинстве случаев они основаны на прямых, не содержащих противоречий данных...

1. Социально-экономическое измерение. Социально-экономическое проблемное измерение представлено первым в таблице 5.3, поскольку в силу своей важности оно присутствовало во всех демократических партийных системах в период 1945–1996 гг., а между социально-экономическими курсами партий и правительств правого и левого толка имеются важные различия. При правительстве левых систематически наблюдается более высокий темп роста доли общественного сектора в экономике, увеличивается бюджет центрального правительства, наблюдается выравнивание доходов, предпринимаются более значительные попытки сократить безработицу, больше внимание уделяется системе образования, здравоохранения и социальных льгот, чем это бывает при правительстве правых сил. Суть различий можно свести к следующему утверждению Эдварда Р. Тафта: «В зависимости от положения правящей партии на шкале “левый—правый” определяется вид макроэкономической политики в индустриальных демократиях. Программы партий и политическая идеология устанавливают приоритеты и способствуют выбору того или иного курса».

Различия по признаку «левый—правый» в социально-экономических вопросах начали снижаться с 60-х годов, но не до такой степени..., чтобы можно было считать это проблемное измерение исчезнувшим в любой из этих стран или хотя бы ставшим в большинстве стран измерением средней величины. В таблице 5.3 оно обозначено как среднее только для США, Канады, Тринидада и Багамских островов. Если суммировать показатели всех 36 стран, где $B=1,0$, $C=0,5$, то итоговое число будет равняться 34,0..., что более чем в два раза превосходит сумму показателей любых других измерений. Кроме того, это единственное проблемное измерение, которое присутствует в значительной степени во всех 36 партийных системах...

2. Религиозное измерение. Различия между партиями религиозного и светского характера создают второе важное проблемное пространство. Такие различия можно найти более чем в половине из 36 демократий. В 12 странах, где население состоит по большей части из католиков и/или протестантов, существуют или длительное время существовали многочисленные партии, открыто провозглашавшие себя «христианскими»: в Бельгии, Коста-Рике, Дании, Финляндии,

Таблица 5.3

Проблемные измерения в 36 демократических партийных системах,
1945–1996 гг.

Страна	Социально-экономическое	Религиозное	Культурно-этническое	Город — село	Поддержка режима	Внешняя политика	Постматериалистическое	Количество измерений
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Финляндия	В	С	В	С	С	—	—	3,5
Бельгия	В	В	В	—	—	—	—	3,0
Германия	В	В	С	—	—	—	С	3,0
Индия	В	В	С	—	С	—	—	3,0
Израиль	В	В	—	—	—	В	—	3,0
Италия	В	В	—	—	С	С	—	3,0
Нидерланды	В	В	—	—	—	—	В	3,0
Норвегия	В	В	—	С	—	—	С	3,0
Папуа-Новая Гвинея	В	С	В	—	—	С	—	3,0
Швейцария	В	В	С	С	—	—	—	3,0
Франция	В	С	—	—	С	С	—	2,5
Япония	В	С	—	—	С	С	—	2,5
Португалия	В	С	—	—	С	С	—	2,5

Колумбия	В	С	—	С	С	—	—	2,5
Дания	В	С	—	С	—	С	—	2,5
Испания	В	С	В	—	—	—	—	2,5
Швеция	В	С	—	С	—	—	С	2,5
Коста-Рика	В	В	—	—	—	—	—	2,0
Люксембург	В	В	—	—	—	—	—	2,0

Продолжение табл. 5.3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Венесуэла	В	В	—	—	—	—	—	2,0
Исландия	В	—	—	С	—	С	—	2,0
Мальта	В	С	—	—	—	С	—	2,0
Маврикий	В	—	В	—	—	—	—	2,0
Ирландия	В	—	—	—	—	С	—	1,5
Ямайка	В	—	—	—	—	С	—	1,5
Велико-британия	В	—	—	—	—	С	—	1,5
Канада	С	—	В	—	—	—	—	1,5
Тринидад	С	—	В	—	—	—	—	1,5
Австралия	В	—	—	—	—	—	—	1,5
Австрия	В	С	—	—	—	—	—	1,5
Ботсвана	В	—	С	—	—	—	—	1,5
Греция	В	—	—	—	С	—	—	1,5
Барбадос	В	—	—	—	—	—	—	1,0
Новая Зеландия	В	—	—	—	—	—	—	1,0
США	С	—	С	—	—	—	—	1,0
Багамские острова	С	—	—	—	—	—	—	0,5
Всего	34,0	16,5	9,5	4,0	4,0	6,5	2,5	77,0

Примечание: В означает, что измерение имеет высокую значимость, а С — среднюю.

Германии, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Венесуэле. В течение изучаемого периода различия по признаку «светский—религиозный» являлись важными во всех этих 12

партийных системах... В шести преимущественно католических странах: Австрии, Колумбии, Франции, Мальте, Португалии и Испании — религиозные различия в среднем менее заметны, тем не менее, это проблемное измерение до сих пор присутствует и имеет среднюю значимость. В трех по большей части не христианских странах религиозное проблемное измерение также присутствует. Это измерение продолжает оставаться крайне важным для Израиля, где Национально-религиозная партия и другие партии религиозной направленности уже давно являются успешными защитниками ортодоксального религиозного курса, а также для Индии, где партию Бхарати Джанати часто характеризуют как партию «хинди-нацио-налистов». Японская партия Комейто, которая приобрела значительный политический вес в 70-е годы, является политическим представителем буддистской секты Сока Гаккай (Buddist Soka Gakkai).

После Второй мировой войны религиозное измерение, как и социально-экономическое, потеряло свою значимость. В европейских странах, где население состоит из католиков, и из протестантов, а история знает примеры антагонистических противоречий между ними, межрелигиозные трения почти полностью исчезли, и две группы даже проявляют склонность к политическим союзам. Христианско-демократический союз был основан в послевоенной Германии как объединенная партия католиков и протестантов. В Нидерландах Католическая партия и две главные протестантские партии шли на парламентские выборы 1977 г. единым списком, а вскоре объединились в единую партийную организацию. Кроме того, как религиозные партии, так и их антиклерикальные оппоненты стали гораздо более сдержанны в своих заявлениях и ответных реакциях. Однако религиозные и светские партии все еще разделены по таким вопросам морали, как проблема брака и развода, права представителей сексуальных меньшинств, контроль над рождаемостью, аборт, половое воспитание, порнография и пр. Эти вопросы стали играть заметную роль с конца 60-х. Более того, только ко второй половине изучаемого периода сравнительно мелкие религиозные партии Японии, Дании, Финляндии и Швеции приобрели значительный электоральный вес...

3. Культурно-этническое измерение. В своей теории развития размежеваний и партийных систем Сеймур Мартин Липсет и Стейн Роккан (1967) определяют четыре основных источника становления партийных систем на основе размежеваний. Наряду с уже рассмотренными социально-экономическим и религиозным измерениями, это культурно-этнические размежевания и противоречия между сельско-аграрными и

индустриально-городскими интересами. Культурно-этническое измерение достаточно значимо во всех девяти странах, охарактеризованных как плюралистические общества..., кроме Израиля... Неожиданными исключениями стали этнически многообразные Индия и Швейцария; в этих двух государствах религиозное измерение играет гораздо более важную роль дифференциатора на национальном уровне.

В трех полуплюралистических обществах культурно-этническое измерение также имеет некоторое значение. В Финляндии шведскоговорящее меньшинство и Шведская народная партия очень малы. Тем не менее, эта организация является успешным политическим актором и частым партнером по правительственной коалиции. Германия охарактеризована как страна, где культурно-этническое измерение имеет среднюю значимость, потому что Христианско-социальный союз Баварии считается некой «полупартией», а Партия демократического социализма возникла исключительно как партия Восточной Германии с момента объединения в 1990 г. Ни одна из американских партий не строит свою программу на этнической основе. Однако демократы внимательнее относятся к интересам этнических и расовых меньшинств и более полно их представляют, чем республиканцы. Когда речь идет о противоречивых акциях, направленных на самоутверждение группы, а также специальных программах этнических меньшинств, демократы их обычно поддерживают, а республиканцы выступают против. В Ботсване в восприятии племен бамангват и баквена правящая партия «представляет интересы их народов»...

4. *Проблемное измерение «город — село».* Различия между городом и селом, а также их интересами существуют во всех демократических системах, однако лишь в нескольких из них они создают проблемное измерение, да и то лишь средней значимости. Там, где действуют аграрные партии (в основном в Северных странах), они перестают представлять интересы только лишь сельских жителей и все больше апеллируют к городскому электорату... Очевидным знаком этого является изменение названий аграрных партий Швеции, Норвегии и Финляндии, которые стали «партиями центра» в период с 1957 по 1965 г. Датские либералы и исландские прогрессисты, возникшие как аграрные, также одновременно пытаются позиционировать себя в качестве партий центристского толка. Швейцарскую народную партию и Колумбийскую консервативную партию в некоторой степени можно рассматривать и как представителей интересов сельского населения. Австралийская национальная партия

раньше называлась «Сельской партией», традиционно она отстаивала интересы сельских жителей и фермеров...

5. Проблемное измерение «поддержка режима». Это измерение может появляться в демократиях как результат действия влиятельных партий, противостоящих демократическому режиму. Среди изучаемых 36 демократий оно присутствует в основном в европейских и азиатских странах с крупными коммунистическими партиями: во Франции, Италии, Финляндии, Португалии, Греции, Индии и Японии. Однако развитие «еврокоммунизма» изменило отношение коммунистов к демократии и внешней политике. Индийская и Японская компартии стали также более умеренными в своих взглядах. Именно по этой причине ни в одной из партийных систем данное проблемное измерение не имеет оценки выше средней...

6. Проблемное измерение «внешняя политика». В 12 из 36 изучаемых демократий партии разделились по целому ряду вопросов внешней политики: традиционная, теряющая политический вес просоветская позиция европейских коммунистических партий, оппозиция членству в НАТО... во Франции и Исландии, оппозиция членству в Европейском союзе (или в предшествующих ему организациях) в Великобритании, Дании, Франции, Ирландии и Мальте, отношения с США в Японии и Ямайке, с Австралией в Папуа-Новой Гвинее, с Ливией на Мальте, различные позиции ирландских партий по проблеме Северной Ирландии. Однако ни один из перечисленных вопросов не был достаточно важным или долговременным, чтобы показатель проблемного измерения был выше среднего. Единственной страной с показателем «высокой значимости» данного проблемного измерения среди государств, представленных в таблице 5.3, является Израиль. Здесь речь идет о национально-территориальном вопросе... Это проблемное измерение играет особенно важную роль с момента оккупации Арабских территорий в 1967 г.

7. Постматериалистическое проблемное измерение. Оно включает в себя два аспекта: демократия участия и защита окружающей среды. Оба соотносятся с ценностями, названными Рональдом Инглехартом... «постматериалистическими». Инглехарт обнаружил, что в западных демократиях стремление «иметь более широкие возможности в принятии решений по различным вопросам на работе и в своих общинах», «активнее влиять на процесс принятия политических решений на правительственном уровне» является особенно приоритетным для молодых представителей среднего класса. Более того, в более богатых странах постмате-

риалистические ценности включают в себя также «стремление к благоуживанию городов и сел». Согласно таблице 5.3, постматериализм образует новое проблемное измерение только в нескольких партийных системах. Данный факт объясняется тем, что только наиболее развитые страны лишь недавно достигли постматериалистической стадии развития. Как результат, постматериалистские партии остаются небольшими по своему размеру и, как правило, не имеют определенного коалиционного потенциала. Однако центристские партии Норвегии и Швеции в своих программах постепенно заменили «старомодные» сельские ценности на современные, связанные с защитой окружающей среды. Две новые голландские партии (Демократы-66 и Радикалы) в конце 60-х годов выступили с предложениями по развитию демократии участия и в 1973 г. вошли в коалиционное правительство. Данное проблемное измерение в Германии оценено как среднее из-за особой роли Партии зеленых. Она входила в различные правительства на федеральном уровне. Считалось, что Партия зеленых обладала коалиционным потенциалом для участия в национальном правительстве еще до того, как она стала младшим партнером социалистов по правительственной коалиции 1998 г.

Проблемные измерения и партийные системы

В последнем столбце таблицы 5.3 показано число проблемных измерений в каждой из 36 демократий. В принципе значение этого показателя могло бы варьироваться от 7 до 0, но реально оно меняется от 3,5 до 0,5. Страны со сходными значениями сгруппированы и расположены согласно уменьшению числа их проблемных измерений. В каждой категории первыми перечислены страны с одинаковыми проблемными измерениями. Например, в группе, где число проблемных измерений равняется 2,5, Франция, Япония и Португалия имеют социоэкономическое измерение высокой значимости, их религиозное измерение, измерения «поддержки режима» и «внешней политики» являются средними. Коста-Рика, Люксембург и Венесуэла находятся в аналогичной подгруппе. Здесь число измерений равно 2,0. Пять стран с британским политическим наследием образуют две подгруппы с числом измерений равным 1,5: в первую подгруппу входят Ирландия, Ямайка и Великобритания, а во вторую — Канада и Тринидад.

Как число проблемных измерений связано с эффективным числом партий? Существуют две причины прочной связи. Во-первых, когда имеется несколько измерений политического конфликта, следует ожидать, что для их выражения (если они не совпадают) потребуется достаточно большое количество партий. Во-вторых, определение проблемных измерений базируется на различиях не внутри партий, а между ними. Это означает, что, например, двух-партийная система не может охватить столько проблемных измерений, сколько многопартийная система. Коэффициент корреляции между эффективным числом партий в 36 демократиях (табл. 5.2) и числом проблемных измерений (табл. 5.3) статистически значим. Он равняется 0,84.

...Рейн Таагапера и Бернард Грофман предложили, что эту взаимосвязь [*между эффективным числом партий и числом проблемных измерений*. — *Ред.*] можно выразить формулой:

$$N = I + 1,$$

где N = эффективное число партий, I = число проблемных измерений.

Классическая Вестминстерская двухпартийная система с одним проблемным измерением прекрасно вписывается в эту формулу. По мере увеличения эффективного числа партий будет также увеличиваться и число проблемных измерений...

Перевод
А.А.Бирюковой, Е.А.Самоновой

II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ, ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

С.М. ЛИПСЕТ, С.РОККАН

СТРУКТУРЫ РАЗМЕЖЕВАНИЙ, ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ*

Предварительные замечания

...Партии не просто заново представляют себя избирателям на каждых выборах. У каждой из них есть своя история, а также набор альтернатив, представляемых электорату. Мы не можем просто объяснить современные предпочтения избирателей, не анализируя данные о различиях в образовании партий и альтернативах, предлагаемых электорату до и после расширения избирательного права.

Проводить сравнительный анализ следует в несколько этапов: исследование первичных шагов в сторону состязательной политической системы и институционализации массовых выборов; рассмотрение совокупности размежеваний и противостояний, которые привели к созданию системы массовых организаций, выражающих определенную позицию на

* Мы публикуем сокращенный перевод вступительной статьи к коллективной монографии: *Lipset S., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System and Voter Alignment. An Introduction // Party System and Voter Alignment.* — N.Y., 1967.

выборах, и только потом исследование сил, сформировавших текущие избирательные предпочтения в свете исторических альтернатив.

В западных демократиях избирателей редко просят высказываться по какому-то одному вопросу. Они обычно выражают свою точку зрения по исторически предложенному «пакету» (package) программ, обязательств, взглядов и иногда жизненных позиций, причем их текущее поведение не может рассматриваться без знания последовательности событий и комбинации сил, создавших этот «пакет». Наша задача состоит в построении реалистической модели, объясняющей формирование различных систем «пакетов» в политических системах с разным социально-экономическим развитием, а также в сборе информации о вариантах альтернатив для анализа текущего электорального поведения... Мы надеемся осветить природу партийных систем, феномен их «замерзания», а также собрать материалы для сравнительного анализа нынешних предпочтений избирателей в условиях исторически заданных «пакетов».

В данной вводной части мы ограничимся лишь некоторыми важными аспектами сравнения...

Политическая партия: Агент конфликта и инструмент интеграции

В истории западных демократий партии отражали разделение и конфликты внутри политической системы. Этимологически слово «партия» происходит от слова «часть» (part) и с момента своего появления в политическом дискурсе в конце Средних веков означало набор элементов, конкурирующих с другими элементами в рамках единого целого.

Можно, однако, возразить, что в XX в. появились монолитные тоталитарные партии и однопартийные системы, что говорит о возможности иного употребления и значения термина «партия». Уже длительное время продолжают споры относительно данного понятия. В своей работе «Экономика и общество» Макс Вебер использовал термин «партия» для описания политики средневекового итальянского города и пришел к выводу, что флорентийские гвельфы прекратили быть партией как таковой, когда они были включены в правящую бюрократию...

Тоталитарная партия функционирует не через «свободную вербовку», т.е. не через свободную конкуренцию на политическом рынке, а как часть большого целого, и не выступает в качестве оппозиционной силы другим силам, действующим в рамках целого. Типичная тоталитарная

партия включает активную, мобилизованную часть политической системы: она не соревнуется с другими партиями за посты и привилегии, а пытается мобилизовать общество против неких секретных сил, либо против давления со стороны иностранных врагов. Выборы в тоталитарных системах и отличаются от западных демократий, и, тем не менее, выполняют важные легитимирующие функции: они являются своего рода «ритуалами подкрепления» (rituals of confirmation) в продолжительной борьбе со «скрытой» оппозицией, нелегитимным оппонентом существующего режима.

Какой бы ни была структура политики, партии являются важными агентами мобилизации и тем самым помогают интегрировать локальные сообщества в государство или федерацию. Именно такие функции они осуществляли в ранних состязательных политических системах, а также в однопартийных государствах постколониальной эпохи... Процесс создания коммуникационных связей и сотрудничества территориальных и этнических народностей в состязательных партийных системах может быть рассмотрен на двух уровнях: с одной стороны, каждая партия создает сеть кроссрегиональных коммуникационных каналов и тем самым способствует усилению национальных идентичностей; с другой стороны, сама состязательность партий приводит к становлению государственной системы управления, доминирующей над любыми чиновниками и управленцами на региональном уровне. В итоге получается, что избиратели начинают различать свое отношение к политической системе в целом и к конкурирующим политикам в частности, а претенденты на власть (если у них есть шансы на победу) заинтересованы в поддержании преданности всех граждан политической системе и ее правилам чередования руководства.

В монолитных полициях в сознании граждан слиты сама политическая система и действующая правящая элита. Граждане идентифицируют политику с политическими курсами отдельных лидеров, а сама элита использует устоявшееся отношение граждан, чтобы получить поддержку. В таких обществах любой выпад в отношении политических лидеров или доминирующей партии воспринимается как посягание на саму систему... В состязательных партийных системах оппоненты инкубентов также могут быть обвинены в ослаблении государства и предательстве национальных традиций, однако само существование политической системы ни в коей мере не ставится под сомнение. Состязательная партийная система защищает нацию от недовольства ее граждан: критика и

нападки отводятся от самой системы и адресуются действующей политической элите.

Такие социологи, как Е.А.Росс и Георг Зиммель, проанализировали интегрирующую роль институциональных конфликтов в политических системах. Формирование стабильных каналов выражения конфликтующих интересов способствовало стабилизации структуры большого числа наций-государств. Уравнивание статуса различных вероисповеданий позволило избежать ранних конфликтов по религиозным вопросам. Расширение избирательного права и применение свободы политического выражения также благоприятствовали легитимации наций-государств. Появление каналов выражения [интересов] либо латентных конфликтов между классами... могло вывести систему из равновесного состояния на начальном этапе, однако способствовало укреплению системы в долгосрочной перспективе.

Данная дихотомия (конфликт—интеграция) является центральным объектом современных исследований по сравнительной социологии политических партий. В книге акцент будет сделан на конфликтах и их выражении в партийных системах... Партии привлекают социолога по двум причинам. Они помогают кристаллизировать и выявлять конфликтующие интересы, латентные различия в существующей социальной структуре, а также заставляют субъектов и граждан позиционировать себя по определенным линиям структурных размежеваний и определять свои приоритеты в отношении установленных и будущих ролей в системе. Партии выполняют экспрессивную функцию: они превращают риторику относительно социально-культурных различий в требования и призывы к действию или бездействию. Они также выполняют инструментальную и репрезентативную функции: принуждают представителей различных интересов заключать сделки, выражать требования и агрегировать «давление». Маленькие партии могут удовлетвориться исполнением экспрессивных функций, однако ни одна партия не может надеяться на оказание решающего влияния на действия оппонентов. Так было в начальной стадии образования партий вокруг клик и клубов нотаблей и законодателей, однако с расширением избирательных прав для новых слоев общества стала очевидной необходимость более широких союзов...

Партии, стремящиеся занимать ведущие позиции на Западе, ...представляют собой конгломераты групп, выступающих с разных позиций по разным вопросам, но все же объединенных враждебностью к конкурентам из других «лагерей». Конфликты и противоречия могут воз-

никать из различных взаимоотношений внутри социальной структуры, но лишь немногие из них могут поляризовать политическую жизнь в какой-либо системе. Существует иерархия линий размежеваний в каждой системе, однако они не только различны в разных политиях, но и могут подвергаться изменениям в течение времени. Подобные различия и изменения политического влияния тех или иных социокультурных размежеваний ставят перед сравнительными исследователями ряд фундаментальных проблем. В каких условиях наиболее вероятно, что регион, язык или этничность станут поляризующими факторами? В каком случае классовые различия выйдут на первый план, и когда религиозные идентичности окажутся столь же важными основами размежеваний? В каких условиях эти размежевания будут способствовать возникновению партий и конституйровать отличия между ними? Какие типы союзов максимизируют нагрузку и давление на политику, а какие способствуют ее интеграции?...

Измерения размежеваний: Возможная модель

Две революции: Национальная и Индустриальная

Противостояния в рамках территориального сообщества замедляют процесс строительства государства-нации, а в их экстремальной форме ведут к войнам, распаду государства и даже миграции населения. Функциональные противоречия развиваются после завершения первоначального этапа консолидации территории государства. Они возникают в связи с усиливающимся взаимодействием и расширением коммуникативных связей между различными общностями и регионами и распространяются в ходе процесса социальной мобилизации. Расширяющееся государство-нация создавало большое число агентов объединения и стандартизации и постепенно проникало в «исконную» локальную культуру. Так же поступала и церковь, иногда в тесном сотрудничестве со светскими властями, а чаще всего противостоя и соперничая с государственными чиновниками. Так же действовали и многие автономные институты экономического развития и роста, сети предпринимателей и торговцев, банкиров и финансистов, ремесленников и промышленников.

Раннее появление бюрократии привело к возникновению территориальных конфликтов, а последующее расширение масштабов государственной деятельности и усиление межрегионального взаимодействия

создавало более сложные системы связей и предпочтений, причем некоторые из них возникали между сообществами, а некоторые внутри них.

Ранние волны контрмобилизации зачастую ставили под угрозу территориальное единство нации, федерации или империи. В ходе мобилизации крестьян в Норвегии и Швеции становилось все труднее сохранять союз; мобилизация подданных территорий, находящихся под властью Габсбургов, привела к распаду империи, а ирландских католиков — к гражданской войне и территориальному расколу. Конфликты, возникающие в ходе строительства государстваций в Африке и Азии, отражают похожие противостояния доминирующей и периферийной культур. В некоторых случаях ранние волны мобилизации могли поставить территориальную систему на грань полного распада, способствуя формированию трудноразрешимых территориально-культурных конфликтов: противостояния каталонцев, басков и кастильцев в Испании, фламандцев и валлонов в Бельгии, размежевания между англо-говорящим и франкоговорящим населением Канады.

Условия смягчения или усиления противостояния по линиям размежеваний в полностью мобилизованных политиях достаточно слабо изучены. Многочисленные религиозно-этнические размежевания в Швейцарии и языковые конфликты в Финляндии и Норвегии оказались намного более управляемыми по сравнению с усиливающимися в последнее время конфликтами между голландскоговорящим и франкоязычным населением Бельгии, а также Квебеком и англоговорящими провинциями в Канаде.

Для того, чтобы проанализировать подобные ситуации, нужно не изучать одно размежевание за другим, а наоборот, необходимо учитывать совокупность линий размежеваний внутри каждой политии.

Мы считаем целесообразным выделить четырех линий размежеваний.

Две линии напрямую проистекают со времен национальных революций: конфликт между центральной культурой строительства нации-государства и усиливающимся сопротивлением этнически, лингвистически и религиозно отличных культур провинций и периферий, а также конфликт между централизующим, стандартизирующим и мобилизующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви.

Другие два размежевания ведут свое происхождение со времен индустриальной революции: конфликт между интересами земельных собст-

венников и растущего класса промышленных предпринимателей, а также конфликт между собственниками и работодателями, с одной стороны, и рабочими и служащими — с другой.

Большая часть европейской истории с начала XIX в. может быть описана в терминах взаимодействия между двумя процессами революционных изменений, начавшихся во Франции и в Великобритании. Оба процесса сформировали структуру размежеваний каждой нации, причем Французская революция привела к формированию наиболее глубоких и болезненных противостояний. Наиболее глубокий конфликт возник между чаяниями развивающегося государства-нации и корпоративными интересами церкви.

...Как протестантские, так и католические движения создавали широкие сети ассоциаций и институтов для своих членов, организуя стабильную поддержку даже среди рабочего класса... Пассивные члены традиционной государственной церкви и атеисты руководствуются в своем политическом выборе принадлежностью к классу, а не к конфессии: в течение длительного времени это был единственный сегмент, в котором переплетались различные факторы, влияющие на политический выбор электората...

Например, оппозиция «старых левых» в Норвегии представляла собой движение территориального протеста против господства центральной элиты должностных лиц и патрициев, постепенно переросшее в массовое движение культурного противостояния доминирующим городским стратам. В связи с расширением избирательного права и продолжением мобилизации населения, оно смогло укрепить свои позиции в центральных городах и даже прийти к власти в некоторых из них. Само расширение движения сделало «старых левых» более уязвимыми к фрагментации. Одно крыло оформилось как аграрная партия; другое крыло после длительного противостояния в изначальной партии «старых левых» утвердилось как Христианская народная партия. В Скандинавских странах происходило формирование нескольких подобных моралистически-евангелистских партий, отличающихся от христианских партий в континентальной Европе по следующим признакам: они не выступали против государственного образования и не создавали обширных сетей функциональных организаций своих последователей; они были прежде всего заинтересованы в защите традиций ортодоксального евангелизма от городского атеизма и в использовании законодательных и исполнительных органов государственной власти для оберегания молодежи от

пагубных проявлений современной жизни. Своим отрицанием слишком большой свободы в государственной церкви они напоминают неконформистов в Великобритании и антиреволюционеров в Нидерландах, однако условия, в которых они действовали, были очень различны. В Великобритании религиозные активисты могли работать в самой Либеральной партии (позже также и в Лейбористской партии) и продвигать свои взгляды и интересы, не создавая своей собственной партии. В Голландии ортодоксальные диссиденты сформировали не только собственную партию, но и вертикальные организации вокруг нее. В результате национальных революций растущее население территорий вынуждено было выбирать союзников в конфликтах, исходя из ценностных и культурных идентичностей.

Промышленная революция также вызвала разнообразие культурных противодвижений, но в более длительной перспективе не привела к образованию сообществ с разными системами ценностей в рамках одного государства, а наоборот, способствовала тому, что население, получившее избирательные права, стало выбирать союзников в соответствии со своими экономическими интересами, долей в совокупном национальном доходе, произведенном благодаря распространению новых технологий и расширению рынков. ...Мы выделили два типа размежеваний по интересам: размежевания между сельскими и городскими интересами и размежевания между интересами рабочих и предпринимателей.

Мощнейший рост мировой торговли и промышленного производства привел к усилению напряжения между производителями первичной продукции в сельской местности и предпринимателями в городах. В континентальной Европе конфликтующие интересы жителей городских и сельских областей, начиная со Средних веков, были представлены различными сословиями: аристократия и в исключительных случаях крестьяне-собственники представляли земельные интересы, в то время как бюргеры выступали в защиту городов. Промышленная революция углубила этот конфликт и в разных странах привела к оформлению размежевания между городом и селом в государственных законодательных органах. Разделения, существующие длительное время между сословиями, зачастую отражались и в парламентах в виде борьбы консервативно-аграрных и либерально-радикальных партий.

В Великобритании конфликты городского и сельского населения имели гораздо меньшее значение, чем на континенте. Палата представителей была не собранием городского сословия, а органом законодателей,

представляющих избирательные округа, графства и города. Однако даже здесь в результате промышленной революции сформировались глубокие размежевания между интересами городских и сельских жителей... Эти размежевания являлись предметом расхождений консерваторов и либералов до 1880-х годов... Конфликт консерваторов и либералов отражал разные ценностные ориентации: признание статуса благодаря предписаниям и родственным связям, либо благодаря достижениям и предпринимательству.

Можно выделить типичные различия в переходных обществах. Они обычно более интенсивны на ранних стадиях индустриализации и постепенно смягчаются по мере того, как растущая элита устанавливает свою власть. В Англии этот процесс примирения прошел довольно быстро. В обществе, открытом для экстенсивной мобилизации, в котором возможны браки между представителями различных сословий, рост городов и промышленности постепенно способствовал полному признанию их представителей в традиционной иерархии земельной аристократии. Все более и более сливались сельские и промышленные интересы, а консолидация элиты вскоре изменила характер конфликта консерваторов и либералов... В итоге конфликт города и села смягчился. Это происходило на фоне усиления классовой поляризации расширяющегося электората...

В других странах европейского континента размежевание города и села на протяжении XIX в. проявлялось в государственной политике, однако политическое выражение этого «раскола» было различным. Многое зависело от концентрации богатства и политического контроля в городах, а также от структуры собственности в сельской экономике. Во Франции, Италии, Испании, размежевание города и села редко выражалось в оппозиционных позициях партий. На предпочтения электората намного сильнее влияли другие противоречия, особенно между государством и церковью и между собственниками и арендаторами...

Конфликты городских и сельских интересов концентрировались вокруг рынка товаров. Крестьяне стремились продать свои товары по максимально высокой цене, а купить то, что им нужно у промышленных и городских производителей по максимально низкой. Подобные конфликты не всегда вели к образованию партий. Они могли решаться в рамках широких партийных фронтов или быть направлены через организации интересов в более узкие сферы функционального представительства.

ва. Аграрные партии появлялись только там, где сильные культурные различия углубляли экономические конфликты.

Конфликты на рынке труда оказывались более однообразными. Партии рабочего класса возникали в каждой европейской стране в результате ранних волн индустриализации. Растущие массы рабочих, получающих зарплату в независимости от сферы занятости... недовольные условиями труда и контрактами, отчуждались от собственников и работодателей как в социальном, так и в культурном отношении. В результате сформировалось множество трудовых союзов и общегосударственных социалистических партий. Успех этих движений зависел от ряда факторов: от силы патерналистских традиций признания статуса рабочего класса, размера трудового союза и внутренних связей между рабочими, уровня благосостояния... рабочих в определенной отрасли, а также от перспектив продвижения благодаря лояльности в отношении системы, либо благодаря образованию и личным заслугам.

Ключевым фактором в развитии движений рабочего класса была степень открытости общества: действительно ли статус рабочего закрывал различные перспективы продвижения на протяжении всей жизни, или, наоборот, подобные возможности существовали? Насколько легко было получить образование, позволяющее изменить статус? Каковы были перспективы борьбы с целью создания независимых рабочих союзов?

Различия в развитии партий в Америке и Европе нужно анализировать именно с этих позиций; американские рабочие не только получили право голоса намного раньше своих европейских товарищей, но также с большей легкостью прошли в государственную систему ввиду сильного акцента в американском обществе на равенстве и заслугах, доступа к лучшему образованию и, в конце концов, благодаря новой волне иммигрантов, имеющих более низкий статус и тем самым дававших возможность американским рабочим занимать лучшие позиции. Похожий процесс в настоящее время имеет место в развитых странах Западной Европы. Наплыв рабочих-иммигрантов из средиземноморских стран и Западной Индии позволяет рабочему классу пополнять средний класс, и эти новые волны мобильности постепенно снижают роль традиционных источников недовольства. В XIX — начале XX в. статусные барьеры в Европе были заметно выше. Деление общества на сословия держало рабочих в определенных рамках, а узость образовательных каналов мобильности препятствовала повышению статуса детей по сравнению с родителями. Однако в европейских странах существующая и нарождающаяся элиты

по-разному относились к требованиям рабочих, и это оказывало воздействие на развитие союзов и социалистических партий.

В Англии и Скандинавских странах отношение элит было открытым и носило прагматический характер. Как и в других странах, активное сопротивление требованиям рабочих имело место, но при отсутствии или минимуме прямого подавления. Сегодня в этих странах существуют самые большие и лояльные лейбористские партии в Европе. В Германии, Австрии, Франции, Италии, и Испании размежевания прошли намного глубже.

Было предпринято множество попыток подавления рабочих союзов и социалистических партий; организации рабочего класса стремились исключить себя из национальной культуры и создавать партии социальных меньшинств (*soziale Ghettoparteien*) идеологического характера, пытаясь изолировать своих членов и сторонников от влияний социальной среды... Эта антисистемная ориентация больших сегментов европейского рабочего класса достигла кульминации после революции в России 1917 г. Коммунистическое движение не просто отстаивало интересы отчужденных слоев территориального сообщества, но и заявляло о заговоре извне, направленном против нации. Эти события поставили многие европейские страны на грань гражданской войны в 20–30-х годах. Чем больше граждане воспринимали друг друга по принципу «друг—враг», тем бóльшая существовала опасность полного разрушения государства.

Со времени Второй мировой войны прослеживаются тенденции снижения значения непримиримых конфликтов и некоторое смягчение идеологических размежеваний. Целый ряд обстоятельств повлиял на этот переход: опыт национального сотрудничества во время войны, улучшение жизненного уровня населения в 50-х годах, быстрый рост среднего класса, уменьшение разрыва между рабочим классом и буржуазией. Однако самым влиятельным оказался фактор укрепления партий рабочего класса в местных и государственных структурах управления и их последующее укоренение в политической системе.

Пример Австрии очень хорошо отражает данную тенденцию. Крайне жесткое противостояние социалистов и католиков вылилось в 1934 г. в гражданскую войну, однако после доминирования национал-социалистов, войны и оккупации обе партии вынуждены были договориться о разделении управленческих обязанностей в рамках пропорциональной системы, и хотя это сотрудничество все еще основывалось на взаимном недоверии, обе партии признавали необходимость сосущество-

вания. О важности такого фактора, как укрепление партий рабочего класса в государственной системе управления, свидетельствуют примеры Италии и Франции, где две самые сильные в Западной Европе коммунистические партии сумели занять определенные позиции в политической системе. Однако по сравнению с Итальянской коммунистической партией, которая активно участвовала в процессе принятия решения сообщества, французская партия держалась несколько изолированно в политической системе и была намного менее вовлечена в управление. Эрик Аллар (Erik Allardt) проследил значимость этих факторов при сравнении уровней классовой поляризации в Скандинавских странах. Он выявил, что процент избирателей из рабочего класса, поддерживающих левых (коммунистов и социал-демократов), был приблизительно одинаковым в Финляндии, Норвегии и Швеции, однако процент избирателей из среднего класса, голосующих за левые партии, был намного ниже в Финляндии. Это объясняется различиями в возможностях мобилизации электората... сравнительно низкими в Финляндии и значительно большими в других странах. Возможно, продолжительная изоляция финских партий рабочего класса отражает низкий уровень участия партии в процессе принятия решений в местных сообществах и в целом в рамках всей нации. Эта особенность еще не изучалась детально, однако исследования мобильности рабочего класса и политических изменений в Норвегии свидетельствуют о том, что главные каналы продвижения существовали в государственном секторе, а волна «обуржуазивания» последовала после занятия Лейбористской партией доминирующего положения в политической системе. В Финляндии период изоляции коммунистов, продолжающийся до 1944 г., а также глубокий раскол в движении рабочего класса на протяжении следующих десятилетий привели к тому, что эти партии не добились сильного влияния в государственном секторе, а мобильность электората сдерживалась существующими длительное время барьерами. В других скандинавских странах победы социал-демократических рабочих партий позволили раскрыть новые каналы мобильности и способствовали ликвидации изоляции рабочего класса.

Все четыре размежевания, описанные в терминах нашей парадигмы, представляли собой движения протеста против существующей государственной элиты и ее культурных стандартов, а также являлись частью широкой волны эмансипации и мобилизации... Использование нами категорий Парсонса представляется новым в двух отношениях. Прежде всего мы применили их, чтобы как-то систематизировать сравнительный

анализ конфликтов и размежеваний. Мы постарались показать, что они не только служат для описания функционально-жизнеспособных социальных систем и условий согласия и интеграции, но также могут быть плодотворно использованы для выявления источников нарушения равновесия и разрушения. Во-вторых, мы использовали эти категории с целью проведения анализа развития. Мы знаем, что некоторые из этих новшеств могут оказаться исключительно терминологическими. В нашем дальнейшем анализе мы надеемся показать, что они открывают возможности для интеллектуального управления большим объемом информации о развитии партий в разных странах мира...

Трансформация структурных размежеваний в партийные системы

До сих пор мы сосредотачивались на появлении какого-либо одного размежевания и только случайно затрагивали рост систем размежеваний и их превращение в политические партии...

Но размежевания не транслируются в партийные различия сами по себе: нужно рассмотреть организационную и избирательную стратегии, взвесить преимущества от союзов по сравнению с потерями от размежеваний, последовательно сузить «рынок мобилизации» посредством организационных усилий... Как социокультурный конфликт транслируется в партийные различия? Чтобы приблизиться к пониманию вариаций этого процесса, мы должны проанализировать большое количество информации об условиях выражения протеста и представления интересов в каждом обществе. Во-первых, мы должны знать традиции принятия решения в государстве: преобладание процедур примирения интересов над деспотическими устремлениями центрального правительства; правила разрешения противоречий и протестов; меры, принятые для управления или защиты политических ассоциаций, свободы связи и организации демонстраций. Во-вторых, мы должны иметь представление о каналах выражения и мобилизации протеста: существовала ли система представительства, и если да, то насколько доступными для народа были представители, кто имел право их выбрать, и как они были выбраны? Существовал ли конфликт, выраженный через прямые демонстрации, через забастовки, саботаж или открытое насилие, или он мог быть перенаправлен через систему выборов или давление легитимно избранному представителю? В-третьих, мы должны знать о возможностях, возна-

гражданах и затратах союзов в системе: ...насколько охотно или неохотно расширяли старые движения базы своей поддержки и насколько было легко или трудно новым движениям добиться представительства? В-четвертых, мы должны иметь представление о возможностях и ограничениях мажоритарного правления в системе: какие союзы наиболее вероятно добиваются мажоритарного управления органами представительства и насколько сильно они могут влиять на структурирование институтов и распределений в системе?

Четыре Порога

Эти вопросы означают существование ряда порогов на пути любого движения, выдвигающего определенные требования в политической системе. Во-первых, порог легитимации: отвергаются ли все протесты как заговорщические, или имеет место признание права петиций, критики, и оппозиции? Во-вторых, порог объединения (инкорпорации): все или большинство сторонников движения лишаются статуса участников при выборе представителей, или им дают политические и гражданские права на паритете с их противниками? В-третьих, порог представительства: должно ли новое движение присоединиться к большим движениям, чтобы получить доступ к органам представительства, или оно может самостоятельно добиться представительства? В-четвертых, порог мажоритарного правления: имеются ли сдержки и противовесы численному правлению большинства в системе, или победа на выборах приведет к власти партию или союз партий, которые будут осуществлять структурные изменения в политической системе?

Таким образом, мы получаем довольно грубую типологию условий развития партийных систем, состоящую из четырех переменных (см. табл.1).

Уровень каждого порога	Порог легити- мации	Порог объеди- нения	Порог предста- вительства	Порог мажоритарного правления
Высокий BBBB	высокий	высокий	высокий	высокий
Средний CBVV	средний	высокий	высокий	высокий
CCVV	средний	средний	высокий	высокий
Низкий NCVV	низкий	средний	высокий	высокий
NCVC	низкий	средний	высокий	средний
NCVC	средний	низкий	высокий	средний
NCVV	низкий	низкий	высокий	высокий
NCVC	низкий	низкий	высокий	средний
NCVC	низкий	низкий	средний	средний
NCVC	низкий	низкий	низкий	низкий

Таблица 1

Партийная система	Примеры
Автократические или олигархические режимы. Отсутствие политических партий. Протесты и недовольства направляются либо через администрации областей, либо через представительство сословий	
Зарождающиеся закрытые партийные системы: клики представителей, клубы нотаблей	Великобритания до 1832 г., Швеция в период противостояния «шляп» и «кепок» («Hats» and «Caps»)
Закрытые партийные системы, порождающие элементарную поддержку извне ввиду регистрации ассоциаций, но защищающие существующие организации	Западная Европа в период между падением абсолютизма и введением парламентского правления (избирательное право по возрастному цензу)
Начальная стадия зарождения внешних партийных систем: свободное развитие движений низших классов при ограниченном избирательном праве	Швеция до 1909 г.
То же, что в модели НСВВ, но при правлении парламента	Бельгия до 1899 г., Норвегия 1880–1900 г.
Изоляция низших классов и религиозных меньшинств от всей политической системы: ограничительные меры в отношении политических организаций при избирательном праве	Правление Вильгельма 1878–1890 гг. Франция 2-й империи и первые десятилетия III республики
Состязательная партийная система при всеобщем равном избирательном праве, большие вознаграждения союзов, четкое разделение законодательной и исполнительной властей	США (если не принимать во внимание запрет деятельности Коммунистической партии и de facto низкий уровень предоставления избирательных прав неграм на Юге); Франция V республики
То же, что и в модели ННВВ при власти парламента	Франция в последние десятилетия III республики и практически всей IV республики
То же, что и в модели ННВВ, но при среднем пороге пропорционального представительства: практически нет необходимости создавать союзы, чтобы добиться представительства при существовании барьеров для фрагментации существующего или подразумеваемого электроального минимума	Скандинавские страны; Бельгия, Голландия, Швейцария с 1918–1920 гг.
То же, что и в модели ННВВ при максимальном пропорциональном представительстве и большем ограничении мажоритарного правления: фрагментированный парламент, плебисцитарное президентство	Веймарская республика

Из таблицы видно, что изменения в одном из порогов рано или поздно приводят к изменениям в других порогах, однако можно проследить различные варианты изменений. Не существует единого линейного измерения политического развития от системы с четырьмя высокими порогами к системе с четырьмя низкими. Четкие прогрессии в сторону более низких порогов прослеживаются на ранних стадиях изменений: признание свободы собраний, расширение избирательного права. На поздних же этапах вариантов изменений намного больше. В действительности, не существует единой конечной стадии развития, но можно выделить некоторые альтернативные этапы:

ННВВ — высокий порог мажоритарного представительства и разделения властей;

ННВС — высокий порог мажоритарного парламентаризма;

ННСС — средний порог парламентаризма (пропорционального представительства);

НННН — низкий порог пропорционального представительства и плебиситарное правление большинства.

Ранние сравнительные исследования по развитию партий и партийных систем сосредотачивались на последствиях снижения первых двух порогов: появление парламентской оппозиции и свободы прессы, а также расширение избирательного права. Алексис де Токвиль, Острогорский, Вебер и Михельс пытались исследовать изнутри центральный институт современной политики: созыательную массовую партию. Последующие исследования, особенно начиная с 20-х годов, занимались рассмотрением третьего и четвертого порогов: последствия избирательной системы и структуры принятия решений для образования и функционирования партийных систем.

Дебаты по поводу «за» и против» электоральных систем способствовали развитию сравнительного анализа, однако эмоциональный подход сторон приводил к сомнительной интерпретации и поспешным обобщениям скудных данных. Некоторые авторы довольствовались сравнением последовательности изменений в разных странах. Они пытались повлиять на будущий ход вещей и, видимо, слишком оптимистично оценивали возможности эволюции партийных систем с помощью электоральной инженерии (electoral engineering). Они забывали о том, что однажды созданные партии развивали свою собственную внутреннюю структуру и добивались длительной лояльности своих сторонников.

Электоральные устройства могут предотвратить или отложить образование партии, но раз уж она была создана и укоренилась в политической системе, очень сложно изменить ее направленность и характер посредством изменений в условиях электорального агрегирования.

В действительности, в большинстве случаев практически не имеет смысла рассматривать избирательные системы как независимые, а партийные системы как зависимые переменные. Партийные стратегии будут оказывать решающее воздействие на избирательное законодательство и выбирать такие системы агрегирования, которые будут способствовать укреплению позиции партии, либо посредством увеличения своего представительства, либо усиления предпочитаемых союзов, либо посредством барьеров для осколочных движений. Используя абстрактные теоретические понятия, возможно, стоит предположить, что системы простого большинства будут способствовать возникновению двухпартийной системы в культурно однородных общностях и порождать больше партий там, где существуют территориальные размежевания, однако единственным подтверждением подобного обобщения являются страны с продолжительной историей существования простого большинства с самого начала демократической массовой политики...

Правила электоральной игры

Все ранние избирательные системы ставят высокий барьер для набирающих силу партий. Для движений рабочего класса всегда представляло большую трудность получить представительство, полагаясь только на себя, но существовали значительные варианты открытости систем, позволяющие этому новому классу оказывать на нее давление...

Системы простого большинства британско-американского типа также устанавливают высокие барьеры для восхождения все набирающих силу движений — новых участников на политическую арену; однако начальный уровень не сводится к 50% голосов от каждого избирательном округе, а зависит от стратегий, принятых утвердившимися партиями. Если они объединяются с целью защиты общих интересов, барьер для них будет высоким; если каждое движение борется только своими силами, данный барьер будет низким. На ранних стадиях мобилизации рабочего класса эти системы способствовали созданию так называемых союзов либеральных и лейбористских партий. Новые участники видели свой единственный шанс добиться представительства на политической арене,

присоединившись к более реформистским партиям. На более поздних стадиях социалистические партии смогли получить представительство без чьей-либо поддержки в районах высокой концентрации промышленности и высокого уровня классового неравенства.

В Англии решающий прорыв в представительстве рабочего класса пришелся на выборы 1918 и 1922 гг. Перед Первой мировой войной Лейбористская партия представила своих кандидатов лишь в нескольких избирательных округах и выиграла всего лишь 42 из 670 мест; в 1918 г. она неожиданно выдвинула своих кандидатов в 388 избирательных округах и выиграл 63 места, затем в 1922 г. — 411 избирательных округов и 142 места... Однако не во всех государствах с партийной системой простого большинства развивались такие сильные партии рабочего класса. Канада и Соединенные Штаты остались на так называемом уровне союзов либеральных и лейбористских партий. Исследователи этих двух «девиантных» наций на первый план выдвинули такие факторы, как раннее предоставление избирательного права, высокая мобильность, укоренившийся федерализм и региональное, этническое и религиозное разнообразие...

...Самые ранние шаги к пропорциональному представительству были сделаны в наиболее гетерогенных в этническом отношении европейских странах, уже в 1855 г. в Дании..., с 1891 г. в Швейцарских кантонах, с 1899 г. в Бельгии, с 1905 г. в Моравии и с 1906 г. в Финляндии... В обществах с разными языками и религиями системы простого большинства могли бы явно угрожать длительному существованию политической системы. Введение некоторых элементов представительства меньшинства явилось необходимым шагом в стратегии территориальной консолидации...

Требования пропорциональности также появились в более гомогенных по культурному признаку государствах. В большинстве случаев победа нового принципа представительства достигалась посредством одновременного давления снизу и сверху. Набирающий силу рабочий класс хотел понизить барьер представительства, чтобы получить доступ к законодательным органам, и наиболее напуганные из старых партий требовали пропорционального представительства для защиты своего положения от новых волн мобилизованных всеобщим избирательным правом избирателей...

Модель европейской партийной системы

...В абстрактной схеме мы выделили четыре решающих размежевания, существующих в западной политике: два из этих измерений явились результатом так называемой национальной революции (размежевания между центром и периферией, между государством и церковью); оставшиеся два измерения появились в результате промышленной революции (размежевания между городом и селом, между собственниками и рабочими). По их основным характеристикам партийные системы, возникшие в Западной Европе на ранней стадии соревнования и мобилизации, могут восприниматься как результат последовательного взаимодействия между этими двумя фундаментальными процессами.

Различия во времени и характере национальной революции являются причиной поразительных расхождений в европейских партийных системах. В протестантских странах в период Реформации конфликты между государством и церковью были временно улажены королевскими указами, и процессы централизации и стандартизации, начавшиеся в 1789 г., не спровоцировали конфликта между ними. Временные духовные учреждения встали на защиту центральной культуры образования нации (nation—building), но вскоре начали получать отпор на периферии, в областях и в районах проживания непривилегированного класса крестьян, ремесленников и рабочих лидеров и идеологов, выступающих против их движения. Другие западноевропейские страны после Французской революции были раздроблены. Во всех этих странах без исключения для защиты интересов церкви развивались сильные партии: явно, как в Германии, странах Бенилюкса, Швейцарии, Австрии, Италии, Испании, или неявно, как в случае с «правыми» во Франции.

Различия во времени и характере промышленной революции также отразились на контрастах среди национальных партийных систем Европы.

Примечательно, что размежевания «центр — периферия», «государство — церковь», «город—село» привели к развитию различных партийных систем, в то время как размежевание рабочего класса способствовало сближению партийных систем в их структуре. Существенная дифференциация между партийными системами появилась на ранней стадии конкурентной политики.... Она отразила основные различия в условиях и последовательности построения государства-нации и в структуре экономики. Движения рабочего класса существуют во всех

странах Запада, но они заметно отличаются по размеру, по сплоченности, по идеологической ориентации и по степени их интеграции или отчуждения от исторически сложившейся национальной политики... Однако решающие различия систем появились еще перед выходом рабочего класса на политическую арену, на характер этих массовых партий большое влияние оказали идеологии, движения и организации, которым они должны были противостоять...

Построение национального государства неизбежно порождает территориальное сопротивление и культурное напряжение. Потенциальные центры политического контроля будут соперничать между собой; может вспыхнуть конфликт между столицей и растущими областями провинции; напряженность между культурно и экономически продвинутыми областями и отсталой периферией также неизбежна. Некоторые из этих территориально-культурных конфликтов были решены в результате раскола или изменений границ, но другие были усилены в результате движения объединения.

Возьмем очевидный пример: расчленение Габсбургской империи, конечно, уладило большое количество безнадежно запутанных конфликтов, но также привело к политическому объединению таких культурно и экономически гетерогенных государств, как Италия, Югославия и Чехословакия. Однако территориально-культурные конфликты находят не только политическое выражение в сепаратистских и ирредентистских движениях; они проникают в структуру размежеваний национального сообщества и создают условия для развития не только каждой общенациональной партийной организации, но и всей партийной системы...

В период Реформации все государства Северо-Западной Европы приняли государственную религию, но на ранней стадии демократизации и мобилизации в этих странах развивались совершенно различные партийные системы. Это различие в политическом развитии отражалось не в выделении какой-либо одной линии, а в воздействии двух линий размежеваний: противостояния между центральной культурой построения национального государства и традициями периферии, между первичным и вторичным секторами экономики.

В Англии культура центра поддерживалась и укреплялась земельной аристократией, в Скандинавских странах городской элитой: административной и патрициата. В Англии линии размежеваний пересекаются; в Скандинавии они подкрепляют друг друга. Британская структура способствовала постепенному слиянию городских и сельских компаний,

в то время как скандинавская модель содействовала их разделению и противостоянию; Консервативная партия Великобритании смогла создать объединенный фронт земельных и индустриальных интересов, в то время как «правые» в Скандинавии остались по существу городской партией и оказались неспособными создать какой-либо длительный союз с аграриями или периферийными «левыми».

Подобные процессы партийного взаимодействия можно проследить в развитии континентальной партийной системы. Конфликты между мобилизованной элитой и периферийными культурами усиливались, а в некоторых случаях усугублялись конфликтами между государством и церковью, а также размежеваниями между городом и селом. Бельгия представляет собой поразительный пример усиления размежеваний. Продолжающиеся процессы экономической, социальной и культурной мобилизации привели к поляризации между франкоговорящей, светской и индустриальной Валлонией и голландскоговорящей, католической и сельскохозяйственной Фландрией. В Швейцарии из пяти франкоговорящих кантонов — три протестантских и два католических, а из 19 германоговорящих кантонов или полукантонов — десять протестантских и девять католических.

Условия появления и образования территориальных противостоящих культур значительно различаются внутри Европы. Организованное сопротивление централизованному аппарату государства-нации возникало в трех ситуациях:

- сильная концентрация контркультуры в пределах четко очерченной территории;
- малочисленные коммуникационные связи, небольшой опыт переговоров с национальным центром и гораздо более развитые отношения с внешними центрами культурного или экономического влияния;
- минимальная экономическая зависимость от политической столицы.

Федералистские, автономистские, сепаратистские движения и партии наиболее вероятно появятся именно при совокупности этих условий. Сравнение Испании и Италии может дать множество подтверждений процессам «накопления размежеваний» (cleavage cumulation). В обеих странах в течение столетий господствовала католическая церковь, после национальных революций оформился сильный конфликт между светской властью и привилегиями духовенства, причем и Испания и Италия остались высоко гетерогенными государствами по своей этниче-

ской структуре, культурным традициям и историческим обязательствам. Все же они заметно различались по характеру партийных систем, которые образовались в этих странах на начальной стадии массовой мобилизации.

...Мы сосредоточились на трех первых линиях размежеваний, потому что они объясняют большинство различий между системами: взаимодействия периферии и центра, государства и церкви и размежевания между городом и селом порождали гораздо более очевидные и длительные различия между национальными партийными системами, нежели любой из расколов, вызванных движениями рабочего класса...

Наша первоначальная схема установила четыре решающих изменения размежеваний в западных политах. Наша модель образования партийных систем точно определила три критических обстоятельства в национальной истории, относящихся к первым трем измерениям.

Оси размежеваний:

Центр — периферия. Реформация: государственный — наднациональный уровень.

Контрреформация: религия...

Государство — церковь. Национальная революция: государственный — церковный контроль.

С 1789 г. — введение всеобщего образования.

Сельское хозяйство — промышленность. Промышленная революция: тарифы на сельскохозяйственную продукцию; контроль/свобода промышленных предприятий.

Собственники — рабочие. Революция 1917 г. в России: интернациональное революционное движение.

В этой схеме прослеживается круговое движение. Процесс начинается с краха одного международного порядка и утверждения сильного территориального чиновничества, легитимирующего себя посредством стандартизации национальных религий и языков, а заканчивается конфликтом относительно национальной или международной ориентации сельских и промышленных рабочих — слоя, который последним был интегрирован в нацию-государство. Условия развития партий рабочего класса значительно различаются в европейских странах. Эти различия проявились перед Первой мировой войной. В результате революции в России не возникли новые размежевания, однако проявились линии противоречий, существовавшие длительное время в элите рабочего класса.

Наша трехэтапная модель не сможет дать четких предсказаний развития партий. Достаточно достоверен тот факт, что наиболее однородные и «одомашненные» (domesticable) партии рабочего класса возникли в странах, где преобладает протестантское население и которые наиболее мягко прошли период национального строительства: Великобритания, Дания, Швеция. Также достоверно то, что в странах с преобладанием католиков, прошедших трудный или относительно недавний путь национального строительства, возникли разнородные и отчужденные движения рабочего класса (Франция, Италия, Испания). Для характеристики промежуточных зон между протестантским северо-востоком и латинским югом следует учитывать другие переменные. Как австрийские, так и немецкие движения рабочего класса создавали и развивали свои собственные контркультуры, отличные от доминирующих национальных культур. Австрийский социалистический «лагерь», преимущественно сконцентрированный в Вене, оказался в состоянии сплотиться перед лицом движений клерикальных консерваторов и пан-немецких националистов, возникших после распада Габсбургской империи...

Различия между Францией, Италией и Испанией, с одной стороны, и между Австрией и Бельгией — с другой, позволяют прийти к следующему обобщению: движения рабочего класса были неоднородны и глубоко разделены в тех странах, где «строители» нации и церковь открыто или латентно противостояли друг другу на этапах повышения образовательного уровня и массовой мобилизации в отличие от стран, где церковь, по меньшей мере, первоначально, сотрудничала со строителями наций в борьбе с общим врагом извне (в случае с Австрией — союз против протестантской Пруссии и зависимого населения Габсбургской империи, в случае с Бельгией — союз против голландцев-кальвинистов)...

Представляется возможным применить данное обобщение к протестантскому северу: чем больший внутренний раскол проявлялся в борьбе за национальное единство, тем сильнее было воздействие революции в России на размежевания в среде рабочего класса... В Северных странах две нации, Дания и Швеция, в наименьшей степени были затронуты делением на коммунистов/социалистов. Под большим влиянием находились три страны, обладавшие ранее статусом колоний: Норвегия (независимая во внутренних делах с 1814 г. и ставшая независимым государством в 1905 г.) — лишь на короткий период времени в начале 20-х годов; Финляндия (получившая независимость в 1917 г.) и Исландия

(независимая во внутренних делах с 1916 г. и ставшая независимым государством в 1944 г.)... Лишь в двух Скандинавских странах — в Финляндии и Исландии — после Второй мировой войны сохранились коммунистические партии. У этих стран существует две общие черты: длительная борьба за культурную и политическую независимость и поздняя индустриализация. Фактически обе страны прошли через очень сложные процессы политических изменений, начиная с фазы национальной мобилизации и заканчивая образованием партийной системы при существовании всеобщего избирательного права. Одна из причин различий этих стран состоит в отдаленности от России. Возникновение Социалистической партии в Финляндии в 1906 г. (партия набрала 37% голосов на первых выборах при всеобщем избирательном праве) явилось лишь частью общей волны мобилизации против царского режима. Революция 1917 г. в России способствовала разделению финского пролетариата: рабочий класс разрывался между привязанностью к своей национальной культуре, социальной иерархии и солидарностью с классом и защитниками революции. Победа «белых» и последующее подавление Коммунистической партии (1919–1921, 1923–1925, 1930–1944) оставили глубокие следы.

Замечания для сравнительной политической социологии

Мы попытались систематизировать историю существования партийных противостояний в европейских политиях до определенной точки — до 20-х годов, до замерзания партийных систем после расширения избирательных прав и мобилизации потенциальных сторонников. Зачем останавливаться именно здесь? Почему бы не продолжить сравнительный анализ размежеваний до 60-х годов? Причина обманчиво проста: партийные системы 60-х годов отражают, с некоторыми исключениями, структуры размежеваний, существовавшие в 20-х годах. Это является отличительной чертой западной политической жизни в период «развитого массового потребления» (high mass consumption): партийные альтернативы и во многих случаях партийные организации — значительно старше большинства избирателей. Для большинства граждан Запада существующие партии составляли часть политического ландшафта, когда они еще были детьми или по крайней мере впервые столкнулись с необходимостью выбора между различными «пакетами» в день выборов.

Эта прее́мственность подчас воспринимается как нечто само собой разумеющееся; в действительности, она вызывает целый ряд вопросов при сравнительном социологическом исследовании. Огромное количество партий, возникших после окончания Первой мировой войны, пережили не только волны фашизма и национального социализма, но и еще одну мировую войну и ряд глубоких изменений в социальной и культурной структурах. Почему это оказалось возможным? Почему эти партии оказались способными пережить столько изменений в политических, социальных и экономических условиях? Как они смогли удержать такое количество избирателей столь длительное время и как им удавалось обновлять свой электорат от поколения к поколению? На эти вопросы не может быть однозначного ответа...

...Мы намного меньше знаем о внутреннем управлении и организационном функционировании политических партий, нежели об их социокультурной базе и истории участия в процессе принятия политических решений. Чтобы приблизиться к ответу на поставленный вопрос, мы должны начать со сравнительного анализа «старых» и «новых» партий: ранние массовые партии сформировались на последнем этапе расширения избирательных прав граждан, а также в первые десятилетия существования всеобщего избирательного права. Довольно трудно найти какое-либо значительное исключение из следующего правила: партии, которые сумели создать массовые организации и укорениться в местных органах власти до последней попытки максимальной мобилизации населения, оказались более жизнеспособными. Сужение «рынка поддержки», возникшее в связи ростом массовых партий на этапе последнего прорыва к введению всеобщего избирательного права, практически не оставило шансов для возникновения новых движений. Там, где либеральные и консервативные фронты совместно бросили вызов возникающим партиям рабочего класса путем создания массовых организаций, возможности создания новых партийных организаций были чрезвычайно малы; так было в тех странах, где порог представительства был либо низким, как в Скандинавии, либо высоким, как в Великобритании. Соответственно «постдемократические» партийные системы оказались более хрупкими и открытыми для новых политических сил в тех странах, где привилегированные сословия, пытаясь мобилизовать население, полагались скорее на местные ресурсы власти, нежели на общенациональные массовые организации...

...Самые значительные партии оформились на стадии мобилизации либо до, либо сразу после последнего расширения избирательных прав и сохранились практически неизменными на протяжении десятилетий. ...Даже во Франции, Германии и Италии преемственность альтернатив существующим партиям так же удивительна, как и отклонения в их организационном выражении. Пример Франции здесь представляется наиболее интересным. Здесь не было ни одного периода провала electoralной политики, порожденного внутренними условиями... но было множество колебаний между плебисцитарной и представительной моделями демократии, а также наблюдалась организационная фрагментация как на уровне артикуляции интересов, так и на уровне партий...

Историческая заданность партийных альтернатив имеет чрезвычайно важное значение не только при исследовании сходств и различий между нациями, но и внутри наций. Партийные альтернативы различаются по возрасту и доминированию не только в разных системах, но и в рамках одной политики. Чтобы детально изучить процессы мобилизации и формирования предпочтений в одной нации мы должны обладать информацией не только об исходе выборов и разделении голосов, но и о времени формирования местных партийных организаций. Этот процесс внедрения в местную политическую жизнь необходимо рассматривать с нескольких точек зрения: с точки зрения организации, членских списков и списков, представленных на местных выборах. Представительство в местных органах власти в большинстве стран Западной Европы открывает больший доступ к властным ресурсам, нежели представительство на общенациональном уровне. Местная элита стремится сформировать костяк партийной организации и привлекает ядро активных сторонников путем распределения различных вознаграждений. Для тех партий, которые находились в непривилегированном положении, доступ к местным органам власти был чрезвычайно важен с точки зрения развития и утверждения их организационных сетей. Они могли выжить, опираясь на мощь профсоюзов, однако дополнительные ресурсные возможности, которые открывались в местных органах власти, значили для них гораздо больше, нежели для тех партий, которые черпали силу в церковных организациях или опирались на политиков, обладающих значительными экономическими ресурсами.

Во многих странах изучение внедрения партий в местные органы власти пока находится на начальной стадии, и пока еще не было принято серьезных попыток сравнительных исследований. Это один из

серьезных пробелов в эмпирической сравнительной социологии. В наших попытках систематизации и нашем знании прослеживается следующая асимметрия: мы практически ничего не знаем о процессах представления различных политических альтернатив местному электорату, однако обладаем огромным количеством информации об обстоятельствах, в которых выбирается та или иная альтернатива. Это, очевидно, отражает различия в доступе к данным. Данная работа по сбору данных в различных местных органах власти по факторам образования, развития и, возможно, стагнации или исчезновения партийных организаций требует много времени. Значительно проще найти информацию о выборе между различными альтернативами, если учитывать и тот факт, что на протяжении десятилетий собиралась электоральная статистика относительно выбора альтернатив, а со времени Второй мировой войны существует огромное количество организаций, проводящих опросы общественного мнения. Сейчас необходимо вести систематическую работу по сбору информации о времени внедрения партий в местные органы власти, чтобы выявить последствия данного внедрения для предпочтений избирателей. Что действительно необходимо — так это международные усилия по координации подобных попыток.

Если данное направление исследований будет развиваться, то временное измерение станет одним из центральных при сравнительном изучении политики... Использование опроса как техники сбора данных, привело к концентрации усилий на изучении синхронных изменений и сократило рассматриваемый период времени; панельная техника позволила сфокусировать внимание на краткосрочных изменениях, и даже вопросы относительно прошлого голосования или семейных традиций не позволили превратить опросы в адекватный инструмент исследований. В последние несколько лет наблюдается некоторое изменение в данной тенденции. Заметно возрастает интерес к временным данным о выборах и другим массовым данным, но и большое число работ сосредотачивается на организационном развитии и «замерзании» политических альтернатив. Все это является существенным условием развития действительно сравнительной социологии. Чтобы понимать современные предпочтения избирателей в различных странах, недостаточно просто проанализировать современные проблемы и социокультурные структуры, намного более важно вернуться к стадии первоначального формирования партийных альтернатив и проанализировать взаимодействие между историче-

ски установленными центрами идентификации и последующими изменениями в структурных условиях выбора.

Подобное объединение диахронного и синхронного анализов представляется крайне важным для понимания политики обществ «развитого массового потребления» 60-х годов... Десятилетия структурных изменений и экономического роста привели к тому, что старые, исторически данные альтернативы становились все более неуместными, а высокая степень организационной мобилизации секторов сообщества практически не оставила возможности для решительного прорыва новых партий. Не случайно подобные ситуации порождают разочарование, отчуждение и даже протест среди тех слоев общества, которые наименее трепетно относятся к различным структурам — среди молодежи и, особенно, студенчества... Отрицание старых альтернатив находило выражение в борьбе за гражданские права и протестном студенческом движении в США, однако разочарование и отрицание молодежью существующих партий, особенно «партий власти», является широко распространенным явлением и в Европе. Подобное несогласие с властью относительно внешней политики и политики в сфере обороны представляет собой лишь один из источников подобного разочарования; разрыв между уровнем ожиданий и уровнем достижений в государстве всеобщего благосостояния также является крайне важным. Вероятность того, что подобные недовольства могут вылиться в достаточно широкие движения, способные сформировать жизнеспособные партии, достаточно мала, однако это, несомненно, повлияет на процессы социализации и набора в существующие партии. Многие, конечно, зависят от сосредоточения власти на местном уровне, а также от высоты порога представительства. В скандинавской системе, где порог представительства низок, волны недовольства уже разрушили равновесие старых партий: там на социалистическом левом фланге возникли новые движения, что отобрало у старых социал-демократических партий часть стратегической силы...

Государство всеобщего благосостояния, распространение массовой культуры, взрыв в области образования — все это поставило правящие партии в сложное положение, а партиям рабочего класса оказалось гораздо сложнее сохранить поддержку молодежи. Даже социал-демократы Швеции, наиболее дальновидная партия из всех рабочих партий Европы, казалось, достигла предела своего господства... Пожалуй, слишком рано говорить о том, к какой политике приведут подобные явления. Вероятно, следует ожидать множество изменений. Это может

увеличить шансы постоянной смены правительства, но может также вызывать новые альтернативы коалиционной политики: политики склонны «размазывать вину», избегать ответственности путем ее разделения с другими партиями...

Для того, чтобы понять эти изменения и оценить перспективы возможного развития, необходимо постепенно создавать сравнительную социологию массовой политики...

РАССЕЛ ДАЛТОН

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ*

Большинство партий и политических систем все еще ориентировано преимущественно на традиционные связи (alignments), описанные Липсетом и Рокканом (1967)¹. Мы будем упоминать эти связи в целом как размежевания «старой политики». Размежевания «старой политики» основаны на политических конфликтах между коалициями «старых левых» и «старых правых». Липсет и Роккан рассматривали классовое размежевание как первостепенный фактор в структурировании «старой политики», поскольку классовый вопрос был наиболее значимым в период расширения избирательных прав. «Старые левые», следовательно, идентифицировали себя с рабочим классом и профсоюзами, светскими группами и интересами городских жителей. «Старые правые» представляли интересы бизнеса и среднего класса. В некоторых странах эта консервативная коалиция также включала религиозных и сельских избира-

* *Рассел Далтон* — публикуется сокращенный перевод отрывка из его книги — Dalton R.J. *Citizen Politics. Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*. — N.Y., L.: Chatham house, 2000. P. 134–143.

¹ Речь идет о связях между партиями и избирателями, описанными С.Липсетом и С.Рокканом в предисловии к монографии под их общей редакцией (Lipset S.M., Rokkan S. (eds) *Party System and Voter Alignments*. New York, 1967). Монография, как следует из названия, посвящена выявлению устойчивых социально-политических размежеваний в обществе, таких как центр — периферия, государство — церковь, город — село, собственники — рабочие, и связей между партиями и избирателями, возникающих на основе этих размежеваний. По мнению Липсета и Роккана, эти размежевания длительное время определяли специфику партийных систем. — *Прим. ред.*

телей. Когда политические проблемы касаются размежеваний «старой политики» — например, заработной платы, программ по безработице, законодательства по абортam — обнаруживается тесная связь классовых и религиозных характеристик с электоральными предпочтениями.

Политические конфликты промышленно развитых стран имеют и новое измерение, основанное на постматериальном размежевании. Это измерение «новой политики» касается конфликтов по новым проблемам, таким как качество окружающей среды, альтернативные жизненные стили, права меньшинств, участие, социальное равенство и др. ...

В ближайшем будущем размежевания «старой политики», вероятнее всего, останутся основой партийного конфликта в большинстве развитых индустриальных демократий. Однако измерение «новой политики» оказывает значительное влияние на их партийные системы, так как оно затрагивает установившиеся размежевания «старой политики». Несмотря на различия [в позициях], профсоюзы и бизнес-группы время от времени объединяют свои силы для борьбы со своими оппонентами, например, по проблеме использования ядерной энергии. Фермеры и студенты иногда становятся союзниками, выступая против проектов промышленного развития, которые могут угрожать окружающей среде. «Синие» и «белые» воротнички объединяются, чтобы противостоять изменениям нравственных норм. Появление интересов «новых левых» и «новых правых» способно переструктурировать социально-групповые связи и партийные коалиции в новом и даже противоположном направлении. В итоге, простая дихотомия между «старыми левыми» и «новыми правыми» уже неадекватно отражает существующие модели политической конкуренции. Современное политическое пространство лучше характеризовать, по меньшей мере, двумя (или больше) измерениями.

Мы можем проиллюстрировать разницу между размежеваниями «старой» и «новой политики» примерами, взятыми из американского опыта. На протяжении почти всего XX в. противоречия «старой политики» служили основой партийной конкуренции в США. Коалиции «нового курса», созданные Великой депрессией, определяли социальные основы партийной поддержки: с одной стороны — Демократическая партия и ее сторонники из рабочего класса, с другой — республиканцы и крупный бизнес. Религиозные различия были несущественными в силу формального отделения церкви от государства.

В 60-х годах в американскую политику был введен новый набор проблем. Студенческие протесты, женские движения, движения за аль-

тернативные жизненные стили бросили вызов символам политического истеблишмента... Этот культурный конфликт ввел новое измерение, представленное инакомыслящими демократическими кандидатами в конце 60-х — начале 70х годов. Проблемы «новой политики» установили повестку дня для последующих кампаний... Другое исследование партийных размежеваний, проведенное в 1974 г., показало, что демократы и республиканцы несущественно отличались по измерению «новой политики»...

Политика администраций Рейгана и Буша в период 80-х — начала 90-х годов стимулировала конвергенцию связей «старой» и «новой политики». Налоговая политика и приоритеты расходов администрации Рейгана явно благоприятствовали бизнесу и более обеспеченной части общества и служили укреплению связей между интересами бизнеса и Республиканской партией. Более того, администрация Рейгана проводила консервативную социальную политику и развивала сильные политические связи с религиозными группами... и другими фундаменталистскими организациями. Совершенно нетипичным образом для современной американской политики вопросы религии были введены в партийную политику.

Администрации Рейгана и Буша прояснили партийную позицию по вопросам «новой политики». Тема защиты окружающей среды находила определенное отражение в деятельности Республиканской партии. Например, Ричард Никсон во время первого президентского срока учредил Агентство по защите окружающей среды и был инициатором ряда соответствующих законодательных актов. Однако... политические инициативы администрации Рейгана были враждебны по отношению к движению в защиту окружающей среды... Администрация Джорджа Буша продолжала резкие нападки на законы по защите окружающей среды. Точно так же администрации Рейгана и Буша были враждебно настроены по отношению к феминистским организациям. Проблема абортов стала лакмусовой бумажкой республиканской политики при назначении федеральных судей и выдвижении кандидатов.

В то время как республиканцы стали критиковать повестку дня «новой политики», демократы стали сторонниками решения этих проблем и активно поддерживали движения в защиту окружающей среды в законодательном процессе. В 1984 г. демократы были первыми, кто выдвинул на государственную должность женщину и феминистку — Джеральдину Ферраро. Новая демократическая коалиция Клинтона приняла попытки объединить старый электорат профсоюзов и новый

электорат феминистских движений и защитников окружающей среды. Точно так же Республиканская партия пыталась объединить своих традиционных сторонников из среднего класса и представителей бизнеса и новых консервативно настроенных избирателей.

Мы можем проиллюстрировать существующие социальные и партийные связи данными Национальных исследований американских выборов (NES) 2000 г. Респондентам задавались вопросы об их отношении к ряду социально-политических групп и политических партий. Для демонстрации взаимосвязей группового восприятия в графическом виде использовался статистический метод. Эта техника позволила составить карту политического пространства, основанную на восприятии политиков самими американцами. При наличии значительного сходства в оценках двух групп, они помещались в пространстве рядом друг с другом. Если группы оценивались по-разному, они располагались на расстоянии друг от друга. Таким образом, мы можем представить карту политического пространства, которую используют избиратели при ориентации относительно социальных групп и политических партий.

Традиционное размежевание «старой политики» «левый—правый» представлено на горизонтальной оси графика. Ал Гор размещен в левой части горизонтальной оси вместе с Биллом Клинтоном. Оба политика занимают позиции, близкие к профсоюзам. Действительно, в 2000 г. Гор оказался более привлекательным для традиционного демократического электората, структурированного на классовой основе, чем Билл Клинтон в своих двух предыдущих кампаниях. Джордж Буш размещен на противоположном конце континуума, ближайšie к нему группы — это крупный бизнес и Христианская коалиция.

График также демонстрирует второе измерение политических размежеваний (вертикальная ось). Новая либеральная коалиция, включающая представителей движения за защиту окружающей среды, женские движения и группы меньшинств, расположена ближе к кандидату-демократу, но все еще дистанцирована от традиционной партийной базы, включающей в себя представителей рабочего класса. На другом конце этого измерения — Пэт Бучэнэн (Pat Buchanan), который вел консервативную кампанию с акцентом на культурные проблемы в противоположность позициям женских движений и групп меньшинств. Эта консервативная позиция по вопросам «новой политики» в кампании 2000 г. близка электорату, который Росс Перо мобилизовал для голосования за Реформистскую партию на выборах 1992 и 1996 гг. Несмотря на попытки де-

мократов объединить сторонников «старой» и «новой политики», дистанция между этими двумя группами в кампании 2000 г. оставалась очевидной.

Сопоставимые данные о социально-политическом пространстве в Британии, Германии и Франции недоступны. Однако в другом исследовании используется метод, который иллюстрирует партийные позиции по темам «старой» и «новой политики» во всех четырех партийных системах. Майкл Лавер и У.Бен Нант (1992) попросили экспертов расположить партии своей страны по ряду политических измерений. На графике представлены партийные позиции по двум проблемам: снижение налогов или поддержка увеличения затрат на социальное обеспечение как показатель социально-экономических проблем «старой политики» и защита окружающей среды или экономический рост как свидетельство приоритетов «новой политики».

В верхней части графика помещены партии в зависимости от их позиции по проблемам социального обеспечения и налогообложения. Мы можем обнаружить партийные размежевания «правый—левый» в каждой стране. Демократическая партия США размещается в левой части этого континуума аналогично модели, представленной ранее на карте политического пространства. На противоположном конце... находится Республиканская партия. От кампании Рональда Рейгана 1994 г. «Контракт с Америкой» до кампании Джорджа Буша республиканцы демонстрировали приверженность сокращению общественного сектора и уменьшению налогов. Сейчас эта позиция является частью прочно укоренившегося представления о политике республиканцев.

В Великобритании Лейбористская партия является представителем рабочего класса и защищает социалистический курс. Ориентация партии на рабочий класс институционализована благодаря формальным связям с профсоюзами. Членство в профсоюзе, как правило, автоматически предполагает членство в Лейбористской партии; профсоюзные лидеры также контролируют этот большой блок избирателей на съездах Лейбористской партии. Предыдущие лейбористские правительства национализировали несколько крупных промышленных отраслей, расширили социальные программы и энергично защищали интересы своих сторонников из рабочего класса. По этому измерению Лейбористская партия размещена левее, чем американские демократы и немецкая СДПГ. Британская Либерально—демократическая партия представляет собой небольшую центристскую партию, которая занимает срединную

точку на этом пространстве. Эта партия традиционно отстаивает либеральные ценности, интересы среднего класса. В недавнем прошлом она претерпела некоторые изменения, сохранив однако при этом центристские позиции относительно социально-экономической роли государства.

...Начиная с первой победы Маргарет Тэтчер в 1979 г., Консервативная партия пыталась уменьшить государственное вмешательство. Правительство Тэтчер приватизировало многие отрасли производства, принадлежавшие государству, урезало социальные и образовательные правительственные программы, распродало общественный жилищный фонд и пыталось сократить границы вмешательства правительства в жизнь общества в целом. Этот политический курс укрепил традиционное представление о Консервативной партии как о партии, которую поддерживают бизнес и средний класс. Даже десятилетия спустя после того, как Тэтчер перестала быть лидером партии, этот образ остается частью публичного имиджа Консервативной партии, что служит основанием для размещения ее в правой части экономического спектра.

Главный представитель «старых левых» в Германии — это Социал-демократическая партия (СДПГ). СДПГ образовалась из социалистических движений рабочего класса и до сих пор представляет их интересы. Несмотря на то, что немецкие профсоюзы больше не имеют институциональных связей с СДПГ, их отношения, тем не менее, остаются тесными. Благодаря своей либеральной традиции, СДПГ рассматривается как партия, которая поддерживает политику увеличения затрат на социальные программы (несмотря на то, что с начала 90-х годов для нее характерна более умеренная позиция по этому вопросу). На выборах 1998 г. СДПГ пыталась смягчить этот образ, дабы привлечь более умеренных избирателей, так же как и британская Лейбористская партия использовала эту же стратегию в 1997 г. Но СДПГ все же остается защитником государственных социальных программ. Немецкие Зеленые характеризуются как леволибертарная партия, так как они сочетают отчетливую либеральную позицию по многим традиционным проблемам, связанным с социальными расходами и государством всеобщего благоденствия с защитой основных идей «новых левых» (Китчельт, 1989). Таким образом, на шкале «социальные обеспечение/налоги» эксперты помещают Зеленых левее, чем СДПГ.

Христианский демократический союз/Христианский социальный союз (ХДС/ХСС) — это основная политическая сила правого фланга Германии. ХДС был основан после войны как консервативно ориентиро-

ванная «всеохватывающая» партия (Volkspartei). В Баварии ХСС возник как партия консервативных сил. Как следует из названия, обе консервативные партии представляют религиозных избирателей, [выделенных на основе] размежевания «церковь — государство». Эти партии высказываются за проведение консервативной экономической политики и свободную рыночную экономику. ХДС/ХСС и СВДП занимают схожие консервативные позиции на оси «социальное обеспечение/налоги». Действительно, в течение 16 лет (1982—1998), когда эти организации контролировали правительство, они реализовывали консервативные экономические программы, которые ограничивали степень государственного регулирования и стимулировали экономическое развитие. Исключительная цена объединения Германии вынудила эти партии временно отойти от своей прежней политики, но их приверженность сокращению государственного регулирования продолжает сохраняться. Национальная демократическая партия (НДП) представляет собой небольшую, крайне правую партию, более известную благодаря своей националистической и реакционной риторике, нежели экономической программе. Тем не менее, эксперты помещают НДП в консервативную часть шкалы социального обеспечения.

Во Франции существуют две основные партии, которые представляют традиционные позиции «старых левых»: Коммунистическая и Социалистическая партии (ФКП и ФСП). Идеологи Коммунистической партии считают, что правительство должно проводить социально ориентированную политику. Это самая левая партия из партий всех четырех стран. Коммунистическая партия зависит от избирателей из рабочего класса и формально связана с коммунистическими профсоюзами. Более того, несмотря на то, что другие коммунистические партии отказались от марксистской идеологии в связи с крушением Советского Союза, Французская коммунистическая партия остается верной этим ценностям. По сравнению с ней, французские социалисты смягчили свой идеологический образ, сделав его более привлекательным для избирателей среднего класса. Эксперты продолжают рассматривать социалистов как приверженцев обширных правительственных социальных программ.

Во Франции существуют две основные консервативные партии — Объединение в поддержку республики (ОПР) и Союз за французскую демократию (СФД). ОПР — это современный наследник голлистов, создавших Пятую республику и находившихся у власти больше других. Партия представляет интересы консервативных деловых кругов и кон-

сервативной части среднего класса; она ратует за сокращение правительственных социальных программ и уменьшение налогов. СФД — это умеренно консервативная партия, привлекательная для либеральных слоев среднего класса. Лидером ОНР является президент Франции Жак Ширак. На крайнем правом фланге политического спектра находится Национальный фронт (НФ). НФ — это пример «новой правой» партии, чье внимание фокусируется на культурных и социальных проблемах, таких как неприязнь к иностранцам, националистическая внешняя политика и традиционные социальные ценности. Идентичность этой партии формируется скорее за счет негативной реакции на либеральные темы «новой политики», нежели за счет традиционных экономических тем. Но что касается расходов на социальные нужды, то позиция партии по этому вопросу воспринимается как резко консервативная.

Если бы проблемы «старой политики»... были единственными факторами структурирования электоральной конкуренции, Липсет и Роккан были бы правы, описывая сегодня современные партийные системы в терминах размежеваний 20-х годов. Классовая основа партийных «лево-правых» связей, которые исторически формировали партийную политику, до сих пор явно прослеживается по тому, как политические эксперты структурируют современные партии по шкале «социальное обеспечение/налоги».

Содержание политической повестки дня, однако, представляет собой больше, чем проблемы «старой политики», касающиеся вопросов экономики и безопасности. «Новая политика» вводит в политический дискурс новые постматериальные интересы, что ведет к иным партийным связям. Партийные связи, созданные размежеваниями «новой политики», представлены в нижней части графика, здесь позиции партий упорядочены по измерению «окружающая среда/экономика».

В Соединенных Штатах мы встречаем сходное положение партий на оси «левые—правые». Демократы воспринимаются как сторонники политики по защите окружающей среды. Республиканцы — как политики, заботящиеся об экономике даже в том случае, если это наносит ущерб окружающей среде. Это партийное размежевание было ярко проиллюстрировано во время президентских выборов 2000 г. Кандидат от демократов Альберт Гор — это политическая фигура, четко идентифицируемая с защитой окружающей среды, автор бестселлера по проблемам окружающей среды. Джордж Буш выражал заботу об окружающей среде, но он также высказался... против чересчур строгого регулирования в

области защиты окружающей среды... В настоящее время в Соединенных Штатах связи двух партий похожи на измерения «старой» и «новой политики».

В большинстве других партийных систем тема окружающей среды создает новые модели партийных связей. В Великобритании, например, центристские либеральные демократы определили себя как партию, более симпатизирующую теме защиты окружающей среды. В Германии Партия зеленых рассматривается как защитник окружающей среды и помещается на самом краю этого континуума. В последнее время СДПГ стала больше симпатизировать движениям в защиту окружающей среды, но эксперты все еще помещают ее вблизи от центра этой шкалы. Социал-демократы по этому измерению ближе к консервативной партии ХДС/ХСС, чем к Зеленым. На правом фланге этого континуума находится экстремистская партия НДП. Если Зеленые защищают модернизационные и либеральные проблемы, то НДП (раньше республиканцы) критикуют социальные и культурные изменения. В целом, основное размежевание по шкале «окружающая среда/экономика» отделяет Зеленых от всех остальных немецких партий.

Способность «новой политики» к трансформации партийных связей более явно иллюстрируется на примере партийной системы Франции. Французские Зеленые являются сторонниками политики по защите окружающей среды и занимают крайнюю позицию «новых левых». Но традиционные левые партии занимают нейтральную или критическую позицию по вопросу защиты окружающей среды. Французские социалисты находятся в центральной точке этой оси. Французские коммунисты, занимающие крайне левые позиции по проблемам «старой политики», помещаются между консервативными ОНР и СФД. Коммунисты и Национальный фронт занимают сходные позиции. Таким образом, как показывает пример немецкой и французской партийных систем, размежевания «новой политики» отделяют Зеленых от всех других партий.

Если мы скомбинируем все, о чем говорили ранее, мы сможем получить карту социально-политического пространства, которую избиратели используют для ориентации между позициями партий. В каждой стране очевидно явное разделение политических позиций по традиционным социально-экономическим проблемам, изначально структурирующих партийную конкуренцию. К тому же политические дискуссии в развитых индустриальных странах дополняются новыми темами, что побуждает к формированию новых или переориентации старых партий. В

современных электоральных исследованиях предпринимаются попытки оценить относительную позицию политических партий как по двум измерениям, так и по относительному весу самих измерений в структурировании электорального пространства...

Современные партийные системы

Итак, в этой главе описывалась идеологическая структура современных партийных систем. Большинство политических партий все еще ориентировано на классовые и религиозные размежевания «старой политики». Несмотря на то, что эти размежевания становятся менее значимыми, политические связи между социальными группами и партиями сохраняются... Современная общественность связывает правые партии с бизнесом (иногда с католической церковью), а левые партии — с профсоюзами.

Хотя большинство различий в позициях партий основано на измерениях «старой политики», появляются свидетельства повышения значимости размежевания по вопросам «новой политики». У людей возникают постматериальные ценности, что ведет к новым политическим интересам. Эти новые проблемы изначально оказываются вне традиционных партий...

Очевидно появление фактов изменения структуры партийной поддержки, что связано с измерением «новой политики». Новые партии, такие как немецкие и французские Зеленые, представляют «новую политику». Эти небольшие партии получают поддержку среди молодых, хорошо образованных и постматериалистически ориентированных групп, что и определяет размежевания «новой политики». Более основательные изменения будут происходить, если устоявшиеся партии займут более ясные позиции по проблемам «новой политики». Существуют примеры этих изменений в политике и электоральных стратегиях крупнейших левых партий некоторых стран. Эти партии пытаются объединить «старые левые» и «новые левые» проблемы в одной программе, что является трудной задачей.

Однако традиционные партии не решаются формализовать тесные связи с «новыми левыми» или «новыми правыми» группами, что особенно характерно для Западной Европы, где «старая политика» занимает довольно сильные позиции. Партии, естественно, будут осторожно относиться к проблемам «новой политики» до тех пор, пока все затраты и

выгоды не ясны. Например, основные европейские левые партии внутренне разделены по ряду вопросов «старой» и «новой политики». В то время как большинство промышленных профсоюзов поддерживают проекты экономического развития, направленные на экономический рост и увеличение рабочих мест, левые защитники окружающей среды часто выступают против них из-за возможных экологических последствий. Многие консервативные партии также сталкиваются с противоречиями между консервативными бизнес-элитами, новыми культурными консерваторами и либеральными избирателями среднего класса. Политические альянсы между группами «старой» и «новой политики» оказываются временными из-за ценностных конфликтов между ними.

Неопределенности этой ситуации добавляют и новые вопросы партийной идентичности, возникшие в период после окончания «холодной войны». Закат коммунизма требует переосмысления позиций партий по вопросам внешней политики. Многие консервативные партии, использовавшие антикоммунизм как часть своего политического имиджа, теперь должны обратить внимание на другие политические темы. Подобным образом крах восточно-европейского социализма ослабил позиции социал-демократических партий по защите широкого государственного вмешательства. В двух словах, левые и правые партии переосмысливают некоторые позиции, которые обеспечивали их электоральную идентичность.

Вследствие неопределенности, стоящей перед партиями, и трудностей в интеграции нового политического размежевания в устоявшиеся партийные системы, будущие изменения партийных связей, вероятнее всего, примут неопределенный характер. Продолжение эволюции гражданских ценностей и интересов означает, что существует реальный потенциал для будущих изменений в партийных связях.

Перевод *Н.В.Анохиной*

МОГЕНС Н. ПЕДЕРСЕН

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ, 1948–1977*

1. Суть проблемы

В 60-х годах XX века среди политологов была широко распространена точка зрения, согласно которой партийные системы в европейских государствах являлись внутренне стабильными и отражали за некоторыми исключениями структуру социетальных размежеваний прошлого... Веские эмпирические доказательства, относящиеся к партийной системе на уровне электората, лишь подтверждали данную позицию. Они даже позволили Роузу и Эрвину сделать вывод, что «со времени окончания войны электоральный вес большинства партий в западноевропейских государствах претерпел лишь незначительные изменения» ...

Последние события европейской истории оказались во многом неожиданными, что затруднило соотнесение теоретического видения и политических реалий. Так, в государствах Северной Европы количество партий, ведущих борьбу на политической арене, за последние несколько

* Могенс Педерсен — профессор университета Южной Дании, автор широко используемого в политических исследованиях индекса электоральной неустойчивости. Мы печатаем сокращенный перевод его статьи «Динамика европейских партийных систем: Меняющиеся модели электоральной неустойчивости» (Pedersen M.N. The dynamic of European party systems: Changing patterns of electoral volatility// Europ. j. of polit. research. — 1979. — Vol.7 (1). — P. 1–26).

лет значительно увеличилось. В то же время в некоторых странах распределение голосов избирателей изменилось непредсказуемым образом. Взаимоотношения между избирателями и партиями, очевидно, претерпели изменения. В одних странах обнаружена тенденция понижения партийной идентификации, в других — увеличение доли неконвенционального политического поведения. В некоторых случаях произошел полный переход большого количества избирателей от старых партий к новым. Старые и новые партии можно было бы описать соответственно как традиционные массовые и, используя терминологию О. Киркхеймера, как «всеохватные» партии...

На данный момент эти тенденции очевидны. Они свидетельствуют о том, что, даже если партийные системы еще продолжают отражать традиционную структуру общественных размежеваний, исключения, о которых писали Липсет и Роккан, не являются больше редкостью и составляют увеличивающуюся долю европейских партийных систем.

Необходимо определить, являются ли данные изменения, наблюдаемые прежде всего (но не только) в странах Северной Европы, фундаментальными трансформациями партийных систем или они представляют лишь незначительные колебания, временные отклонения от стабильной модели. Вписываются ли они в нее или являются нетипичными явлениями, не связанными с историей европейских обществ или с развитием других государств в Европе? Становятся ли в 70-х годах европейские партийные системы более унифицированными и похожими друг на друга или же, наоборот, они приобретают больше различий? Возможно ли говорить об определенных периодах стабильности и изменений и, если это так, присущи ли эти периоды только некоторым странам или же большей части европейских политий? Являются ли колебания случайными во времени и пространстве или же они образуют тенденции, которым присущи увеличивающиеся и понижающиеся темпы изменений?

Возможно, мы имеем дело с обширной проблемой, имеющей различные аспекты. Первой трудностью, с которой мы сталкиваемся в процессе описания и понимания степени и направления изменений партийных систем в Европе, является определение границ проблемы, сокращение количества вопросов. Мы предлагаем сделать это следующим образом.

Концепция изменения партийной системы не является столь простой и однозначной. Мы можем узнать, что партийная система «является системой взаимодействия, складывающегося в результате межпар-

тийной конкуренции»... Однако взаимодействие и конкуренция протекают на различных уровнях, или, другими словами, сама система может быть описана как состоящая из подсистем. Для характеристики изменения партийной системы нам необходимо рассмотреть уровни функционирования парламента и правительства, партийной организации и электората. Изменение партийной системы может быть определено как *всеобъемлющий комплекс перемен в моделях взаимодействия и конкуренции как на этих трех уровнях, так и между ними*.

На данной стадии исследования невозможно рассмотреть все уровни. Поэтому я намеренно сосредоточиваю внимание именно на электоральном уровне. Данный анализ основан на допущении, что «результаты выборов важны для политиков и политологов». Можно также добавить, что даже если выборы не всегда имеют определяющее значение, они все еще остаются наилучшим объектом для изучения процесса перемен. Это обусловлено тем, что изменение является либо следствием выборов, либо выборы фиксируют перемены, произошедшие в партийной системе.

Как на уровне электората, так и на других уровнях партийная система может быть описана с использованием единиц анализа, составляющих различные теоретические концепции. Партийные системы различаются по степени поляризации, фрагментации, институционализации и т.д.

Если считать, что партийная система состоит из «частей», то иногда оказывается полезным использовать простейшее определение *формата партийной системы*. Определение формата избирательной партийной системы (electoral party system) может быть дано в соответствии с числом партий, соревнующихся на выборах, и распределением голосов избирателей среди данных партий.

Принимая во внимание основополагающую роль выборов в процессе изменения партийной системы, представляется правильным... рассмотреть эволюцию моделей трансформации формата партийных систем в Европе, т.е. изменение числа конкурирующих партий и распределения голосов избирателей среди них. Явлением, которое мы собираемся выделить для дальнейшего анализа, является электоральная неустойчивость, под которой будет пониматься *конечное изменение внутри избирательной партийной системы, вытекающее из смены индивидуальных ориентаций и предпочтений избирателя...*

...По традиции политологи уделяли значительное внимание количеству партий, считая этот фактор важнейшим для функционирования партийной системы. С конца 60-х годов XX в. описание формата партийной системы с точки зрения количества партий и распределения голосов избирателей стало привычным. Были предприняты многочисленные попытки снабдить [исследователей] единообразными количественными показателями формата партийной системы, которые позволили бы сравнивать партийные системы и описывать внутрисистемные изменения. Этим показателям, к которым, в частности, относится индекс фракционализации, разработанный Рэем..., были присущи локальность и статичность. Вследствие этого они не являются оптимальными инструментами для изучения динамических характеристик партийных систем...

Если же мы хотим сосредоточить внимание на проходящем изменении формата партийных систем, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью разработать показатели этого процесса, которые, во-первых, позволят нам дифференцировать системы; во-вторых, будут отражать сходства и различия между диахронными образцами и, в-третьих, будут поддаваться достаточно простой теоретической интерпретации. Эти требования можно удовлетворить с помощью использования... суммарного показателя темпов изменения, происходящего в партийной системе. Недавно были предложены и применены несколько таких критериев... В данной работе мы будем использовать индекс электро-ральной неустойчивости, который подсчитывается следующим способом.

Пусть $p_{i,t}$ обозначает процент голосов, полученных партией i на выборах t . Тогда формула, отражающая изменение процента голосов, полученных партией i , по сравнению с последними выборами, будет следующей:

$$C_{i,t} = p_{i,t} - p_{i,t-1},$$

и, если мы не будем учитывать разницу в знаках, то мы получаем следующее уравнение для партийной системы:

$$\text{Total Net Change (TNC}_t) = \sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}|$$

$$0 \leq \text{TNC}_t \leq 200$$

где n обозначает число партий, конкурирующих между собой на двух следующих друг за другом выборах.

Вспомним, что чистая «прибыль» победивших партий в числовом выражении равна потерям проигравших партий. Поэтому можно использовать другой индекс, который легче подсчитать и интерпретировать, а именно:

$$\text{Неустойчивость } (V_t) = 1/2 \times \text{TNC}_t$$

$$0 \leq V_t \leq 100$$

где V_t обозначает совокупную прибыль победивших партий в партийной системе или... числовое значение совокупного уменьшения поддержки проигравших партий в целом. Диапазон колебаний... выражается в процентах.

Описание партийных систем европейских государств с использованием индекса электоральной неустойчивости, по меньшей мере, даст частичный ответ на широкий спектр вопросов о степени их изменчивости и стабильности. Таким образом, он позволит определить, что является типичной, а что девиантной моделью развития.

2. Электоральная неустойчивость на национальном уровне

Индекс электоральной неустойчивости показывает, в какой степени происходит перераспределение сил между победившими и проигравшими партиями от выборов к выборам. Изучение национальных моделей, таким образом, выявит, являются ли относительные позиции партий [в политической системе] неизменными или же они подвержены колебаниям, в конечном итоге отражающим основные сдвиги в структуре электоральных предпочтений и партийной идентификации. Размер электоральной неустойчивости может варьироваться в зависимости от страны и времени. Различия могут носить случайный характер или же свидетельствовать об определенных политических закономерностях. Поиск подобных закономерностей является первостепенной задачей любого исследования.

Если индекс электоральной неустойчивости применить к данным, полученным в ходе изучения 13 стран, складывается картина, которая высвечивает как ожидаемые, так и неожиданные черты [партийных систем в странах Западной Европы] (рисунок 13.1).

Рисунок 13.1

**Электоральная неустойчивость в европейских
партийных системах, 1948—1977:**

Среднее значение прибыли партий, победивших на выборах

Неудивительно, что Франция является страной с наивысшим средним показателем электоральной неустойчивости, как и то, что послевоенная политическая жизнь в Австрии и Швейцарии характеризуется незначительной подвижностью электората. Те, кто знаком с долгосрочной тенденцией поведения немецких избирателей с 1949 г., не будут удивлены, обнаружив, что средние показатели «прибыли»/«потери» партий в Германии составили приблизительно 10%. С другой стороны, вряд ли можно было ожидать, что страны Северной Европы так сильно разли-

чаются по данному показателю и что по уровню электоральной неустойчивости Дания занимает второе место после Франции среди 13 государств Западной Европы. Другим неожиданным фактом стал диапазон различий между партийными системами европейских стран.

Эти наблюдения могут многое скрыть [от исследователя]. Средний показатель может оказаться нетипичным для диахронной модели, но может, например, отражать результаты одних или нескольких весьма нетипичных выборов. Для того, чтобы иметь возможность сделать определенные выводы относительно электоральной неустойчивости, необходимо предпринять следующий шаг, которым, несомненно, станет изучение дисперсии эмпирических данных относительно соответствующих средних значений по отдельным странам... В Австрии, Швейцарии и Швеции от выборов к выборам распределение голосов между партиями изменялось незначительно. Выделяется другая группа, включающая шесть стран (Великобританию, Финляндию, Бельгию, Ирландию, Италию и Голландию), средний индекс электоральной неустойчивости для которой выше, а дисперсия единообразна.

Одним из наиболее интересных выводов... является тот, что две большие страны, Франция и Германия, и два небольших государства, Дания и Норвегия, обладают схожими статистическими показателями: относительно высокий индекс электоральной неустойчивости сочетается с высокой степенью отклонений от среднего значения.

Объяснить данные выводы достаточно непросто. Огромное количество диахронных моделей электоральной неустойчивости может привести к подобным средним значениям и стандартным отклонениям. Однако... можно обнаружить, по меньшей мере, две группы партийных систем: партийные системы с относительно стабильным распределением голосов избирателей и партийные системы с высоким уровнем изменения индекса электоральной неустойчивости с течением времени.

Необходимо отметить, что [выделение] этих двух групп партийных систем не имеет ничего общего со способами, используемыми студентами, изучающими партийные системы и демократические политические системы, для классификации европейских государств. Данные группы выходят за пределы классификаций Алмонда..., Дюверже и Ньюманна (классификация в зависимости от числа партий), Лейпхарта (центробежная, центростремительная, консоциативная и деполитизированная модели демократии) и Сартори (умеренный и поляризованный плюрализм). Подобное расхождение может не иметь теоретического зна-

чения, однако оно может свидетельствовать о том, что полезность данных классификаций ограничена и даже может уменьшаться с течением времени.

Следующим шагом будет введение временной переменной. Другими словами, мы перейдем от изучения диапазона колебаний к изучению диахронных моделей электоральной неустойчивости. В таблице 13.1 две группы партийных систем классифицированы с использованием периодизации во времени.

Полученные данные позволяют представить модель изменений и стабильности. Группа партийных систем с высоким индексом электоральной неустойчивости и высокими стандартными отклонениями образует две четкие подгруппы: немецкая и французская партийные системы, в которых уровень электоральной неустойчивости со временем значительно понизился, особенно в начале периода, и норвежская и датская партийные системы, в которых наблюдается противоположная тенденция — рост уровня электоральной неустойчивости, особенно в конце изучаемого периода. Однако необходимо отметить, что партийные системы другой группы также образуют две подгруппы: в Австрии, Бельгии, Ирландии и Италии уровень электоральной неустойчивости понижался с течением времени, в то время как в Швейцарии, Великобритании, Финляндии, Швеции и Голландии он увеличивался.

Данный вывод позволяет создать новую типологию европейских партийных систем в зависимости от изменения показателей электоральной неустойчивости с выделением трех или даже четырех различных групп или «семей».

Внеся новое измерение в изучение партийных систем, мы можем продолжить наше исследование. Если партийные системы 13 европейских стран действительно отличаются друг друга по долговременным тенденциям, то следующим шагом... очевидно, является анализ данных для выявления тенденций и статистической

Таблица 13.1

Индекс электоральной подвижности в партийных системах стран Западной Европы в период с 1948 по 1977 г.

Средний показатель совокупных изменений в распределении голосов избирателей по отдельным странам и в различные периоды времени					
Страна	Период			Средний показатель по стране	Количество выборов
	1948—1959	1960—1969	1970—1977		
Швейцария	1,9	3,7	6,4	4	6
Австрия	4,9	3,9	3,1	3,7	8
Великобритания	4,4	5,2	7,9	5,9	8
Финляндия	4,4	6,9	9,1	6,8	8
Швеция	4,8	4,3	6,6	5,2	9
Голландия	6,3	7,9	12,7	9,1	8
Бельгия	7,9	10,3	5,5	7,9	9
Италия	10,3	8	6,8	8,4	6
Ирландия	10,9	6,8	5	7,9	8
Норвегия	3,4	5,2	17,1	8,1	7
Дания	5,5	8,9	18,7	11	12
Германия	15,2	9,5	4,9	9,8	7
Франция	21,8	11,9	10,6	16,8	7
Средний показатель в периоде	7,8	7,3	9,2	8,1	
Количество выборов	36	34	33		103

линейности. Встает вопрос, линейно ли растет или понижается уровень электоральной неустойчивости или же... [существуют] более сложные модели развития, в которых, например, последовательность определенных временных отрезков (десятилетия) выполняет упорядочивающую функцию...

Ряд регрессионных уравнений и коэффициентов корреляции дает очевидный ответ. Партийные системы в европейских странах различаются по уровню электоральной неустойчивости, а также по вектору изменения этого показателя. Относительно стабильная модель, которая вытекает в случае искусственного агрегирования данных по всем странам, нивелируется и вытесняется рядом тенденций, несущих в себе значительные отличия. Полученные данные предполагают создание типологии, включающей три класса, различающихся по темпам изменений, т.е. наклону линии регрессии.

Две небольшие скандинавские страны, Дания и Норвегия, а также... Франция и Германия выделяются на фоне большинства европейских государств с точки зрения модели электоральной неустойчивости. В обоих случаях регрессионный анализ лишь подтверждает выводы, которые можно получить на основе знакомства со средними показателями за исследуемый период: тенденции в этих четырех странах очень хорошо соотносятся с моделью линейной регрессии.

3. Классификация выборов в европейских странах

Из сказанного выше следует, что выборы с высокими и низкими показателями электоральной неустойчивости не случайно рассредоточены во времени и пространстве. Представляется полезным выделить различные типы выборов в европейских странах. С помощью данной операции мы получим не только картину этих событий, часто драматических, но и простые, но в то же время содержательные выводы относительно национальных моделей.

В период с 1948 по 1977 г. были проведены 103 выборные кампании. Они неравномерно распределены относительно среднего по Европе значения электоральной неустойчивости в 8,1%... Это свидетельствует, что распределение носит крайне асимметричный характер: в ходе 64 выборов индекс электоральной неустойчивости оказывался ниже среднего значения, в то время как на 39 выборах он был выше. Некоторые выборы выделяются из-за необычного уровня электоральной неустойчивости. Это отно-

сится к выборам 1973 г. в Дании, в ходе которых число партий увеличилось вдвое; к некоторым выборам во Франции в 50-е годы, а также к выборам 1953 г. в Германии, когда ХДС одержала крупнейшую победу за послевоенный период...

Во-первых, мы можем наблюдать, что в таких странах, как Швейцария, Швеция и Австрия, в послевоенный период не было выборов с высоким уровнем электоральной неустойчивости. Во-вторых, можно заключить, что в некоторых странах, наоборот, ни разу не было выборов с низким уровнем электоральной неустойчивости. Это замечание справедливо не только для Франции, но и для Италии, Бельгии и Голландии. В-третьих, европейские страны значительно различаются по следующему признаку: выборы с высоким уровнем электоральной неустойчивости во многом были типичны для отдельных стран в 50-х годах, в то время как для других они являлись характерным явлением в

70-х годах. Наконец, сравнение по десятилетиям свидетельствует об общеевропейской тенденции к увеличению количества выборов с относительно высоким и уменьшению числа выборов с относительно низким уровнем электоральной неустойчивости. При этом 60-е годы были периодом, для которого было характерно ограниченное число выборов обоих типов...

В 70-х годах было возможно и правомерно утверждать, что «главнейшим приоритетом специалистов в области общественных наук, связанным с послевоенным периодом развития партий и партийных систем, является попытка объяснить отсутствие изменений в далеко не статичное время политической истории»... В свете изложенного выше мы можем и даже должны конкретизировать данное утверждение. В конце 70-х годов, в то время как некоторые системы претерпели определенную трансформацию или же пережили период значительной нестабильности, главным приоритетом является понимание причин стабильности партийных систем. Даже если индекс электоральной неустойчивости и служит всего лишь одним из возможных индикаторов стабильности или изменения, тем не менее он — достаточно важный показатель, обосновывающий подобное утверждение.

Перевод *Д.Ш.Ткачёва*

Е.Ю.МЕЛЕШКИНА*

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Электоральные исследования — одно из наиболее популярных направлений политической науки. В XX в. в этой области было отмечено немало достижений, возникли национальные и интернациональные научные школы и крупные исследовательские центры, сформированы солидные архивы электоральной статистики и результатов социологических опросов. В немалой степени этому способствовала большая практическая значимость результатов электоральных исследований, открывающих широкие возможности для объяснения поведения избирателей и прогнозирования результатов выборов...

Вместе с тем в этой исследовательской области существует ряд серьезных проблем. Одна из них — релевантность и универсальность «классических» объяснительных моделей электорального поведения. Процессы, связанные с переходом к постиндустриальной стадии развития общества, повлекшие за собой серьезные изменения в механизме формирования политических предпочтений избирателей, поставили вопрос о применимости этих моделей в новых общественно-политических

* *Е.Ю.Мелешкина* — зав. Отделом политической науки ИНИОН РАН, доцент МГИМО(У) МИД РФ, автор трудов по электоральной политике и другим аспектам политического процесса. Полный текст публикуемой нами статьи напечатан в: *Зарубежная политология в XX столетии: Сб. науч. тр./ РАН. ИНИОН./ Отв. ред. вып. Ильин М.В. — М., 2001. С. 190—215.*

условиях и стимулировали научный поиск. Крушение тоталитарных режимов в странах Восточной Европы, бывшего СССР также актуализировало проблему универсальности существующих теоретических подходов...

Первой среди «классических» моделей электорального поведения стала социологическая модель. Появление этого подхода относится к началу XX в. и связано с именами А. Зигфрида, П. Лазерсфельда, Б. Берельсона и др. Эта модель базируется на допущении, что в основе поведения избирателей лежит принадлежность к группе... Представители данного подхода объясняли групповые особенности голосования... положением групп в обществе... и влиянием этого положения на связи групп с политическими партиями.

Первые исследования осуществлялись в рамках политической географии, фактическим основателем которой был французский ученый А. Зигфрид. Он предложил аналитическую модель, объясняющую голосование. На основе анализа электоральной статистики за тридцатилетний период ученый сравнил географические, экономические и социокультурные переменные с результатами выборов...

Благодаря развитию социологического подхода... широкое распространение в электоральных исследованиях получили количественные методы. Стали широко использоваться факторный, типологический, иерархический, корреляционный и регрессионный типы анализа на основе электоральной статистики, что позволило выявить воздействие основных социальных расколов на электоральное поведение групп. Были получены интересные результаты относительно географической структуры политических предпочтений...

Вместе с тем еще в первой половине XX в. обнаружилась ограниченность статистических методов исследования, в частности их неспособность выявить особенности индивидуального поведения, его связь с непосредственным контекстом. Противоречия были связаны с тем, что, с одной стороны, исследователи стремились объяснить индивидуальный выбор избирателя, а с другой — располагали лишь совокупными данными.

Для преодоления этих недостатков стали широко применяться социологические опросы, дающие возможность проанализировать анкетную информацию об индивидах, составляющих электоральные общности. Используемые методы конкретно-социологического исследования выявляли индивидуальные корреляции между социальными, культурными и политическими характеристиками избирателей и их поведением.

Настоящий прорыв в электоральных исследованиях был связан с развитием бихевиорального методологического направления, предложившего социально-психологическую интерпретацию поведения избирателей... Это направление возникло в 40-х годах благодаря исследованиям социологов Колумбийского университета под руководством П.Лазерсфельда. Впервые с помощью панельной техники было изучено формирование мнений и поведения избирателей под влиянием президентской избирательной кампании. Тем не менее, методологические посылки исследователей не позволили авторам выйти за рамки социального детерминизма...

«Классическая» работа, раскрывающая положения социологического подхода, — небольшая вступительная статья С.Липсета и С.Роккана к коллективной монографии о партийных системах и партийных пристрастиях избирателей. Она посвящена обоснованию влияния социально-групповых конфликтов на идеологическую и партийную дифференциацию... По мнению авторов, различия между социальными группами обеспечивают потенциальную основу для политических конфликтов, создавая одновременно проблемное пространство политики и социальную базу партий. С.Липсет и С.Роккан выделили несколько таких размежеваний: классовое (между собственниками и рабочими), религиозное и поселенческое, а также... между центром и периферией. На основе проведенного анализа авторы делали вывод о стабильности существующих социально-политических противоречий, выражающихся в конфигурации партийных систем: «Партийные системы 60-х годов отражали с незначительными исключениями ситуацию 20-х годов». Другими словами, исследователи считали, что состояние современной им западной партийной системы в целом мало изменилась со времени ее формирования.

Достаточно долгое время социологический подход существовал в виде более или менее артикулированной методологической позиции, не представляя собой стройной теории голосования. В 80-е годы ряд последователей С.Липсета и С.Роккана предприняли попытку сконструировать более отчетливую модель поведения избирателей. Так, например, появилась «радикальная» модель, сформулированная британским исследователем П.Данливи и его коллегами... в противоположность модели партийной идентификации. Основное допущение... состояло в том, что голосование отражает позицию в социальной иерархии, хотя «субъективные» факторы тоже оказывают некоторое влияние на политические

предпочтения избирателей. В частности, допускалось воздействие СМИ и соревнования партий на восприятие избирателями своего положения в обществе. Например, британские рабочие-домовладельцы могли голосовать за левых или за правых в зависимости от того, как СМИ интерпретируют их групповые интересы. Таким образом, избиратели голосуют под влиянием идеологической интерпретации социальных размежеваний, предлагаемой различными политическими институтами. При этом выбор так или иначе формируется под воздействием «коллективного восприятия» групповых интересов.

Построение модели влияния социальных факторов на голосование с помощью такого достаточно неопределенного словосочетания, как «коллективное восприятие», без учета влияния межличностных контактов, обусловило ее несколько обособленную позицию в рамках социологического подхода.

В отличие от П.Данливи и его коллег, точка зрения представителей другой традиции, зародившейся в Колумбийском университете, основывалась на признании воздействия на поведение избирателей отношений в «малой группе», что сближало это направление с социально-психологическим подходом к электоральному поведению.

Гипотеза о «замерзании» партийной системы, выдвинутая С.Липсетом и С.Рокканом, нашла подтверждение в некоторых исследованиях 60–70-х годов. Например, на основе изучения опыта 22 стран к сходным выводам пришли Р.Роуз и Д.Урвин... Эта и другие работы свидетельствовали о значимости социальных размежеваний, а также о стабильности партийно-политических предпочтений в послевоенное время...

Воздействие социальных факторов на формирование политических предпочтений в индустриальную эпоху стимулировалось и спецификой самих институтов политического представительства. Существование социальных групп и относительная стабильность социальных размежеваний облегчали партиям процесс формирования социальной базы; в то же время партии выступали относительно эффективным инструментом представительства интересов социальных групп на политическом уровне.

С 60–70-х годов в связи с социально-политической трансформацией, вызванной структурным кризисом индустриального общества, помимо активизации новых факторов, объясняющих поведение избирателя, наблюдаются изменение характера и снижение интенсивности влия-

ния на голосование «классических» социальных размежеваний... Кризис индустриального общества повлек за собой распад классических для этого общества социально—классовых групп, усложнение социальной структуры, появление и развитие новых социальных групп, увеличение социальной и географической мобильности. Отмеченные изменения по-разному интерпретируются в научной литературе. Ряд авторов считают, что социально-статусные различия продолжают влиять на голосование, только основа социально-статусной дифференциации изменилась... Исследователи вводят новые критерии социально-статусной принадлежности, такие как уровень образования и обладание информацией, различие между частным и общественным секторами. Как следствие — создаются более сложные модели социальной структуры, отражающие процесс социальной диверсификации, и более сложные модели электорального поведения в рамках социологического подхода...

Вместе с тем проведенные исследования показывают, что даже с учетом развития сложной, мозаичной социальной структуры, социально-групповые факторы в настоящее время оказывают гораздо меньшее влияние на выбор избирателя, чем в период возникновения социологического подхода. Относительно сильные корреляции между партийно-политическими предпочтениями и социальным статусом дает скандинавская партийная система (Норвегия, Дания, Исландия, Швеция), наименьшие корреляции — США, Канада, Япония. Однако во всех странах наблюдается уменьшение значимости этого показателя...

Религиозный фактор также все меньше влияет на электоральное поведение. Социальная модернизация ослабляет религиозные связи. Изменяется стиль жизни, снижается уровень активности верующих, происходит постепенная секуляризация общественной жизни. Несмотря на значительные национальные различия... тенденция снижения влияния этого фактора — общая...

Незначительным оказывается и воздействие других... факторов, таких, как поселенческие особенности, расовая и этническая принадлежность... В целом, согласно результатам сравнительных исследований, их влияние также снижается... Усиливающаяся географическая мобильность, развитие СМИ способствуют распаду локальных сообществ, смягчению противоречия город — село.

Однако сохранение традиционных социальных различий и появление новых проблем в усложненном социальном пространстве (например, таких, как проблема новых бедных, преступность, наркомания и

т.п.) позволяют рассматривать снижение влияния социальных факторов лишь как наиболее общую тенденцию.

Таким образом, социологическая модель продемонстрировала свою применимость для анализа поведения избирателей. Вместе с тем выявилась ограниченность ее объяснительных способностей в современных условиях, во многом связанная с недостаточным вниманием к индивидуальному уровню электорального решения.

Другой «классической» моделью явилась социальнопсихологическая. Ее представители исходили из того, что голосование выступает инструментом демонстрации избирателями... длительного чувства преданности, которое они испытывают к отдельным политическим партиям. Первоначально, с 50-х годов XX в., данный подход, пришедший в политическую науку из социальной психологии, получил развитие среди ученых Мичиганского университета. «Классической» работой, выполненной в этом русле, является монография «Американский избиратель», в которой дается анализ президентских выборов в США 1952 и 1956 гг. Другой, не менее классической, стала книга «Выборы и политический порядок»...

В первой работе формирование электорального выбора описывается как модель «воронки причинности», отражающей процесс накопления факторов, влияющих на голосование: «Представим себе, что ось воронки — это временное измерение. События понимаются таким образом, как если бы они следовали одно за другим в сходящейся последовательности причинных цепей, двигаясь от основания к стержню воронки... Большинство сложных событий в воронке является результатом множества предшествующих причин. В свою очередь, каждое из таких событий влияет на многочисленные последствия, однако фокус нашего внимания сужается по мере того, как мы приближаемся к переменной зависимого поведения. Постепенно мы исключаем те последствия, которые перестают оказывать влияние на политическое действие, поскольку мы вынуждены рассматривать все частичные причины как значимые в каждый отдельный момент... Результатом является эффект конвергенции, схождения в одной точке»...

В самой широкой части «воронки причинности» располагаются социально-экономические условия, которые порождают социально-политические противоречия: экономическая структура, социальная дифференциация, исторические традиции. Эти факторы влияют на структу-

ру партийной системы, но не оказывают непосредственного воздействия на голосование.

Следующий уровень «воронки причинности» демонстрирует влияние социально-экономических факторов на социально-групповую лояльность (например, классовую, региональную и т.п.) и ценностные ориентации.

Наиболее узкое место «воронки», находящееся у ее вершины, — факторы, непосредственно влияющие на голосование. Такими факторами выступают установки (attitudes) по отношению к трем аспектам политического процесса: кандидатам, политическим курсам и групповым «выгодам». Установки... оказывают независимое влияние на электоральной выбор, особенно в краткосрочной перспективе. Тем не менее, в «воронке причинности» показано, что сами они формируются под воздействием ценностных ориентаций и групповой лояльности.

Центральное место в совокупности факторов, представленных в «воронке причинности», занимает партийная идентификация. Именно она опосредует влияние групповой лояльности и ценностных ориентаций на установки.

Партийная идентификация играет роль фильтра, через который пропускается информация, относящаяся к кандидатам, политическими курсам, групповым «выгодам»: «Отношения между партийной идентификацией и конфигурацией установок партийных приверженцев предполагают, что реакция на каждую составляющую национальных политических курсов находится под значительным воздействием длительной партийной привязанности индивида»... Таким образом, ощущая себя условно коммунистом, избиратель склонен верить, что Коммунистическая партия (кандидат, курс) наилучшим образом защищает интересы его социальной группы, по сравнению с другими партиями...

Сторонники социально-психологической модели признают влияние и других, «внешних» факторов, таких как деятельность правительства, мнение друзей, СМИ, ход избирательной кампании, конкретные политические и экономические условия. Однако по сравнению с партийной идентификацией их воздействие на процесс голосования обычно не столь значимо.

Авторы социально-психологического подхода выдвинули ряд утверждений, объясняющих механизмы электорального выбора и его изменений.

Во-первых, большинству избирателей свойственно ощущение близости к какой-либо партии (партийная идентификация). Этот показатель является независимым по отношению к голосованию... Функция партийной идентификации — помочь избирателю справиться с политической информацией и выяснить, за какую партию голосовать.

Во-вторых, главным агентом партийной идентификации является семья, где формируется партийная лояльность...

В-третьих, партийная идентификация может меняться под воздействием наиболее важных общественно-политических проблем (например, Гражданская война в США, Великая депрессия), что, конечно, отражается на результатах выборов...

В-четвертых, исключая некоторые периоды, когда общественнополитические проблемы существенно влияют на голосование, изменения в партийной идентификации являются сугубо индивидуальными; чаще всего они отражают «отсутствие или слабость партийных привязанностей родителей, расхождение семейных или собственных привязанностей с предпочтениями взрослой референтной группы..., интенсивные экономические, социальные и политические изменения»...

На основе этого положения одним из представителей мичиганской школы, Ф.Конвёсом, была выдвинута концепция «нормального голосования», которая в дальнейшем послужила аналитическим инструментом социально-психологического подхода. Согласно его концепции, партийная идентификация избирателей отличается от результатов голосования под влиянием краткосрочных факторов — с течением времени она остается достаточно стабильной. В том случае, если краткосрочные факторы не оказывают значительного воздействия на электоральный процесс..., избиратели голосуют в зависимости от своей партийной идентификации. Воздействие краткосрочных факторов связано с интенсивностью партийной идентификации. Именно учет этого фактора наряду с ожидаемой явкой на выборы различного уровня позволяет с большей или меньшей степенью точности предсказывать результаты голосования.

Согласно концепции «нормального голосования», все партийные приверженцы делятся на две группы: «твердых» и «умеренных». Это деление отражает воздействие интенсивности партийной привязанности на устойчивость электорального поведения: чем сильнее человек идентифицирует себя с определенной партией, тем устойчивее он отдает ей свой голос, тем активнее он участвует в выборах, тем меньше влияют на его позицию краткосрочные факторы.

Сравнительные эмпирические исследования свидетельствовали о том, что социально-психологический подход в целом работает... Эта модель успешно использовалась при изучении поведения избирателей Западной Европы и США, а термин «партийная идентификация» стал одним из самых распространенных в исследованиях электорального поведения. Особое распространение данный подход получил в странах с двухпартийной системой (США и Великобритания)...

Наиболее распространенным методом сбора эмпирической информации, используемым представителями социально-психологического подхода, стали панельные социологические опросы, которые позволяли на большом количественном и временном массиве данных делать статистически значимые выводы относительно взаимодействия факторов голосования и проследивать его динамику. Применение панельной техники явилось толчком для развития электоральных исследований. Оно способствовало накоплению систематической информации, отобранной по универсальным критериям и пригодной для выявления временной динамики.

Вместе с тем постепенно выявились серьезные проблемы, связанные с особенностями методологических установок и исследовательского аппарата этого подхода.

Помимо техники выявления в ходе социологических исследований партийной идентификации и ее влияния на голосование, под вопросом оказались и некоторые теоретические положения. Споры разгорелись, в частности, о том, может ли избиратель идентифицировать себя сразу с несколькими партиями (или не идентифицировать себя ни с какими партиями) и как он поступает в этом случае. Как работает партийная идентификация в странах с мультипартийными системами, где существует множество социально-политических размежеваний (левый — правый, религиозный — светский, либеральный — авторитарный и т.д.)?

В условиях мультипартийной системы влияние партийной идентификации на электоральный выбор становится еще более неоднозначным. Если в такой стране избиратель идентифицирует себя с партией А, то это вовсе не означает, что можно судить о том, что он думает о партиях В, С, D. Таким образом, ...применение данной модели в этих условиях еще более проблематично, чем в странах с двухпартийной моделью...

Спорным (или, точнее, недостаточно проясненным в рамках социально-психологической концепции) оказался вопрос о негативной партийной идентификации и ее влиянии на электоральный выбор. Эта про-

блема особенно актуальна для посткоммунистических стран, где большинству избирателей присуща негативная партийная идентификация. Однако и в странах стабильной демократии среди партийных приверженцев выделяется заметная группа лиц с такой идентификацией...

Самой сложной задачей оказалось объяснить... те изменения, которые происходят в последние десятилетия в поведении избирателей и конфигурации политических сил. Речь идет, в первую очередь, об ослаблении партийной идентификации и снижении идеологического противостояния, об усилении влияния краткосрочных факторов, таких как имидж кандидата, деятельность СМИ, ведение избирательной кампании и др.

Современные социальные изменения, а также изменения структуры ценностных ориентаций, индивидуализация социального протеста, интеграция традиционных партий в систему власти и... их олигархизация, невысокие адаптивные способности большинства политических партий к новым потребностям способствовали ослаблению связей этих организаций с социальной базой и индивидуализации политического поведения. Это выразилось не только в падении доверия избирателей к партиям и в снижении уровня партийного активизма, но и в ослаблении воздействия партийной идентификации на результаты голосования, а также в увеличении количества неустойчивых избирателей...

Еще одной тенденцией эволюции электорального поведения являются рационализация формирования политических ориентаций и появление категории «нового избирателя», составляющего около 10–15% электората. Эта группа избирателей характеризуется, в первую очередь, мобильностью, нестабильностью политических предпочтений, несмотря на регулярное участие в выборах. Ее представители, как правило, являются выходцами из наиболее образованных средних слоев, из «социологического центра». Они молоды, хорошо информированы, скептически настроены в отношении идеологий, положительно оценивают политику «открытости» правительственных коалиций. Их отношение к электоральным процедурам определяется позицией потребителя.

Появление этой группы избирателей отражает рационализацию электорального выбора. Этот процесс проявляется также в увеличении влияния на электоральный выбор позиции граждан по отдельным проблемам... Если раньше формирование позиции избирателей по отдельным проблемам было опосредовано принадлежностью к социальной группе или политической партии, групповым восприятием, то теперь, как

отмечают некоторые исследователи, в связи с происходящей индивидуализацией политического сознания оно в равной степени может осуществляться напрямую...

Параллельно со снижением влияния «классических» социальных размежеваний и фактора партийной идентификации возникают новые основы формирования политических предпочтений, связанные с постиндустриальной стадией развития общества и распространением «постматериальной» системы ценностей... Проблемы качества жизни, защиты окружающей среды, прав женщин привлекают все большее количество избирателей. Ориентация на «новые» ценности, новые проблемы, в первую очередь, характерна для представителей социальной группы, которая в наименьшей степени вовлечена в традиционную систему социальной дифференциации: новый средний класс, наиболее образованный, молодой, нерелигиозный...

Реагируя на отмеченные противоречия, сторонники теории партийной идентификации предложили ряд усовершенствований, которые были призваны снять остроту методологических и методических проблем. В частности, было предложено усложнить градацию партийных приверженцев с учетом мотивации и особенностей поведения... В целом, однако, предложенные изменения не решали полностью... проблем.

Как можно объяснить современные тенденции в электоральном поведении? Почему одни размежевания остаются политически значимыми, а другие нет? Почему на одних выборах актуален один набор проблем, а на других — другой? В качестве инструмента, призванного ответить на эти и другие вопросы, в электоральных исследованиях с 50-х годов стала использоваться теория рационального выбора, получившая широкое распространение в 70—90-х годах.

Сторонники этой теории основное внимание уделяют процессу индивидуального выбора. При этом, в отличие от социально-психологической модели и особенно социологического подхода, большое значение придается не внешним обстоятельствам, воздействующим на индивида (социальное окружение, влияние семьи и т.п.), а «внутреннему» поведению людей: потребностям, мотивам и т.д. Таким образом, индивид предстает активным самостоятельно действующим субъектом политического процесса. При этом считается, что его поведение универсально, т.е. подчинено общим закономерностям и может быть описано с помощью некоторых универсальных характеристик.

Представители теории «рационального выбора» выделяют две такие характеристики. Во-первых, индивид эгоистичен, т.е. стремится к

достижению собственных целей. Даже если он демонстрирует альтруистическое поведение, это означает лишь, что такой образ действий наиболее выгоден для него в данных обстоятельствах. Во-вторых, индивид рационален, т.е. он сопоставляет получаемый им результат и затраты, стараясь максимизировать свою выгоду и минимизировать затраты.

Фундаментальное положение рационально-инструментальной модели поведения избирателей, выдвинутое в «классической работе» по теории рационального выбора Э.Даунса «Экономическая теория демократии»..., состоит в том, что каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем любая другая. В свою очередь, партии или кандидаты руководствуются желанием получить как можно больше голосов избирателей. Этим и определяются характер предвыборного соревнования и позиции партий (или кандидатов) по отдельным проблемам.

В рамках теории рационального выбора была создана пространственная модель голосования, описывающая электоральное соревнование как совокупность взаимодействий основных акторов (партий, кандидатов, избирателей). Согласно этой модели, избиратель голосует за кандидата, наиболее близкого к нему в пространстве различных факторов, относящихся к поведению избирателя. Среди этих факторов могут быть отдельные проблемы, освещаемые в ходе предвыборной кампании, идеологические позиции партий и избирателей, качества кандидата и т.д.

Проблемный подход к поведению избирателей был артикулирован в модели «избирателя как потребителя» Х.Химмельвейт... В ней делается акцент на процессе индивидуального и инструментального выбора избирателя в зависимости от набора конкретных существующих проблем и предложений политических сил (по сути теория Химмельвейт является теорией «перспективного голосования»). То есть избиратель соотносит свои потребности с предложением на политическом рынке и выбирает ту партию (того кандидата), которая способна, по его мнению, наилучшим образом помочь в решении актуальных для него вопросов...

Вместе с тем, как верно отмечает Дж.Сартори, «проблемное голосование открывает путь к «позиционному» голосованию, как только мы переходим от слабого к сильному идеологическому фокусу, т.е. от прагматики к идеологической политике»... Этот факт признается рядом сторонников теории рационального выбора..., считающих, что «идеологическое голосование» формируется не только под влиянием идеологической позиции партии или кандидата, но и идеологической позиции избирате-

ля. Выбор между партиями и кандидатами осуществляется путем их сравнения с идеологической позицией избирателя. Граждане выбирают ту партию, которая в наибольшей степени отвечает их интересам, артикулированным на идеологическом уровне.

Механизм этого сравнения — одна из наиболее дискутируемых тем электоральных исследований... Несмотря на то, что «идеологическое голосование» может формироваться в условиях множества разнообразных идеологических расколов, для его характеристики наиболее часто употребляется ось «левый — правый»...

Одна из проблем, встающих при использовании парадигмы рационального избирателя, — проблема рациональности. Известно, что не все люди способны принимать наиболее выгодные для них решения. Кроме того, принятие такого решения связано с обладанием значительной информацией, а большинство людей обладают лишь ее ограниченным количеством. Они, например, могут не знать позицию партии или кандидата по различным вопросам, не иметь собственной артикулированной позиции по многим проблемам. Получение дополнительной информации связано с повышением затрат, а это противоречит принципу максимизации пользы при минимизации затрат. В целях разрешения этого противоречия сторонниками теории рационального выбора был выдвинут тезис об ограниченной рациональности, предполагающий оценку рациональности не результата выбора, а самого процесса принятия решения.

Кроме того, как считают представители данной теории, существуют инструменты, облегчающие избирателю выбор наиболее близких ему кандидата или партии. Таким инструментом может являться информация о качествах кандидата, получение и оценка которой проще, чем информации о позициях авторов по отдельным проблемам... Однако и в этом случае получение подобной информации может быть сопряжено со значительными затратами.

Другим инструментом являются идеологические и партийные лейблы, отношение к которым выступает в данной модели не показателем партийной идентификации, а лишь средством оценки позиции партии или кандидата... Таким образом, если избиратель узнает, что кандидат является, условно говоря, коммунистом, то он может предположить, какую позицию данный претендент занимает по ряду волнующих его вопросов. В частности, Д.Фукс и Х.-Д.Клингеманн рассматривают схему «левые — правые» «как механизм упрощения, который, прежде всего,

служит обеспечению ориентации индивидов и ...коммуникации в политической системе»...

Еще один способ решения проблем рациональности предлагает теория «ретроспективного голосования» М.Фиорины..., учитывающая фактор «инкубентства». Несколько упрощая, ее основные идеи можно свести к следующим. Обычные граждане не вникают в детали внутренней и внешней политики. Реально они располагают лишь одним видом информации — они знают, как им жилось при данной администрации. Иными словами, существует прямая связь между положением дел, например, в экономике, и результатами выборов, и при голосовании избиратель исходит из того, что именно правительство несет ответственность за экономическое состояние страны. Таким образом, избиратель руководствуется принципом: если жилось хорошо — голосуй за действующее правительство (действующего президента, представителей партии власти), если плохо — за оппозицию.

В целом представители теории рационального выбора выделяют две оси голосования: «эгоцентричное — социотропное голосование» и «ретроспективное — перспективное голосование». При эгоцентричном голосовании избиратель основывает свой выбор на оценке собственного экономического положения, при социотропном он смотрит на экономическое положение страны и результаты функционирования экономики в целом. При выборе первого основания — ретроспективного — избирателю важнее оценка прошлой деятельности администрации, при выборе перспективного основания важны ожидания по поводу того, насколько успешно в будущем станет работать выбираемый орган власти.

Создание теории «ретроспективного голосования» способствовало развитию концепции «экономического голосования», авторы которой выявляют зависимость электорального выбора от состояния экономики. Данная тематика привлекла внимание не только политологов, но и ученых-экономистов. В настоящее время это направление является одним из самых быстро развивающихся в изучении электорального поведения...

В целом сторонники «экономического голосования» приходят к некоторым выводам, представляющим значительный методологический интерес:

- экономические сдвиги объясняют примерно треть изменений в электоральном поведении;

– избиратель реагирует на небольшое количество макроэкономических показателей (чаще всего – на уровень безработицы и инфляции);

– избиратели «близоруки», они склонны жить только сегодняшним днем;

– избиратель в большей степени реагирует на прошлое (ретроспективное поведение), чем ожидает каких-либо событий в будущем, однако эта разница невелика;

– социотропное голосование проявляется сильнее, чем эгоцентричное; между тем есть некоторые национальные исключения;

– избиратели в большей степени реагируют на негативные изменения, чем на позитивные.

Сторонники концепции «экономического голосования» сталкиваются с рядом трудностей, существенно осложняющих исследовательский процесс. Среди них особенно важны проблема выявления макроэкономических представлений избирателей и нестабильность основных показателей...

Теория рационального выбора способствовала развитию формального моделирования. Для анализа электорального соревнования стали с успехом применяться как объяснительные, так и прогностические математические модели, основанные на учете одного или нескольких факторов...

Теория рационального выбора как объяснительная модель голосования продемонстрировала неплохие результаты. В то же время практика ее применения выявила и недостатки, существенно сужающие возможности ее использования как единственной универсальной модели.. Среди этих недостатков – преувеличение рациональности индивида, недостаточное внимание к экспрессивным мотивам голосования, институциональному политическому дизайну, национальным политико-культурным традициям и др.

В целом «классические» модели электорального поведения отличаются рядом общих черт.

Во-первых, каждая из теорий делает акцент на одном факторе электорального поведения, считая его основным (социологическая модель – принадлежность к социальной группе, социально-психологическая модель – механизм групповой идентификации, теория рационального выбора – рациональность поведения индивида). Влияние

остальных факторов не отрицается, но в силу их второстепенности подробно не изучается.

Во-вторых, большинство представителей «классических» теорий в качестве основной задачи видят выявление степени поддержки той или иной партии на выборах, а также причин такой поддержки; голосование за партию рассматривается как поддержка партийной позиции.

В-третьих, основное внимание уделяется избирателям, участвующим в выборах и проявляющим интерес к политике; поведение остальной части электората изучается слабо.

В-четвертых, недостаточное исследуется влияние на голосование правил игры, в частности институционального дизайна.

В-пятых, выводы представителей «классических» теорий подтверждались в основном материалами национальных исследований. Несмотря на количественный рост кросснациональных работ, в целом они не решают задачи адекватного тестирования той или иной модели электорального поведения: большинство из них носит частный характер, в них уделяется внимание отдельным специфическим аспектам, например, влиянию «постматериалистических» расколов на выбор избирателя.

Один из способов преодоления этих недостатков — создание интегративных моделей поведения избирателей.

Некоторые исследователи при их конструировании исходят из необходимости инкорпорирования нескольких равнозначных (или близких по значимости) факторов. В частности, такую модель, созданную по примеру «воронки причинности» и объясняющую партийные предпочтения избирателей, предлагает Э.Оппенхьюйс. В качестве независимых показателей он выделяет такие долгосрочные факторы, как принадлежность к социальной или религиозной группе, ориентацию на осях «левый — правый», а также «материализм — постматериализм». Идеологические позиции избирателей рассматриваются как независимые переменные, несмотря на то, что влияние на них социальных факторов не отрицается. Эти позиции, в свою очередь, определяют краткосрочные факторы, которые оказывают непосредственное воздействие на партийные предпочтения: отношение избирателей к различным проблемам и оценку деятельности правительства. Еще одним фактором является размер партии, выступающий в качестве независимой переменной. Таким образом, непосредственно на выбор избирателя оказывают влияние следующие переменные: социальные и религиозные размежевания, позиции избирателей по отдельным проблемам, оценка деятельности правительства и раз-

мер партии. По мнению автора модели, «многофакторный анализ... ясно демонстрирует возможность интеграции различных факторов, выделенных в рамках разных теоретических традиций, в единой модели, объясняющей партийные предпочтения во всех странах Европейского сообщества... Такая интегральная модель позволяет лучше понять партийные предпочтения, так как объяснительная возможность многофакторного анализа значительно выше... анализа с использованием одного фактора».

С этими доводами автора невозможно не согласиться. Проблема, однако, заключается в отборе факторов (в частности, вызывает сомнение целесообразность игнорирования отдельных показателей, например оценки кандидатов), а также в их последовательности при конструировании «воронки»...

Другим способом преодоления недостатков является учет политических условий (институционального дизайна, особенностей разделения властей, национальных традиций и т. п.)... Например, Ф.Паппи обосновывает тезис о преобладании инструментальных или экспрессивных мотивов в зависимости от типа партийно-политической системы: «В многопартийных системах с коалиционными правительствами избиратели вынуждены преодолевать даже больше препятствий, чем в двухпартийных системах. Хотя, как правило, приходится все-таки определяться, какую партию поддержать, избиратели заинтересованы и в будущей коалиции. Когда партии не объявляют до выборов о своих коалиционных предпочтениях или когда исход выборов не ясен, невозможно сформулировать рациональную стратегию создания конкретного коалиционного правительства. В такой ситуации выработка решения избирателем сводится к составлению его основных предпочтений... В целом можно ожидать, что для многопартийных систем экспрессивные соображения более характерны, чем для двухпартийных систем, так как сложность ситуации принятия решения не способствует инструментальному голосованию. Партии, скорее отстаивающие те или иные абсолютные ценности, а не прагматические цели сиюминутной политической выгоды, оказываются в этом случае в лучших условиях, чем в мажоритарных демократиях сменяющимися правительствами»...

Еще один способ преодоления недостатков «классических» моделей — ...исследование поведения неактивных избирателей, а также проведение микроуровневого анализа, позволяющего детально изучить механизм электорального выбора. Как отмечает один из сторонников этого

подхода, «для конструирования релевантной группы необходимо сначала взглянуть на индивидуальные случаи»...

Каждый из предложенных способов решает имеющиеся проблемы лишь частично. Нам представляется, что перспективным направлением методологических поисков является дальнейший синтез подходов, а также конструирование наиболее общих многофакторных моделей с универсальными показателями. Плоды подобных поисков способствовали бы не только продвижению вперед по пути создания релевантных исследовательских инструментов для изучения электорального поведения избирателей стран развитой демократии, но и помогли бы решить задачу создания моделей, применимых в условиях посткоммунистических обществ.

III. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

П.МЕРЛО*

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПОДГОТОВКИ: «РАВНОЕ ИГРОВОЕ ПОЛЕ» И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ

В статье рассматриваются некоторые предпосылки проведения действительно свободных и честных выборов, в первую очередь те, которые касаются периода избирательной кампании. В ней затрагиваются следующие вопросы: использование государственных ресурсов; освещение в средствах массовой информации и доступ к ним; помехи в проведении кампании; кодексы поведения партий; межпартийные контактные комиссии; механизмы рассмотрения жалоб и разрешения споров, а также ряд проблем, возникающих в период подготовки к избирательной кампании. Основной тезис статьи заключается в том, что свободные и справедливые выборы требуют «равного игрового поля», иными словами, что в ходе предвыборной кампании политическим конкурентам должны быть предоставлены равные возможности...

* *Патрик Мерло* — признанный в профессиональных кругах политологов специалист в области электронных процессов и систем, старший советник Национального демократического института. Публикуется сокращенный вариант статьи из журнала «Полис» (1995, № 4).

1. Заблаговременное выравнивание «игрового поля»

...Выборы — это важнейшая часть политического процесса и должны рассматриваться в общем контексте того, как в стране уважают и защищают гражданские и политические права. Поэтому для проведения честных демократических выборов крайне важно, чтобы еще до развертывания избирательной кампании был осуществлен ряд процедур.

А. Регистрация политических партий. Признание политических партий как законных образований, имеющих право стремиться к достижению правительственной власти посредством процесса выборов, — основа плюралистической демократии. В создании такого рода партий находит отражение право каждого человека участвовать в управлении своей страной, непосредственно или через свободно избранных представителей, а также право на свободное выражение убеждений и на объединение. Политические партии являют собой то практическое средство, которое позволяет гражданам принимать участие в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии своей страны, и потому играют важнейшую роль в развитии гражданского общества.

Необходимые условия для юридического признания партий могут быть оговорены в конституции. В этом случае они, как правило, формулируются в самой общей форме. Однако зафиксированы ли общие условия юридического признания политических партий конституционно или нет, конкретные детали регистрации партий и их юридического признания практически всегда устанавливаются специальными законами. Обычно в законах о партиях используется один из двух основных подходов:

1) подход, основанный на принципе минимально необходимых условий, — в этом случае для получения юридического признания партии достаточно предоставить информацию о своем названии, эмблеме, должностных лицах, уставе и иногда краткий список членов;

2) более жесткий подход, при котором, помимо указанных выше минимальных условий, требуются дополнительные подтверждения того, что партия располагает значительным числом членов и/или сторонников (к примеру, определенное число подписей или соответствующие результаты опроса общественного мнения), в ряде случаев оговаривается минимальный уровень представленности партии на территории страны;

условием регистрации может также быть предоставление программы партии или внесение значительного регистрационного вклада...

В законе о политических партиях могут быть определены допустимые направления партийной деятельности... Законом о политических партиях могут также быть запрещены определенные виды действий, в частности, запугивание или применение насилия, покупка голосов избирателей, словесные нападки на личные качества оппонентов или другие формы использования негативных методов ведения кампании. Кроме того, в законе могут оговариваться правила и механизмы обеспечения партийной дисциплины, основы финансовой деятельности партий, а также содержаться требования демократичности их внутренней организации.

Б. Определение границ избирательных округов. Нарезка избирательных округов важна как при пропорциональной, так и при мажоритарной системе. При пропорциональной системе действует следующая закономерность: чем избирательный округ больше, тем полнее реализуется принцип пропорциональности; чем он меньше, тем ближе система к мажоритарной. Будут ли избирательные округа одно- или многомандатными, за одного или за нескольких депутатов сможет голосовать каждый избиратель, либо будет использована кумулятивная система выборов, будет ли определен порог (минимальный процент голосов), который необходимо преодолеть для получения мест в парламенте, — избранный вариант ответа на эти вопросы окажет серьезное воздействие на региональные, этнические и другие малые партии, а также на независимых кандидатов, отвлечет их от участия в выборах или, напротив, стимулирует...

В. Регистрация избирателей. Процедура регистрации избирателей также имеет свои проблемы. Прежде всего, следует решить, составлять ли списки избирателей и использовать ли при этом компьютерную технику. Не менее важным является и решение вопроса о том, что должно быть положено в основу списков избирателей — какие-то уже имеющиеся данные (например, общегосударственные списки граждан), или же следует провести своего рода перепись, или же потенциальные избиратели сами должны предпринять какие-то шаги, чтобы зафиксировать свой статус.

При проведении выборов точность и полнота списков избирателей, а также качество идентификационных карточек голосующих могут определить очень многое.

Именно от указанных факторов зависит, не получают ли какие-то индивиды возможность проголосовать несколько раз и не лишаются ли другие своего права голоса...

Г. *Регистрация кандидатов и партий для участия в выборах.* Вопрос о том, на каких условиях кандидаты и партии должны допускаться до участия в выборах, не имеет однозначного решения. В одних случаях регистрация претендентов происходит автоматически, на основе их предшествующей деятельности. В других — требуется собрать определенное число подписей, при этом может быть предусмотрен некий минимальный уровень географической представленности. В третьих — кандидатам и партиям необходимо внести какой-то регистрационный взнос или залог, предоставить список активистов и уполномоченных, а также иную информацию. Согласно международным нормам, в основу регистрации претендентов должны быть положены разумные требования, касающиеся возраста, гражданства, проживания в зоне юрисдикции органа, в который идет баллотировка, физической и психической полноценности и отсутствия судимостей по уголовным делам (как правило, речь идет о тяжких преступлениях). Условия признания правомочности претендентов имеют решающее значение в избирательной борьбе, и возможность манипуляций в этой области требует особо внимательного к ней отношения.

Д. *Недопустимость дискриминации.* О каком бы из описанных выше аспектов подготовки к избирательной кампании ни шла речь..., основным критерием справедливости в их осуществлении является соблюдение принципа недопустимости дискриминации. Если партиям будут отказывать в регистрации, если при нарезке избирательных округов и регистрации избирателей будет иметь место дискриминация... доверие к электоральному процессу будет подорвано.

2. Справедливость в проведении избирательной кампании как фактор, определяющий степень свободы и честности выборов

Ситуация, когда подлинность выборов ставится под сомнение в связи с событиями, происходившими в день выборов, или с прямым мошенничеством, складывается относительно редко...

Гораздо чаще сомнения в честности выборов обусловлены нарушениями справедливости в ходе избирательной кампании. Если использовать расхожую метафору, вопрос, который обычно ставится, звучит следующим образом: было ли обеспечено равное игровое поле для всех политических конкурентов. Понятие «равное игровое поле» включает в себя целый набор компонентов. Речь, в первую очередь, идет о степени равенства политических конкурентов по таким параметрам, как финансирование избирательной кампании, освещение в средствах массовой информации и доступ к ним, материальные ресурсы. Кроме того, имеется в виду наличие соответствующих избирательных законов и правил и их проведение в жизнь.

А. Адекватность ресурсов. Для проведения свободных и честных выборов организаторам электорального процесса и политическим конкурентам требуются соответствующие ресурсы. Если у администрации нет возможности подготовить штат служащих, отпечатать бюллетени для голосования, если ей не на что издать предвыборные материалы, провести честные выборы крайне сложно, а то и невозможно. То же самое относится и к участникам предвыборной борьбы.

Не исключено, что наиболее ценным из всех ресурсов является время. Запас времени необходим как администрации..., так и политическим конкурентам... В странах, где демократия еще находится в процессе становления, неожиданное объявление выборов и краткость периода, отведенного на избирательную кампанию, могут сделать честное электоральное соперничество невозможным. Слишком же частое проведение выборов быстро истощит имеющиеся ресурсы и породит апатию у избирателей. И то, и другое подорвет легитимность последующих выборов.

Серьезные проблемы возникают в том случае, когда неравенство ресурсов, которыми располагают политические конкуренты, достигает значительной степени, особенно если это неравенство оказывается в пользу партий, находящихся в данный момент у власти. Конечно, дос-

тичь абсолютного равенства ресурсов всех политических конкурентов практически невозможно. Для того, чтобы электоральное соперничество было честным, необходимо справедливое распределение ресурсов... Добиться этого можно несколькими путями:

- полным государственным финансированием всех зарегистрированных участников электоральной борьбы при запрете всех других форм финансирования;

- обеспечив частичное государственное финансирование и разрешив политическим конкурентам заниматься дополнительным сбором средств;

- выравнивая — возможно, до заранее установленного предела — средства, собранные политическими конкурентами для финансирования избирательной кампании, с помощью средств из государственного фонда;

- наделив политических конкурентов государственными средствами по одному из описанных выше сценариев, с тем, однако, условием, что выданные средства будут востребованы назад, если число голосов, полученных кандидатом или партией, окажется ниже определенного уровня;

- разрешив политическим конкурентам, там, где есть такая возможность, финансировать свои избирательные кампании полностью за счет средств, предоставленных частными лицами.

Кроме того, серьезного рассмотрения заслуживают проблема ограничения взносов на проведение кампании и/или избирательных расходов, равно как и вопрос о субсидировании «натурой» (к примеру, налоговые льготы политическим конкурентам и/или жертвователям, почтовые скидки, бесплатное — или со скидкой — эфирное время, а также информация). Требование своевременного и полного обнародования сведений о взносах и расходах может значительно укрепить общественное доверие к электоральному процессу. Следует также внимательно подойти к решению все еще спорного вопроса о том, допускать или нет финансирование политических конкурентов различного рода корпорациями или организациями типа профсоюзов, а также иностранными гражданами.

Б. Использование государственных средств для приобретения преимуществ на выборах. Государственные ресурсы принадлежат всем гражданам данной страны и потому не должны использоваться для создания особых условий кому-то из политических конкурентов (будь то кандидат или партия). Однако политические конкуренты, как кандида-

ты, так и партии, которые к моменту проведения выборов находятся у власти, имеют возможность воспользоваться своим доступом к таким ресурсам с тем, чтобы добиться преимуществ в ведении электоральной борьбы. Это может принимать следующие формы:

- использование государственных служащих в их рабочее время для организации собственной кампании;

- использование в интересах предвыборной борьбы своего положения как члена правительственной команды для привлечения внимания прессы;

- использование государственных средств, телефонов, множительной техники, транспорта и другого оборудования для ведения собственной кампании;

- использование государственных программ, направленных на организацию общественных работ, создание рабочих мест или расширение социальной помощи для получения преимуществ на выборах.

Избирательный закон, равно как и этические нормы правительственной деятельности, должен учитывать возможность такого рода практики и запрещать ее. Кроме того, следует выработать соответствующие механизмы, которые бы обеспечивали действенность данного запрета....

В. Освещение в средствах массовой информации и доступ к ним. Честное и всеобъемлющее информирование общественности о всех конкурирующих позициях — непереносимое условие демократии, ибо только в этом случае народ может сделать осознанный выбор. В связи с этим решающее значение приобретает способность политических конкурентов, особенно тех, кто в данный момент не находится у власти, пользоваться средствами массовой информации. Не может быть содержательного и энергичного спора по основополагающим проблемам, стоящим перед страной, если отсутствует механизм выражения взглядов. Такой механизм во многом обеспечивается средствами массовой информации...

1. Доступ политических конкурентов к средствам массовой информации. Проблема доступа политических конкурентов к средствам массовой информации, будь то оплачиваемая политическая реклама или гарантированный государством бесплатный доступ, включает в себя целый ряд важнейших составляющих, в том числе:

- вопрос о характере доступа...;
- вопрос об объеме предоставляемого времени...;
- вопрос о времени проведения программ, отведенных участникам избирательной кампании...;

— вопрос о финансировании минимально необходимого для содержательного заявления времени..;

— вопрос о критериях предоставления времени...

2. Освещение в информационных программах и сводках новостей.

Чтобы добиться «равного игрового поля» для всех политических конкурентов, необходимо обеспечить адекватное освещение их деятельности в информационных программах и сводках новостей. Эта задача еще сложнее, чем та, о которой говорилось выше. При ее решении могут встать следующие проблемы:

— несоразмерность освещения, обеспечивающая преимущества некоторым из участников избирательной борьбы..;

— неспособность провести различие между требующей освещения средствами массовой информации правительственной деятельностью и избирательной кампанией, что дает преимущества претендентам, занимающим государственные посты;

— манипулирование подачей материала в интересах определенных политических сил..;

— подтасовывание при проведении специальных информационных программ, таких как теле- и радиодebаты и дискуссии кандидатов;

— освещение результатов опросов общественного мнения и электоральных прогнозов таким образом, чтобы завысить или несправедливо занизить шансы одного из политических конкурентов.

3. Механизмы выработки и проведения в жизнь политики по радио- и телевидению в ходе избирательной кампании.

Важным критерием в оценке роли прессы с точки зрения реализации принципа «равного игрового поля» для электоральной борьбы является то, выработаны или нет основная политическая линия и механизмы, которые бы обеспечивали справедливое освещение в средствах массовой информации деятельности и взглядов политических конкурентов. Важно также определить, есть ли механизмы рассмотрения и удовлетворения жалоб по поводу освещения хода избирательной кампании средствами массовой информации, в том числе:

— правительственные механизмы (парламентские и избирательные комиссии, суды);

— механизмы внутри журналистского корпуса (неофициальные кодексы поведения средств массовой информации и/или комитеты по этике журналистских ассоциаций);

— контроль за деятельностью средств массовой информации со стороны гражданских и других организаций.

Кроме того, важно оценить, имеются ли эффективные пути исправления тех нарушений, которые могут быть допущены средствами массовой информации с точки зрения принципа «равного игрового поля». В этом отношении важную роль могут сыграть право на опровержение и на ответ, а также право требовать предоставления дополнительного времени для уравнивания диспропорций в освещении в пользу других участников предвыборной борьбы.

Г. Помехи в проведении кампании. Избирательная кампания, несмотря на достаточную временную протяженность и предоставление всем участникам справедливой доли ресурсов, все равно не окажется ни свободной, ни честной в том случае, если политическим конкурентам не будут обеспечены условия для свободного и решительного ее проведения. Здесь может сыграть свою роль целый ряд факторов, каждый из которых непосредственно связан с основополагающими правами и свободами, в том числе:

- запугивание и насилие по отношению к кандидатам, активистам и/или будущим избирателям;
- неумение разумно определять время и место проведения мирных политических собраний;
- неспособность гарантировать свободу передвижения в целях распространения предвыборной литературы и завязывания личных контактов;
- неспособность защитить свободу выражения взглядов по политическим вопросам;
- беспомощность при осуществлении мер против нарушения основополагающих прав во время избирательной кампании.

Важно определить, насколько компетентным является контроль органов, руководящих проведением выборов, и/или полиции и прокуратуры за соблюдением необходимых условий ведения избирательной борьбы и насколько эффективны их действия, направленные против возможных нарушений. Все это имеет прямое отношение к обеспечению равенства перед законом и равной защиты со стороны закона для всех политических конкурентов.

3. Кодексы поведения партий, межпартийные контактные комитеты, разрешение споров и конфликтов

А. Партийные кодексы поведения. Важную роль в обеспечении честной избирательной борьбы могут сыграть неофициальные кодексы поведения партий. Однако, чтобы быть действенными, такие кодексы должны стать результатом тщательных консультаций между партиями, как теми из них, которые принимают участие в выборах, так и теми, которые не выставили своих кандидатов. Кодексы, механически заимствованные из опыта других стран, вряд ли окажут позитивное воздействие на поведение партий во время выборов. Серьезную помощь в организации консультаций между партиями, направленных на принятие кодексов поведения путем взаимных согласований, могут оказать органы, осуществляющие руководство выборами, а также гражданские организации.

Кодексы поведения партий могут включать в себя такие положения, как: невмешательство в предвыборные действия политических конкурентов; укрепление партийной дисциплины для предотвращения попыток использования угроз и насилия; уважение прав избирателей и соперников; отказ от негативных методов ведения кампании и т.п. В них также могут быть зафиксированы требования позитивного плана, например, необходимость делать упор на тайность голосования в ходе предвыборной пропаганды и признание результатов несфальсифицированного избирательного процесса, даже если партия потерпела неудачу.

Б. Межпартийные контактные комитеты. Органы, руководящие проведением выборов, могут учредить межпартийные контактные комитеты на общенациональном, региональном и местном уровнях с тем, чтобы содействовать контактам между партиями и электоральными властями, а также между различными партиями. Контактные комитеты могут обеспечить одновременное поступление одной и той же информации ко всем партиям и в присутствии представителей всех конкурирующих сил. Это снизит вероятность того, что различным партиям будет предоставляться различная информация и что кто-то из конкурентов сможет получать дополнительные консультации. Кроме того, при такой системе партии лишатся возможности утверждать, что были информированы не так, как это было на самом деле.

Другая важнейшая функция межпартийных контактных комитетов заключается в том, что они позволяют представителям различных

партий постоянно взаимодействовать и устанавливать связи. Контактные комитеты будут тем местом, где партии смогут разрешать спорные вопросы и снимать взаимные претензии. В результате, они могут стать неформальным, но эффективным механизмом предотвращения конфликтов и разрешения споров.

В. Механизм подачи жалоб и разрешения споров. Свободные и честные выборы предполагают равенство перед законом и равную защиту со стороны закона всех политических конкурентов. Чтобы это обеспечить, правительство и органы, руководящие проведением выборов, должны выработать беспристрастные и эффективные механизмы подачи жалоб и действенные средства судебной защиты. Все это — часть надлежащего правового процесса.

Соответствующие гарантии нормативного правового процесса включают в себя законодательные, регулятивные и судебные процедуры, обеспечивающие уведомление, слушание дел и право апелляции, ограждающее от произвольных или предвзятых судебных решений. Политические конкуренты должны иметь право воспользоваться всеми данными процедурами на любой стадии избирательного процесса.., а также при установлении официальных итогов выборов.

Как правило, при выработке механизма разрешения конфликтов, возникающих в ходе избирательного процесса, используется одна из трех основных моделей:

- рассмотрением жалоб по поводу электоральных нарушений занимаются органы, руководящие ходом проведения выборов, и они же принимают соответствующие решения; при этом стороны имеют право подать апелляцию в электоральные органы более высокого уровня (в некоторых случаях решения высшего электорального органа могут быть оспорены в Апелляционном или Верховном судах, в других — его решение считается окончательным);

- такого рода жалобы рассматриваются специальными избирательными трибуналами;

- электоральные иски рассматриваются обычными судами (в этом случае крайне важно ввести ускоренную судебную процедуру, позволяющую обеспечить своевременное разрешение споров).

В вопросах, касающихся нарезки избирательных округов, жалобы политических конкурентов должны рассматриваться специальными комиссиями законодательного органа, с правом апелляции в суд.

Какая бы модель ни была принята, должны быть установлены соответствующие законодательные санкции для предотвращения противозаконных действий и наказания нарушителей...

Как и другие составляющие избирательного процесса, механизмы рассмотрения жалоб должны быть прозрачными и открытыми для контроля со стороны представителей партий и непредвзятых отечественных и иностранных наблюдателей.

Помимо судебных или формальных механизмов рассмотрения жалоб, должны иметься и неформальные, альтернативные пути разрешения споров. Как уже отмечалось, важную роль в предотвращении конфликтов и неформальном разрешении споров способны сыграть межпартийные контактные комитеты...

Р.ТААГПЕРА, М.С.ШУГАРТ*

ОПИСАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Общие характеристики избирательных систем

Практика выборов широко распространена в современном мире. Принято считать, что их цель — дать «народу» возможность выражать свою волю и выбирать собственных лидеров и представителей. В то же время эта практика имеет относительно недавнее происхождение. Всего пару веков назад выборов почти не было, и даже 100 лет назад лишь очень немногие люди в очень немногих странах имели право участвовать в выборах. Сегодня выборы проводятся в большинстве стран, но их формы, методы и результаты весьма различны.

Выборы с реальным выбором и без него

Разница между наличием и отсутствием выбора имеет фундаментальный характер. При наличии выбора избирателю предлагается выразить предпочтение одному из нескольких кандидатов или программ...

* *Рейн Таагпера* — профессор политологии Калифорнийского университета (Ирвин). *Мэтью Шугарт* — преподаватель общественных наук Школы международных отношений Калифорнийского университета (Сан-Диего). Мы публикуем сокращенный перевод глав из книги: Taagpera R., Shugart M.S. Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems. — New Haven, 1989, напечатанный в № 3 журнала «Полис» за 1997 г.

Выборы без выбора означают, что на суд избирателя выносятся лишь один кандидат или только одна проблема. Можно проголосовать лишь «за» или «против»...

...Подобная практика может соответствовать природе референдумов, но не выборов: ведь она позволяет одобрить или не одобрить правящую группу, но выразить поддержку кому-то другому невозможно. Фактически же и неодобрение правящей группы дается с трудом, особенно если учесть, что именно она монополизирует процесс подсчета голосов...

В настоящей работе рассматриваются лишь выборы с выбором... Главное для настоящей работы — это способы, какими голоса конвертируются в места. Нас не интересует, насколько действительны голоса как таковые.

Процедуры голосования

Структура бюллетеня и механика голосования.

Бюллетени, выдаваемые избирателям, могут быть очень простыми, но могут быть и очень сложными по структуре... Бюллетени могут включать только названия партий или только имена кандидатов, но встречаются промежуточные и смешанные варианты...

Тайна голосования очень важна. В некоторых странах избиратели обязаны заполнять бюллетень в изолированной кабинке, в то время как в других не только приемлемо, но и поощряется публичное заполнение бюллетеня... Иногда избиратель сам опускает бюллетень в урну, но бывает и так, что бюллетень нужно отдать чиновнику, который опускает его в урну в присутствии избирателя. Бюллетени могут быть нумерованными или нет...

Категорический и ординальный бюллетень. Понятия категорического и ординального бюллетеня были введены Д.Рэ. Голосование называют категорическим, если избиратель имеет право выбрать лишь одну партию или одного кандидата из числа претендующих на определенный пост. Голосование называют ординальным, если избиратель может ранжировать партии или кандидатов... Ординальное голосование лучше справляется с задачей выявления реальных предпочтений избирателей, чем категорическое. Тем не менее, будучи более простой системой, категорическое голосование распространено гораздо шире.

Различие между категорическим и ординальным голосованием не имеет абсолютного характера: помимо чистых типов, можно выделить

смешанные. В чистом виде категорический бюллетень требует, чтобы избиратель сказал: «Я предпочитаю данную партию всем остальным». Чисто ординальный бюллетень позволяет избирателю ранжировать всех имеющихся кандидатов независимо от их партийной принадлежности. Однако многие избирательные системы дают возможность проголосовать более чем за одного претендента (индивидуального кандидата или партию) на один и тот же пост, не вводя ординального бюллетеня. К примеру, избиратели могут быть наделены правом выбирать одновременно и общенациональных, и местных представителей в тот же самый законодательный орган (Западная Германия, Мексика, Гватемала, Исландия). Предоставление каждому избирателю более чем одного голоса делает выбор богаче..., и это — уже не вполне категорическое голосование, но, разумеется, и не ординальное. К широте выбора, которую обеспечивает ординальный бюллетень, приближаются системы, использующие так называемое кумулятивное голосование. При такой системе избиратель обладает определенным числом голосов и может отдать их все наиболее предпочтительному для него кандидату или же поделить между несколькими, хотя возможности точно ранжировать кандидатов у него нет...

Избирательные округа и участки... Избирательный округ — это... относительно большая территория, которая включает несколько участков. Для выявления победителей результаты голосования по всем участкам обобщаются в пределах округа...

Понятие «величина округа» применяется для отображения весьма важного фактора — количества мест, распределяемых в округе. Она может колебаться от единицы до более чем сотни. Термин «величина» лучше термина «размер», так как под последним может пониматься число избирателей или даже географическая протяженность округа...

Патологии избирательных систем

Недобросовестное проведение выборов. Даже если официально провозглашены вполне удовлетворительные правила выборов, следуют им не всегда. Имеется множество путей искажения электоральных норм, в частности: введение ограничений на выдвижение кандидатов и предвы-

борную агитацию; создание препятствий, затрудняющих участие людей в выборах; нарушение тайны голосования и фальсификация результатов... Помимо явного мошенничества, существуют и вполне открытые и легальные — но при этом сомнительные — методы увеличения числа голосов. К их числу относятся неравная нарезка избирательных округов и махинации с определением их границ (так называемый джерримендеринг).

Неравная нарезка округов. Выше мы исходили из допущения, что число мест, оспариваемых в каждом из округов, пропорционально количеству избирателей. Но так бывает не всегда. В странах, где выборы проводятся по одномандатным округам, одни округа могут превосходить другие по численности потенциальных избирателей. А это означает, что голоса избирателей имеют неравный «вес», и правило «один человек — один голос» уже не выполняется...

Проблема джерримендеринга и сходных с ним злоупотреблений коренится в самой природе одномандатных округов. Перенарезки округов неизбежны в связи с миграциями населения, а общепринятых правил, согласно которым можно было бы определять границы округов, не существует...

Потенциальные и реальные избиратели. В принципе право голоса имеют практически все взрослые граждане современных демократических стран. Иногда из числа голосующих по разным соображениям исключаются неграмотные, заключенные, военнослужащие и психически больные. В большинстве стран минимальный возраст избирателей — 18 лет, хотя кое-где он превышает и за 20...

Далеко не все имеющие право голоса дают себе труд зарегистрироваться в качестве избирателей. В некоторых странах регистрация избирателей имеет почти автоматический характер, совпадая с обязательной регистрацией постоянного или временного места жительства в полиции. Но иногда процедура бывает громоздкой и должна быть проделана задолго до выборов, так что недавно переехавшие граждане временно лишаются права голоса. Во многих штатах США установлена именно такая процедура.

Из тех, кто зарегистрировался, не все голосуют. Происходит это по разным причинам. Явка на избирательные участки особенно высока там, где голосование имеет обязательный характер, а уклонение от него чревато серьезным наказанием... Дополнительными факторами низкой явки на выборы могут служить слишком частые выборы и большое число

выборных позиций. Однако, с точки зрения настоящей работы, достаточно отметить, что нужно проводить различия между потенциальными избирателями и теми, кто реально участвует в голосовании...

Переменные избирательных систем

Чтобы добиться желаемых результатов, создатели избирательных систем могут манипулировать тремя основными переменными. Альтернативы, с которыми они сталкиваются, могут быть выражены в виде трех вопросов: (а) какова должна быть структура избирательного бюллетеня? (б) какова должна быть величина округа? (в) каков должен быть метод перевода голосов в места?...

Величина округа

Величина округа (М) — количество мест, распределяемых в ходе выборов в данном округе — наиболее важная характеристика избирательных систем. По мере возрастания величины округа устанавливается более точное соответствие между долями голосов, полученных партиями на выборах, и долями занимаемых ими мест. Взаимосвязь между величиной округа и пропорциональностью может быть показана на примерах. Причины такой взаимосвязи ясны. Места представлены в целых числах, в то время как голоса — практически непрерывная переменная. Чем больше распределяется мест, тем легче установить соответствие между определенным процентом голосов и определенным процентом мест (выраженных в целых числах).

Диапазон избирательных систем широк — от делящих страну на множество одномандатных округов до объединяющих ее в единый избирательный округ, величина которого совпадает с численностью членов законодательного собрания...

Один из возможных вариантов состоит в том, чтобы установить единую для всей страны (или колеблющуюся вокруг определенного значения) величину округов, а затем, исходя из некой нормы представительства, провести их границы... Чаше, однако, границы округов определяются на основе существующих административных делений. Затем каждому из округов приписывается определенная величина в соответствии с его населением, в результате чего наблюдаются колебания величин от 1 до 30 и более...

Правила распределения мест: Одномандатные округа

Методы, с помощью которых голоса переводятся в места, нередко просто делят на две категории: применяемые в одно-мандатных и в многомандатных округах... Однако эти две широкие категории в свою очередь распадаются на ряд подвидов, где действуют свои специфические правила.

Плюральная, или система простого большинства (plurality) в одномандатных округах. Во многих странах для победы в округе с М-1 не требуется абсолютного большинства (свыше 50%) голосов — достаточно получить больше, чем любой другой из кандидатов. Такое простое большинство, т.е. наибольшее число голосов, иногда несколько туманно называют также «относительным большинством» или же по аналогии со скачками используют формулировку «побеждает первый» («first past the post»). Приверженцы подобной модели утверждают, что она способствует возникновению стабильных двухпартийных систем, почти всегда позволяющих одной из партий контролировать абсолютное большинство мест в парламенте.

Разновидность плюральной системы, система «двойного одновременного голоса» («double-simultaneous vote»), применяется на президентских выборах в Уругвае и Гондурасе... Данная система используется в ситуациях, когда от партий выставляется по несколько кандидатов. Победителем становится тот кандидат от опередившей других партии, который набрал больше голосов, чем остальные кандидаты от этой партии...

Мажоритарная, или система абсолютного большинства (majority) в одномандатных округах. Для предотвращения ситуации, когда победивший кандидат опирается на поддержку менее 50% избирателей, вводятся правила распределения мест, либо предусматривающие проведение второго тура (раунда) голосования, либо позволяющие выделить приемлемого для большинства избирателей кандидата с помощью ординального бюллетеня.

При голосовании в два тура с использованием категорического бюллетеня предполагается, что если в первом туре никто из кандидатов не получит абсолютного большинства голосов, то в течение какого-то срока — обычно нескольких недель — будут проведены повторные выборы. Как правило, в них участвуют лишь два кандидата, добившиеся наи-

большого успеха в предыдущем туре, так что теперь один из них неизбежно должен получить абсолютное большинство голосов...

Альтернативное голосование (alternative vote). Эта система, известная также под названием мажоритарно-преференциальной..., представляет собой еще один вариант мажоритарной системы в одномандатных округах. На общегосударственном уровне она применяется только при выборах нижней палаты австралийского парламента. Избирателю предлагается выделить в ординальном бюллетене как первое, так и альтернативные предпочтения (отсюда и название — «альтернативное голосование»). Чтобы победить, нужно получить поддержку абсолютного большинства. Если ни один из кандидатов не стал первым предпочтением для более чем 50% избирателей, кандидат с наименьшим количеством первых предпочтений вычеркивается из списка. Полученные им голоса передаются кандидатам, выделенным соответствующими избирателями в качестве вторых предпочтений. Это перераспределение голосов в соответствии с альтернативными предпочтениями продолжается до тех пор, пока один из кандидатов не достигнет абсолютного большинства. Как только число полученных кандидатом первых предпочтений плюс число голосов, переданных ему от других кандидатов, превышает половину общего числа бюллетеней, его объявляют победителем.

Правила распределения мест в многомандатных округах

Большинство избирательных систем, где величина округа превосходит единицу, представляют собой разновидности пропорциональной системы (ПС). Термин «списочная ПС» используется для описания систем, основанных на избирательных законах, которые предполагают применение математических формул для распределения мест между партиями в соответствии с полученными ими долями голосов.

Эта и другие формулы ПС изобретены специально для многомандатных округов, но в таких округах могут применяться и иные типы формул...

Большинство современных избирательных систем относятся к той или иной разновидности списочной ПС. Обычно, хотя и не всегда, при списочной ПС применяется категорический бюллетень или его слегка смягченные модификации. Иногда, правда, используется и ординальный бюллетень (данная разновидность списочной ПС — известная как сис-

тема единого переходящего голоса — весьма широко обсуждается, хотя и редко практикуется)...

Списочная ПС: голосование за кандидата или за партию? При списочной ПС избиратель может иметь или не иметь возможность выразить свое предпочтение отдельным кандидатам, внесенным в партийный список (или даже в разные списки). Наиболее чистой формой списочной ПС является так называемый закрытый список... В преддверии выборов партия выдвигает список своих кандидатов, расположенных в порядке убывающей важности. Выиграв какое-то число мест (по квоте или согласно какой-то иной процедуре), партия передает их кандидатам, находящимся в начале списка...

Другой вариант списочной ПС предоставляет избирателю большую свободу в выборе отдельных кандидатов. Открытый список позволяет не только голосовать за определенную партию, но и выражать предпочтение кому-то из выдвинутых ею кандидатов...

По меньшей мере в двух странах, в Финляндии и в Чили (до 1973 г.), использовались системы, которые обычно относят к категории ПС с открытыми списками, хотя точнее было бы определить их как «квазисписочные ПС». При подобной системе возможность голосовать за отдельных кандидатов превращается в необходимость. Все голоса, поданные за кандидатов той или иной партии, суммируются, как будто они были поданы за партийные списки. Затем происходит распределение мест между партиями, но в соответствии с количеством голосов, полученных каждым из кандидатов. Партийные лидеры, таким образом, лишаются возможности составлять списки кандидатов, а избиратели получают большую свободу выбора; представительство становится более «личным», чем при традиционной списочной ПС... Между тем ПС часто критикуют именно за то, что она якобы разрывает личную связь между избирателем и его представителем.

Но и в квазисписочных системах главную роль играют голоса, поданные за партии, и именно они положены в основу распределения мест между партиями...

Имеется и другая необычная форма списочной ПС, известная как панашаж (panachage), что означает «мешанина». Как и большинство списочных систем, она предполагает голосование по партийным спискам. В то же время, избиратели получают возможность дополнительно высказаться по поводу определенного числа баллотирующихся в округе кандидатов независимо от их партийной принадлежности, «смешивая»

кандидатов от одной партии с кандидатами от других. Таким образом, голос избирателя сказывается на составе законодательного корпуса в целом — в том числе на представительстве партий, списки которых не получили его поддержки...

Рассмотрим две несписочные системы распределения мест в мандатных округах. Одна из них, система «единого переходящего голоса» («single transferable vote»), основана на применении ординального бюллетеня (отсюда и слово «переходящий» в ее названии). В другой — «единого непереходящего голоса» — используется категорический бюллетень...

Система единого переходящего голоса (ЕПГ). Данную систему называют еще квотнопреференциальной, или системой Хэра—Кларка. Стимулом к ее созданию послужило стремление довести до максимума эффективность каждого голоса. За счет использования ординального бюллетеня ЕПГ стремится предотвратить «пустую трату» голосов... Для предотвращения «пустой траты» голосов используется весьма сложная процедура, начинающаяся в кабинке для голосования, когда избиратель отмечает порядок своего предпочтения напротив фамилии каждого из внесенных в бюллетень кандидатов... После подачи ординальных бюллетеней рассчитывается квота, определяющая минимум необходимых для избрания голосов... Каждый из преодолевших квоту кандидатов считается избранным.

После этого происходит переадресовка голосов, причем двумя разными способами. Избыточные голоса — голоса сверх квоты, полученные победившими кандидатами, — переводятся кандидатам, которым соответствующие избиратели отдали свои вторые предпочтения. Одновременно набравшие наименьшее число голосов кандидаты вычеркиваются из списка, и их голоса передаются таким же образом. За счет этого какие-то кандидаты могут достигнуть квоты. Тогда все повторяется, и так до заполнения всех мест кандидатами, преодолевшими квоту за счет присоединения к собственным первым предпочтениям более низких предпочтений, переведенных от других кандидатов.

Многие политологи считают ЕПГ «лучшей» избирательной системой, ибо она позволяет избирателю проголосовать за любой набор кандидатов независимо от причин, по которым предпочтение оказывается именно им, в отличие от ПС с открытыми списками, — если отвлечься от панашажа, — голосование за партийного кандидата здесь не означает голосования за партию в целом (с точки зрения распределения мест меж-

ду партиями). Голос отдается лишь за данного кандидата. В результате ЕПГ дает избирателям максимальную свободу выбора, а контроль партийного руководства сводится к нулю. Конечно, партии могут давать своим сторонникам рекомендации относительно наилучшей для них расстановки предпочтений, но этим и ограничивается их влияние на результаты выборов. Преимущество ЕПГ видят иногда и в том, что данная система делает ненужным «стратегическое» голосование. Избиратель может спокойно голосовать за наиболее предпочтительного для него кандидата, даже если победа того крайне маловероятна, ибо нет оснований опасаться, что тем самым он способствует успеху наихудшего из претендентов на место: ведь избиратель сам определяет, к кому перейдет его голос в случае поражения наиболее предпочтительного кандидата.

И все же система ЕПГ не лишена недостатков. Некоторые отмечают, что она слишком сложна и непонятна избирателям... Если в стране используются избирательные округа очень большой величины, то ЕПГ по определению невозможна, так как для нормального функционирования она потребовала бы огромных бюллетеней и избирателей, склонных к изучению программ и персоналий слишком большого числа кандидатов. Наконец, ЕПГ мало способствует укреплению политических партий по сравнению как со списочной ПС (даже если та допускает элементы преференциального голосования), так и с системой простого большинства (если, конечно, та не предполагает первичных выборов по американскому образцу), ибо последние две системы дают партийному руководству гораздо больше возможностей влиять на состав парламентской фракции.

Единый непереходящий голос (ЕНГ). В соответствии с названием, этой системе чужд перевод голосов и, стало быть, ординальный бюллетень, применяемый в ЕПГ. ЕНГ используется в Японии при выборах нижней палаты парламента. Величина округов установлена на уровне от трех до пяти, но при этом каждый избиратель голосует лишь за одного кандидата путем подачи категорического бюллетеня. Победителями становятся кандидаты с наибольшим количеством голосов, независимо от их партийной принадлежности... Систему ЕНГ обычно называют полупропорциональной, однако реальные отклонения от пропорциональности в Японии могут быть обусловлены не столько правилами распределения мест, сколько малой величиной округов.

Система с ограниченным числом голосов (limited vote). Эта система подобна ЕНГ во всех отношениях, за исключением того, что число

кандидатов, за которых голосует здесь каждый избиратель, больше единицы, но в то же время меньше, чем величина округа. Типичным был бы случай голосования за двух кандидатов в трех- или четырехмандатном округе... В отличие от нормальной системы простого большинства в многомандатных округах, когда избиратель может поддержать лишь одну партию, «неограниченное голосование» позволяет голосовать сразу за несколько списков...

Математические формулы, применяемые для распределения мест при списочной ПС

...Хотя существующие формулы весьма многообразны, в сущности они сводятся к двум большим категориям, одна из которых основана на вычитании, а вторая — на делении. Можно установить квоту и при отведении партии мест каждый раз вычитать соответствующее число из доли полученных ею голосов, а можно определить последовательность делителей и делить эту долю на установленное число каждый раз, когда партии отводится место.

Квоты. Наиболее широко применяются два способа определения квот. Первый из них состоит в том, чтобы делить общее количество голосов в округе (V) на величину округа (M), в результате чего получаем количество голосов (q_0), дающее право на одно место при чисто пропорциональном распределении мест: $q_0 = V / M$. (К аналогичному результату ведет применение формулы $q_0 - 100\% / M$, направленной на вычисление процентной доли голосов, дающей право на одно место.) Недостаток этой простой квоты, которую называют также квотой Хэра, состоит в том, что часть мест может остаться неподделенной, и для их распределения требуется какая-то дополнительная процедура. Самая распространенная из таких процедур — распределение оставшихся незанятыми мест по принципу наибольших остатков после применения простой квоты.

Иногда общее число голосов делят на число мест плюс один: $V / (M + 1) = q_1$, где индекс 1 как раз и означает добавление единицы к M . Такая квота меньше простой и потому позволяет распределить большее число мест, а допускаемые ею остатки меньше. Эта квота также не лишена недостатков, главный из которых заключается в том, что при определенных условиях она способна отвести партиям больше мест, чем имеется в наличии...

Делители. Другой способ распределения мест состоит в том, чтобы установить последовательность делителей. Всякий раз, когда партии отводится место, число полученных ею голосов делится на очередной из таких делителей. Это — циклическая процедура, на каждом из этапов которой партия, имеющая наибольший результат деления («наивысшую среднюю»), получает место. Наиболее распространенная из процедур подобного рода называется методом д'Ондта по имени ее изобретателя, Виктора д'Ондта, и использует делители 1, 2, 3, 4 и т.д. С равным успехом ее можно было бы называть методом Джефферсона, ибо Томас Джефферсон предложил аналогичный способ распределения мест между штатами в конгрессе США еще до того, как д'Ондт сформулировал свой метод применительно к партиям...

Другой основанной на использовании делителей системой является метод Сен-Лаге. Она тоже носит имя своего официального изобретателя, хотя в действительности автором следует считать Дэниэла Уэбстера, в свое время предложившего применять ее опять-таки для распределения мест в конгрессе между штатами. Если, по методу д'Ондта, полученные партиями голоса следует делить на 1, 2, 3 и т.д., то метод Сен-Лаге предписывает использовать делители 1, 3, 5 и т.д. Смысл такой замены состоит в том, чтобы сократить преимущество крупнейшей и помочь малым партиям.

Существует еще и модифицированный метод Сен-Лаге, при котором применяются делители 1,4; 3; 5 и т.д. Замена единицы на 1,4 снижает преимущества малых партий, обусловленные использованием метода Сен-Лаге в чистом виде. Теперь в выигрыше оказываются партии среднего размера. Именно поэтому модифицированный метод Сен-Лаге был принят Скандинавскими странами... Таким образом, из рассмотренных трех вариантов метод д'Ондта благоприятствует крупным, метод Сен-Лаге — малым, а модифицированный метод Сен-Лаге — средним партиям. Но чем больше M , тем меньше сказываются специфические эффекты применения того или иного правила и тем более пропорциональным становится результат.

Рассмотренные выше методы распространены наиболее широко. Теоретически, однако, возможны и многие другие, даже если свобода выбора ограничена требованием, чтобы каждый следующий делитель превышал предыдущий на установленную величину...

Другие типы правил распределения мест

Хотя избирательные системы часто делят на системы простого и абсолютного большинства, с одной стороны, и ПС — с другой, существуют и другие разновидности, не лишенные весьма своеобразных характеристик.

Персонализированная (personilized) ПС. Система, в основе которой лежит стремление сочетать преимущества простого большинства и ПС, используется в Германии... Каждому избирателю предоставляется два голоса, один из которых можно отдать за индивидуального кандидата, другой — за партийный список. Первый из них подается в одномандатном округе, где для достижения победы достаточно простого большинства. Второй призван обеспечить дополнительные места партиям, получившим по одномандатным округам меньше мест, чем должны были бы в соответствии с чисто пропорциональным распределением. В результате состав законодательного собрания фактически определяется голосованием по партийным спискам по единому общенациональному округу. Если выборы по одномандатным округам обеспечивают связь между избирателями и их представителями, аналогичную той, которая существует, скажем, в Великобритании, то взаимозависимость между голосами и местами в общегосударственном масштабе позволяет системе функционировать как ПС с большой величиной округа. Потому такой порядок и был назван «персонализированной ПС».

Специфическая для персонализированной ПС переменная — это количество голосов у каждого избирателя. Голосов может быть два — за отдельных кандидатов и партийные списки (как в Германии и Мексике), — но наличие нескольких голосов не является необходимым логическим следствием системы. Голос может быть только один. Если в первом случае избирателю дается возможность проголосовать одновременно за две партии — например, за кандидата большой партии и за список малой (как часто происходит в Германии), то во втором он голосует за отдельного кандидата, а расчет причитающихся партиям компенсаторных мест происходит после сведения воедино данных по одномандатным округам и вычисления процентной доли каждой партии в общегосударственном масштабе. Такую форму персонализированной ПС предлагалось ввести в Великобритании, Новой Зеландии и Канаде., где она могла бы стать средством преодоления усилившейся в последние годы диспропорциональности представительства, обусловленной использованием системы простого большинства.

Поборники такой системы в Великобритании называют ее системой «добавочных представителей», имея в виду, что она добавляет некоторое количество парламентских мест к уже существующим...

Наконец, нельзя обойти вниманием некоторые потенциальные недостатки персонализированной ПС. Наличие у каждого избирателя двух голосов открывает известный простор для манипуляций. Некоторые критики отмечают, что такой порядок позволяет двум сотрудничающим между собой партиям получить больше мест, чем могла бы партия, не имеющая союзников, при равном количестве голосов. Конечно, и другие разновидности ПС, допускающие коалиции, могут давать такой результат, но нужно учитывать, что при таких системах (например, действующей в Финляндии) голосование, если не используется панашаж, все же имеет категорический характер.

Заградительные барьеры

В некоторых избирательных системах применяется еще одна важная переменная, на которой следует остановиться. Можно установить минимальную долю голосов, или порог (threshold), который должна преодолеть партия, чтобы претендовать на представительство. Такой «порог» (его называют также барьером) вводится в ПС для того, чтобы преодолеть ее наиболее бросающийся в глаза недостаток — отсутствие каких-либо стимулов, сдерживающих фрагментацию партий. Наиболее известным примером заградительного барьера является 5%-ный порог в Германии... В Израиле, где величина единого общенационального избирательного округа равна 120, установлен 1%-ный порог, слишком низкий, чтобы реально сказываться на результатах. Одним из самых высоких в современной практике заградительных барьеров является 17%-ный порог, установленный в Греции в рамках так называемой усиленной ПС.

Одно из неудобств, связанных с использованием заградительного барьера, заключается в произвольности определения его высоты...

Перевод Г.В.Голосова

А.И.МИЛЛЕР

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ: КАРЕН ДАВИША О РОЛИ ВЫБОРОВ В ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ*

Карен Давиша работала советником в Комитете по внешней политике Британского парламента, затем была сотрудником Государственного департамента США. Сегодня в качестве академического политолога совместно с Брюсом Парротом она руководит огромным проектом по исследованию современного политического развития посткоммунистических стран Европы, его исторической обусловленности. За последние семь лет под их совместной редакцией было опубликовано восемь сборников статей, посвященных различным аспектам этой темы. В 1997 г. в рамках проекта вышли из печати сразу два сборника статей — две части четырехтомного издания под общим заголовком «Демократия и авторитаризм в посткоммунистических обществах», посвященных процессам демократизации в Центральной Европе и в постсоветских государствах (1; 2). Статья Давиши «Демократизация и политическое участие: Исследовательские концепции и методологии» была напечатана в обоих книгах как вводный текст, определяющий основные методологические параметры проекта (3).

Давиша начинает статью с объяснения того, как понимается демократизация в руководимом ею проекте. Опираясь на работы последних лет — публикации Х.Линца, С.Липсета, С.Хантингтона, Г.О'Доннела и

* Публикуется сокращенный вариант статьи из сборника: Выборы в переходных обществах: Сб. науч. тр./ИНИОН РАН. Отв. ред. и сост. Мелешкина Е.Ю. — М., 2000.

других виднейших западных политологов, она предлагает процедурное или минималистское определение демократии как политической системы, в которой формальные и реальные лидеры правительства определяются путем регулярных выборов, основанных на альтернативности и тайном голосовании, с правом голоса у всего взрослого населения. Она считает, что лидеры, избираемые на таких свободных и честных выборах, должны более внимательно, чем лидеры авторитарных государств, реагировать на желания и требования населения.

Гражданские свободы и политические права — два концептуальных измерения демократии. Взаимосвязь политических прав и уровня демократии Давиша считает прямой и даже измеримой. Критерии ясны и легко применимы: анализ законов и политических практик позволяет ясно судить о том, насколько всеобщим является активное и пассивное избирательное право, насколько свободно лидеры могут соревноваться в ходе избирательных кампаний. Чем шире права, которыми пользуется население, тем выше уровень демократизации, уверенно заключает Давиша. В то же время она считает неизбежным некоторое отступление от этих норм в рамках мажоритарной системы, которая должна ограничить число представленных в парламентах партий, сократить влияние экстремистских правых и левых сил, усилив роль центристских политических группировок.

Процесс демократизации, по Давише, начинается с проведения первых свободных выборов и затем закрепляется гарантиями политических свобод и гражданских прав. Ей вторит другой руководитель проекта Б.Паррот, считающий введение альтернативных выборов рубежом процесса демократизации (5). Таким образом, выборы играют ключевую роль в определении руководителями проекта как самой демократии, так и процесса демократизации.

В статье Паррота можно, однако, встретить ряд оговорок. Отмечая, что в большинстве посткоммунистических стран преобладает тенденция рассматривать парламентские выборы как предпочтительный способ избежать внеконституционных столкновений, Паррот указывает на значительные возможности «посткоммунистической манипуляции» выборами, приводя в качестве примера Узбекистан, Казахстан и Белоруссию.

Паррот обращает внимание на сложности, с которыми сталкивается процесс формирования партий. Степень подавления альтернативных политических структур — где таковые существовали — в пери-

од правления коммунистических партий оказалась столь высока, что процесс формирования партий в посткоммунистических странах более напоминает аналогичные процессы в XIX в., чем в конце XX в. в других «новых демократиях», например в Латинской Америке. В то же время всеобщий характер выборов, в отличие от ограниченного избирательного права XIX в., препятствует программной кристаллизации новых партий, стремящихся апеллировать ко всем значительным группам избирателей. В целом же проект отводит выборам роль центрального инструмента и одновременно критерия процесса демократизации в посткоммунистических странах.

В 1999 г. К. Давиша вновь обратилась к роли выборов в демократизации посткоммунистических обществ, существенно пересмотрев собственные оценки двухлетней давности (4).

За исключением Таджикистана и Туркмении, констатирует она, во всех посткоммунистических странах состоялись хотя бы одни выборы, которые наблюдатели оценили как в целом свободные и честные. В 16 из 27 стран такие выборы прошли несколько раз. Но лишь очень немногие из этих стран смогли добиться значительного прогресса в становлении прочной, стабильной демократии. Однако во многих странах насилие не уменьшилось, доверие к политическим лидерам не возросло и население не считает выборы достаточным инструментом для подлинного разрыва с прошлым.

Главные для Давиши вопросы — чего мы ждали от выборов и что они дали в действительности. Иначе говоря, как теории демократии отвечают на вопрос, способствуют ли регулярные выборы утверждению принципов и норм демократии даже в условиях, когда другие черты развитых демократий — гражданское общество, главенство закона и стабильная рыночно ориентированная экономика — отсутствуют или недостаточно развиты. Не преувеличиваем ли мы роль выборов в строительстве демократии, когда сводим ее к процедурным аспектам, считая демократическим всякий режим, где лидеры выбираются на альтернативной основе тайным и всеобщим голосованием?

Давиша утверждает, что, посчитав свободные выборы главным критерием демократической трансформации в посткоммунистических странах, Запад наделил их той ролью, которую эти выборы никогда не играли при становлении демократии в самих западных странах. Признание свободных всеобщих выборов главным критерием демократии основано на убеждении, что такие выборы могут состояться только по дос-

тижении ряда предварительных условий. Это верно для западных стран, но не стран Восточной и Центральной Европы, ни одна из которых не обладает полным набором тех предпосылок, которые существовали на Западе к моменту введения свободных всеобщих выборов, а именно: правовое государство, гражданское общество и демократическая по своим установкам политическая культура. Таким образом, выборы стали рассматривать уже не как результат определенного процесса, а как инструмент для стимулирования этого процесса, т.е. им приписана роль, которой на Западе они не играли. По мнению Давиши, выборы отчасти выполнили эту роль в странах Центральной Европы, но в более сложных условиях постсоветских обществ этого сделать они не смогли. Более того, возникает вопрос, не могут ли «хорошие» выборы в плохих условиях осложнить переход к демократии. Насколько помогают строительству демократии свободные и честные выборы, которые приводят к власти гангстеров, антисемитов, антидемократически ориентированных коммунистов и фашистов?

Проблемы ряда посткоммунистических стран станут понятнее, если проанализировать развитие избирательного права и роль выборов в ранних демократиях Америки и Западной Европы, считает автор. В Америке узкая элитная группа установила правила, по которым столь же узкий слой избирателей определял своих представителей во властных структурах. Эта элита была структурирована главным образом по имущественному признаку. Электорат ранней американской демократии не был репрезентативен по отношению ко всему населению. Даже в 1824 г. президент Дж.Адамс был избран 114 тыс. голосов в стране, население которой составляло более 12 млн. человек. К тому же времени относится формирование двухпартийной системы, которая до сих пор контролирует политический процесс. Вплоть до конца XIX в. главной задачей избирательных законов было не расширение, а ограничение круга избирателей. Стремление к созданию эффективной власти долго находилось в противоречии с принципом всеобщего избирательного права, и именно предпочтение, отданное эффективности власти, а не принципу всеобщего избирательного права, позволило возникнуть стабильной, правовой и институализированной системе власти в США. Последующее расширение избирательного права не привело к дестабилизации власти.

Миф стабильного и поступательного развития демократии на Западе отодвигает в тень Гражданскую войну в Америке, Славную революцию в Англии, пять республик и монархические реставрации во Фран-

ции, крах Веймарской республики в Германии и то, что на Иберийском полуострове демократия даже не начиналась вплоть до 70-х годов. Эта историческая амнезия могла способствовать легитимации демократии на Западе, но весьма опасно следовать основанным на этой амнезии представлениям при разработке рекомендаций и оценке развития посткоммунистических стран.

Выборы в посткоммунистических странах возникают не на пустом месте. Принцип всеобщего избирательного права существовал во всех этих государствах, более того, участие в выборах рассматривалось как обязанность, а структурирование общества по имущественному признаку целенаправленно подавлялось. В то же время этничность во многих коммунистических странах была институализирована. В результате возникающая после падения коммунистических режимов партийная система структурировалась не по имущественному признаку, а по целому ряду разнонаправленных осей, среди которых не последнюю роль играл этнический фактор.

В переходный период население мало доверяло политическим элитам как представителям своих интересов, а элиты были объединены лишь на почве отрицания наиболее тяжелых эксцессов авторитарного прошлого. Налицо высокая степень политической мобилизации населения и низкий уровень его доверия к политическим элитам, поэтому в 18 из 27 государств избирательные системы отдали предпочтение пропорциональному, а не мажоритарному принципу. Процентный барьер для партий либо вообще отсутствовал, либо был очень низким — до 4% в 11 странах.

В 13 государствах парламент ни при каких обстоятельствах не мог быть распущен исполнительной властью, в целом преобладало стремление ослаблять исполнительную власть по отношению к парламенту. Общая тенденция на начальном этапе заключалась в достижении как можно более широкого представительства за счет эффективности исполнительной власти. Последовавшие за этим события подтвердили формулу Гоббса: жизнь без власти может быть «отвратительной, жестокой и короткой». Сама идея сильного государства была скомпрометирована и ассоциировалась с коммунистическим прошлым.

Многофакторный экономический и социальный кризис в большинстве посткоммунистических стран потребовал для своего разрешения сильного правительства, поддержка пропорционального представительства слабела. (Исключение составляли Венгрия и Чехия.) В это же

время элиты, завоевавшие большинство в правительствах, стремились провести такие политические реформы, которые закрепили бы их власть. Две эти тенденции на следующем этапе сделали господствующими принципы постепенности, эффективности управления и делегативной демократии. Для улучшения управляемости был проведен ряд реформ. Однако результаты этих преобразований не всегда совпадали с запланированными.

Прежде всего в восьми странах были повышены процентные барьеры для попадания в парламент с целью уменьшить число представленных в парламенте партий, ослабить влияние радикалов и усилить центристские группы. Теория демократии исходит из того, что чем меньше партий (но не менее двух), тем более стабильной должна быть система. Поэтому повышение процентного барьера было поддержано многими западными экспертами, которые надеялись, что представленные в парламенте партии будут более центристскими и более склонными играть по правилам. Между первыми и вторыми выборами процентный барьер в среднем вырос с 3,9 до 4,6%, для избирательных объединений еще выше — в Венгрии он составил 15%.

Далее, реформированная избирательная система обеспечивала выигравшим выборы партиям более высокий процент мест в парламенте, чем процент голосов, полученных ими на выборах. Эта практика распространена в развитых демократиях и основана на предположении, что партии, стремясь получить «приз» за одно из первых мест, будут сдвигаться в своих программных установках туда, где сконцентрировано большинство избирателей, т.е. в центр политического спектра. Предполагается, что это будет способствовать созданию более сильных правительств, в более длительной перспективе — их эволюции в сторону центра. Если на первых выборах из 17 государств, использовавших пропорциональную избирательную систему, лишь восемь прибегли к формулам, отдававшим предпочтение партиям-лидерам, то в ходе вторых выборов таких стран стало уже 12.

Третьим аспектом политических реформ стало введение смешанных избирательных систем, в которых лишь часть парламентских мест распределяется по пропорциональной системе, а другая часть — через мажоритарные округа. Это также должно было играть на руку сильным партиям, которые имели развитые структуры на местах. В конечном счете эта система должна была способствовать консолидации политического центра.

Наконец, в целом ряде стран усилилась президентская власть, она получила возможность управлять через указы, инициировать референдум и ряд других способов обходить парламенты. Это отражало общественные настроения: недовольство ухудшающимися условиями жизни и неспособностью парламентов быстро принимать меры, которые считались необходимыми для преодоления ситуации.

Таковы были намерения. Но каковы же оказались результаты? Введение или повышение процентного барьера, конечно, уменьшило число представленных в парламенте партий, партиилидеры увеличили свое представительство. Но если западные аналитики надеялись, что эти нововведения будут способствовать маргинализации «красных» посткоммунистических и «коричневых» партий, то этого не произошло. Ранние оптимистические прогнозы были основаны на убеждении, что влияние посткоммунистических партий ограничено и будет уменьшаться по мере расширения числа избирателей за счет новых, некоммунистических поколений. Приход посткоммунистов к власти в Польше в 1993 г. вынудил пересмотреть эти прогнозы. Реформы избирательной системы задумывались, исходя из убеждения, что в этой наиболее антирусской из посткоммунистических стран избиратель никогда не проголосует за посткоммунистов. Реформы проводило либеральное правительство при поддержке западных экспертов. Предполагалось, что даже если избиратель захочет сдвинуться влево, то он проголосует за социал-демократические партии без коммунистических корней. Но реальный выигрыш получили посткоммунисты с их сильной партийной организацией в центре и на местах. Разумеется, противники посткоммунистов извлекли уроки и выиграли уже следующие выборы, проводившиеся по новой системе. Но в целом эта новая система способствовала стабилизации и институционализации посткоммунистических партий, действительно подтолкнула их к центру, но они в результате заняли то поле, на котором должны были сформироваться новые социал-демократические партии. И эта ситуация не изменится. Одно из ее следствий — сохранение крайне правых антикоммунистических партий, которые в ином случае должны были бы утратить смысл существования.

Сохранение посткоммунистическими партиями ведущих ролей крайне затрудняет развитие демократической системы, поскольку вносит элемент глубокого недоверия в самый центр политической жизни, поскольку оппоненты посткоммунистов не могут быть уверены, что они будут следовать правилам игры в случае прихода к власти.

Наконец, вопреки прогнозам число партий в посткоммунистических странах не только не уменьшается, но в некоторых случаях даже растет: число партий, участвовавших во вторых выборах в Чехии, выросло с 17 до 20, в Грузии — с 47 до 54, в Литве — с 17 до 24, а в Венгрии осталось прежним — 19.

Там, где существует процентный барьер, часть избирателей неизбежно голосует за партии, которые его не преодолевают. Их голоса, таким образом, теряются. В Западной Европе средний процент таких потерянных голосов для всех выборов, проходивших в послевоенный период, составляет 6, т.е. лишь один из 20 избирателей голосует за партии, которые не проходят в парламент. В посткоммунистических странах этот процент «потерянных» голосов составляет в среднем 17, т.е. почти каждый пятый голосует за партии, не попадающие в парламент. Если эта тенденция сохранится, то значительная часть избирателей скорее потеряют веру в сам процесс выборов, чем переменят свои политические симпатии. Следует иметь в виду, что этот процент «потерянных» голосов относится лишь к пропорциональным выборам. В мажоритарных округах он еще выше. Рекордными в этом отношении можно признать выборы в России в 1995 г., когда было потеряно 49% голосов, поскольку из 43 зарегистрированных партий лишь четыре преодолели 5%-ный барьер.

Теории выборов предполагают, что избиратели и политики будут вести себя рационально, т.е. одни будут голосовать за партии, которые имеют хорошие шансы, а другие в своей деятельности и программных установках будут эволюционировать таким образом, чтобы увеличить свои шансы преодолеть процентный барьер. В двухпартийной системе избиратель знает, что голосовать за третью силу иррационально. Но если партий 34 или 43, как определить рациональность или нерациональность выбора? Если в центре избирательного поля находится или коммунистический, или националистический сербский или хорватский электорат, сможет ли антикоммунистический избиратель или босняк оценить как рациональное стремление сдвинуться в направлении центра? Будет ли дальнейшая эволюция характеризоваться сближением основных сил в центре политического спектра или же, напротив, преобладающей станет тенденция к поляризации, при которой избиратели будут концентрироваться вокруг нескольких сил, разделенных не столько экономическими программами, сколько этническими, религиозными и региональными факторами? Даже в западных странах выборы не стали механизмом урегулирования конфликтов между католиками и протестантами в Северной

Ирландии, проблемы баскского сепаратизма или антиправительственной ориентации милиции в Монтане. Такие проблемы приходится решать с помощью целого набора средств и в течение длительного времени. Это тем более верно для посткоммунистических стран — выборы могут способствовать построению демократической системы, но не в силах заметить сложного процесса ее строительства.

Перспективы могут стать весьма пугающими. Если коммунистические режимы проводили выборы, которые никак не способствовали демократизации, то что мешает проводить такие выборы посткоммунистическим и другим правящим силам? Способствует ли международное сообщество строительству демократии, давая положительную оценку выборам в Хорватии или Казахстане, когда результаты выборов заранее predeterminedены? Не является ли такое занижение критериев, по которым выборы признаются свободными и справедливыми, лишь пособничеством диктаторам в строительстве электорального авторитаризма? Ведь выборы 1992 г. в Сербии, на которых победил Слободан Милошевич, были признаны свободными и справедливыми. Что, если грязные технологии, использованные в ходе последних местных выборов в Санкт-Петербурге, станут привычной практикой и для других избирательных кампаний в России? В конечном счете вопрос состоит не в том, смогут ли выборы predeterminedить успех демократии там, где другие составляющие этого процесса не срабатывают, но в том, почему мы верили в то, что это возможно?

Эволюция позиции Давиши весьма показательна. Она демонстрирует, как упрощенный Нормативный подход, эта родовая болезнь западной политологии при анализе модернизирующихся обществ, дал о себе знать и в этом случае. Уже в конце 50-х — начале 60-х годов точно такая же история произошла с первым изданием концепций модернизации, которые фактически игнорировали проблему структуры самих традиционных обществ при анализе их потенциальной реакции на модернизационные импульсы. Точно так же — и Давиша сама убедительно это показала — реальная природа посткоммунистических обществ не принималась в расчет при выстраивании нормативных концепций, которые были, в свою очередь, основаны, по ее верному замечанию, не на реальном опыте развития демократии на Западе, но на «исторической амнезии».

Новая статья Давиши отражает общую тенденцию, наметившуюся в западной политологии в последнее время, — более пристальное внимание к реальным механизмам социального и политического взаимодей-

ствия в незападных обществах. Другой британский политолог, Ричард Роуз, в опубликованной в 1999 г. статье под знаменательным названием «Жизнь в антимодерном обществе» также приходит к выводу, что в России и ряде других посткоммунистических стран «общества достигли предела того, чего можно добиться благодаря утверждению института свободных выборов» (6, с.74; см. также 7).

Список литературы

1. Conflict, cleavage and change in Central Asia and the Caucasus / Dawisha K., Parrott B.(eds.) – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1997.
2. The consolidation of democracy in East–Central Europe / Dawisha K., Parrott B. (eds.) – Cambridge: Cambridge Univ. press, 1997.
3. Dawisha K. Democratisation and political participation: research concepts and methodologies // The consolidation of democracy in East–Central Europe. – Cambridge, 1997. – P. 5–40.
4. Dawisha K. Electoracies and the Hobbessian Fishbowl of Postcommunist Politics // East European politics and societies. – University of California Press, Berkeley, 1999. –Vol. 13 (2).
5. Parrott B. Perspectives on postcommunist democratization // The consolidation of democracy in East–Central Europe.— Cambridge, 1997.
6. Rose R. Living in an Antimodern Society // East European constitutional rev. –Budapest, 1999. – Vol.8 (1/2).
7. Rose R., Doh Chull Shin. Democratization Backwards: The problem of Third Wave democracies // Univ. of Strathclyde studies in public policy. – Glasgow, 1999. – N314.

